

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ АССОЦИАЦИИ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

РУССКОЕ ПОЛЕ №2(16)

2016
ВЫХОДИТ С 2010 ГОДА

ЖУРНАЛ ВЫПУСКАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПОСОЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

СО Д Е Р Ж А Н И Е

80 лет
Николаю Рубцову

Станислав Минаков. «Из молящейся этой души» 3

Пушкинская
горка

Ирина Ремизова. «Век идёт и тает на лету» 9

ИНФО - поле
АРП РМ

«Духовной жаждою томим...» 19

Casa mare

Анастасия Ермакова. Рассказы 23

Игорь Панин. «Не бросай меня, если даже...» 40

Звезда над
полем

Татьяна Млечко. «И светлое льётся сиянье...» 47

Поли-ART

Олег Краснов. Нить Ариадны. Пьеса 51

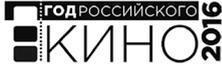

Взлётная
полоса

Алиса Чопчик. Я – дерево. Я – стекло 73

Павел Полищук. «Все дороги ведут домой» 110

Руфина Попович. Разговор на балконе 113

Елена Ройтбурд. По-прежнему важнейшее 115

Ольга Тиховская. Осенние раздумья Вадима Дербенёва 120

Ольга Гарусова. «Трудная у него жизнь, мучительная...» ... 130

Пётр Шорников. Защита русской речи
и молдавской истории 138

Южный федеральный округ 154

Учредитель и главный редактор: *Олеся Рудягина*
Редколлегия: *Сергей Пагын, Татьяна Орлова-Волошина,*
Виктория Алесенкова, Марина Сычёва.
Литературный редактор и корректор: *Нелли Торня*
Художник: *Сергей Сулин*
Вёрстка: *Людмила Ильина*

E-mail: russkoepole-md@mail.ru

ISSN 1857-1301

Отпечатано в типографии SRL "Metrompas"
г. Кишинёв, ул. Фердедулуй, 4

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Перепечатка материалов – только с разрешения редакции журнала «Русское поле».

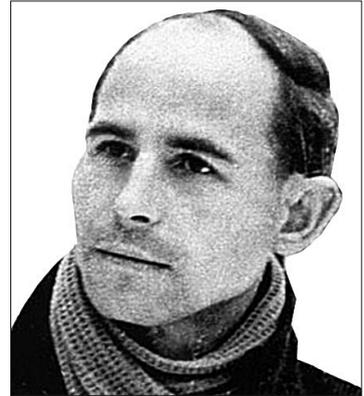

80 лет Николаю Рубцову

СТАНИСЛАВ МИНАКОВ

«ИЗ МОЛЯЩЕЙСЯ ЭТОЙ ДУШИ»

Он всё ещё, слава Богу, льётся, этот долгий, непресекающийся свет горницы поэта Николая Рубцова, которого воспитала, а потом и приняла в себя для всей Руси благодатная вологодская земля. И даже эстрадным дивам, с их порою неадекватными модуляциями, берущимся исполнять песню на его слова, всё-таки удаётся, благодаря проникновенным строкам первоисточника, донести высокое и пронзительное, хотя и тихое чувство, с которым эти строки выдохнуты прямо в русское сердце:

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды...

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниёт совсем.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень.
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...

Свою самобытную поэтическую лодку Николаю Михайловичу Рубцову (1936–1971) смастерить удалось. Удалось, как он запальчиво мечтал, и «книгу Тютчева и Фета продолжить книгою Рубцова». Прожив короткую жизнь, он успел много где поработать и поучиться, отслужить четыре года срочной службы на Северном флоте.

Он ушёл из жизни трагически. Носивший в Литинституте кличку «Коля-шарфик» (за пристрастие к этому аксессуару, на снимках и портретах мы видим его в разных шарфах), он был по недоразумению задушен ночью любимой женщиной, начинающей поэтессой, с которой собирался вскоре оформить отношения в ЗАГСе. Случилось это 19 января 1971 года, через две недели после дня его тридцатипятилетия. Так страшно воплотились в жизнь его пророческие строки: «Я умру в крещенские морозы, я умру, когда трещат берёзы...». Трижды отчисленный из Литинститута за «пьяные дебоши и скандалы в общественных местах» (впоследствии оказывалось, что был он не так уж и виноват), нежный человек.

Похоронен в Вологде на Пошехонском кладбище.

И дело вовсе не в самости или антологическом ряде, в который Рубцова теперь, после кончины, всякий раз помещают. Дело в тайне исповедальной интонации, которую не купишь, мастерством не взрастишь. Потому что характер этого дара – от Духа Святого, который дышит, где хочет, и стяжать его нельзя иначе кроме как получив «просто так», ни за что. А почему это кому-то свыше даётся или не даётся – тайна сия велика есть.

И объяснить невозможно, отчего у русского человека перехватывает горло от этих простых (проще не бывает!) строк: «Матушка возьмёт ведро, / Молча принесёт воды...».

Что же стоит за этими словами? Может быть, автобиографический для поэта факт: потеряв с 1941-го года отца, ушедшего на фронт и не вернувшегося, а в 1942-м – мать, мальчик попал в детдом Тотемского района Вологодской области, где и окончил семь школьных классов. Рубцов – из поколения послевоенной безотцовщины, и отсюда, видимо, тоже эта пронзительная русская нота непреходящей грусти в его творчестве.

«...Широко на Руси машут птицам согласные руки», – писал Рубцов, доводя читателя до слёз. Писал, как никто до него, а ведь его предшественниками написано немало прекрасных русских стихов.

«...И пенья нет, но ясно слышу я / Незримых певчих пенье хоровое...» – это высокая религиозная поэзия. Отечественным мыслителем подмечено точно: настоящий русский поэт всегда религиозен.

Уроженец и воспитанник русского севера, Архангельщины и Вологодчины, Коля Рубцов всей своей поэтической жилкой словно вобрал в себя удивительную исповедальность родного края, давшего Русскому миру целую плеяду подвижников православной веры – Кирилл и Ферапонт Белозерские, Феодосий Тотемский, Нил Сорский, Прокопий Устюжский.

Узы любви к Отечеству, к его святыням протянуты к сочинениям Рубцова из далёких духоносных веков, в которых подвизались северные русские молитвенники. И в то межеумочное время, на годы которого пришлись даты жизни поэта, его стихи стали одним из тех сердечных каналов, по которым передавался следующим поколениям духовный русский код, не угасший даже в период безбожия.

Побывав в Ферапонтовом монастыре Рождества Богородицы, основанном в 1398 году на холме между озерами иноком Ферапонтом, сподвижником Кирилла Белозерского, увидев потрясающие росписи Рождественского храма, выполненные иконописцем Дионисием с сыновьями Владимиром, Феодосием и артелью, Николай Рубцов написал – просто и ясно, да так, что лучше и не скажешь:

В потемневших лучах горизонта
 Я смотрел на окрестности те,
 Где узрела душа Ферапонта
 Что-то Божье в земной красоте.

И однажды возникло из грёзы,
 Из молящейся этой души,
 Как трава, как вода, как берёзы,
 Диво дивное в русской глуши!

И небесно-земной Дионисий,
 Из соседних явившись земель,
 Это дивное диво возвысил
 До черты, не бывалой досель...

Неподвижно стояли деревья,
 И ромашки белели во мгле,
 И казалась мне эта деревня
 Чем-то самым святым на земле...

(«Ферапонтово», 1970).

Кому посчастливилось посетить Ферапонтово – тот полней поймёт поэта. Свидетельствую: каждая строка здесь – в десятку, точнее не бывает. Мне довелось смотреть такими же глазами «на окрестности те» в 1988 году. Но и тот, кто не бывал на Вологодчине, тоже проникнется, благодаря образной силе *такого* поэтического слова.

Не оставим без внимания серьёзное замечание критика Вадима Кожинова в заметках о творчестве Николая Рубцова: «Тем, кто стремится понять природу поэзии (и, конечно, искусства в целом), необходимо раз и навсегда запомнить, что в творчестве нет и не может быть простых – в буквальном смысле этого слова – и «безыскусных» путей».

Так что мысль о лёгкости простоты в искусстве отбросим как иллюзорную. Тем более что мы имеем дело с русским поэтом.

А ведь нужно было носить в себе нечто корневое, не отменяемое никакими новыми жизнеустройствами, чтобы написать:

И туча шла, гора горой!
 Кричал пастух, металось стадо,
 И только церковь под грозой
 Молчала набожно и свято.

(«Во время грозы»).

Следует принципиально отрефлексировать один очень важный момент русского бытия, поскольку он и сегодня является камнем преткновения, поводом для раздора. Я стою на той позиции, что советский период русской истории был провиденциальным, необходимым для русского вразумления попущением Божиим, и в советской эпохе, несмотря на морок, наличествуют – хоть далеко не всегда прямо выраженные – следы присутствия Духа Святого. И в страшном русском

двадцатом веке были носители сакрального знания (подчас интуитивного, неназванного, безотчётного), деятельность, творчество которых позволили нам сохранить фундаментальные русские ценности даже в тех условиях, которые были направлены на разрушение и уничтожение всего русского. Николай Рубцов сумел выполнить Поручение Божией красоты, гармонии, страдания и сострадания, которые, как мы понимаем, и были частью дара этого поэта.

Я шёл, свои ноги калеча,
Глаза свои мучая тьмой...
– Куда ты?
– В деревню Предтеча.
– Откуда?
– Из Тотьмы самой...

(«На автотрассе», 1968).

Чем же так волнуют нас эти строки, написанные двадцатидвухлетним парнем? Объяснить невозможно. То ли интонацией, то ли лексическим строем, сильными глаголами, «калеча» и «мучая» (вроде бы лирическая индивидуальная ситуация, а вдумаешься – не обо всей ли Руси говорит автор?). Или откровенными (от слова «откровение») словами «Предтеча» и «Тотьма», которые и сами по себе есть русская музыка, а к тому же взяты из древнего русского словаря, напоминающего о русской истории, казалось бы (поглядите на год написания), затёртой или извращённой безвозвратно. Попутно отметим профессиональную музыкальную тонкость: как полно и содержательно, сущностно (умник сказал бы «экзистенциально») аугаются тут слова «тьмой» и «Тотьмы самой». И этот диалог, похоже, внутренний для самого лирического героя, есть словно вопрошание русского человека, зависшего в безвоздушном пространстве десятилетий безбожия, крушения крестов и куполов, утеснения веры и уничтожения священства: откуда ты и куда ты, русский человек? Камо грядеши?

Стихи Рубцова и живописны, и одновременно внеживописны, всеобщи. Однако небезынтересно замедлить взгляд, например, на его стихах, прямо адресованных к шедеврам русской живописи. Тут занимателен выбор поэта, поскольку опирается он на картины всенародно любимые, прежде всего, работы Исаака Левитана, ученика Алексея Саврасова.

Рубцов говорит расширительно, выходя и за рамы этих картин, и за рамки их. Вот две строфы из рубцовского стихотворения, озаглавленного так же, как полотно Левитана, «Над вечным покоем»:

И так в тумане омутной воды
Стояло тихо кладбище глухое,
Таким всё было смертным и святым,
Что до конца не будет мне покоя.

...И эту грусть, и святость прежних лет
Я так любил во мгле родного края,
Что я хотел упасть и умереть,
И обнимать ромашки, умирая...

А вот, по соображению поэта, более «левитановское» стихотворение, озаглавленное «Левитан», с подзаголовком «По мотивам картины “Вечерний звон”».

Звон катится и катится по строкам, особо аллитерированно во второй строфе, но как проникновенны две первые строки, с глазами бревенчатых лачуг и алеющей мглой:

В глаза бревенчатым лачугам
Глядит алеющая мгла,
Над колокольчиковым лугом
Собор звонит в колокола!

Звон заокольный и окольный,
У окон, около колонн, –
Я слышу звон и колокольный,
И колокольчиковый звон.

И колокольцем каждым в душу
До новых радостей и сил
Твои луга звонят не глуше
Колоколов твоей Руси...

«Твои луга» и «твоя Русь» – это обращение автора к самому себе, к лирическому герою. А если б написать слово «Твой» с заглавной буквы?

Не могу не привести здесь и сочинение «Утро» (1965), на первый взгляд, не имеющее прямого отношения к русской живописи:

Когда, смеясь, на дворике глухом
Встречают солнце взрослые и дети, –
Воспрянув духом, выбегу на холм
И всё увижу в самом лучшем свете.
Деревья, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг – везде о них тоскую.
И, разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверное, другую...

Но разве и не о знаменитом поленовском «Московском дворике» эти стихи? Это та самая печально известная церковь Николая на Песках, в двух шагах от московского Арбата, где упала та самая копеечная свечка, от которой в XV веке сгорела вся Москва. На её месте в 1698-1711 годах был построен храм, знакомый нам по картине Василия Поленова «Московский дворик». В этом храме венчался Лев Толстой.

* * *

2011-й январь от Рождества Христова вместил в себе сразу две юбилейные рубцовские даты: 3-го числа исполнилось 75 лет со дня рождения Николая Рубцова, а 19 января – 40 лет со дня его кончины. На мраморных плитах постамента замечательного памятника поэту, установленного в Тотьме в 1987 году скульптором Вячеславом Клыковым, выбиты две известные напутственные строки: «За всё добро расплатимся добром, / За всю любовь расплатимся любовью».

Бронзовый, вечный Рубцов сидит теперь на лавочке под берёзами на берегу реки Сухоны, лиричный, глубокий, задумчивый, как будто мысленно пропевающий свои элегические стихи 1966-го года (точные строки того времени, уходящие в русскую вечность):

В минуты музыки печальной
Я представляю жёлтый плёс,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берёз,

И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей...

....

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чём...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чём.

Мы – русские, а потому грустные. И, пространственно рифмуясь с ним, у Соборной площади Вологды бронзовый поэт Николай Батюшков, тоже изваянный скульптором Клыковым, ведёт за повод своего коня по берегу реки Вологды, примерно в направлении, где – через реку – находится улица Николая Рубцова, и где стоит памятник с лаконично достойной надписью – «Рубцов» (1998, скульптор А. М. Шебунин).

Всё-таки мы не совсем беспаятны. И потому остаётся надежда.

Если у вас есть желание и возможность, поезжайте в Вологду, пройдите к реке летним августовским сумраком по улочке имени Николая Рубцова, вспомните его стихи. Более известные – «Тихая моя родина! / Ивы, река, соловьи... / Мать моя здесь похоронена / В детские годы мои...», или менее знаменитые:

Отложу свою скудную пищу.
И отправлюсь на вечный покой.
Пусть меня ещё любят и ищут
Над моей одинокой рекой.

*Памятник Николаю Рубцову в
Вологде*

Станислав МИНАКОВ – поэт, переводчик, эссеист, прозаик, публицист, очеркист. Родился в 1959 году в Харькове. В Белгороде окончил 8 классов средней школы и индустриальный техникум. Позднее – радиотехнический факультет Харьковского института радиоэлектроники.

Член Русского ПЕН-центра, Национального союза писателей Украины, Союза писателей России, Международного фонда памяти Бориса Чичибабина.

Автор книг стихотворений и прозы, а также автор-составитель энциклопедии «Храмы России», альбомов «Храмы великой России», «Святыни великой России» и других, вышедших в Москве. Публиковался в толстых журналах, сборниках, альманахах, антологиях многих стран. Лауреат Международной премии им. Арсения и Андрея Тарковских (Киев–Москва, 2008), Всероссийской премии им. братьев Киреевских (Москва–Калуга, 2009). Автор сотен публикаций на сайтах «Столетие», «Русская народная линия», «Одна Родина». Пишет на темы православия, культуры, актуальной украинской политики. Живёт в Белгороде (Россия).

Пушкинская горка

ИРИНА РЕМИЗОВА

«ВЕК ИДЁТ И ТАЕТ НА ЛЕТУ...»

МОЙ ЗВЕРЬ

Лето богатое – сад нагулял жирок:
ягодный, яблочный, тыквенный – не зевай.
Люди приходят сюда надышаться впрок:
пыль не мука, а дорога – не каравай.

В щели забора глядят лебеда да сныть –
ловят, как нищенки, солнечные гроши.
В нашем саду только бабочкам вечно жить –
тот, кто душа, не имеет своей души.

Всем остальным – надкусить наливной ранет,
сахарной выпить воды – и пчелой на труд.
Зверь мой желанный, какого на свете нет,
Ты покажись мне, покуда ещё я тут.

Капают звёзды на землю сквозь решето,
будто бы обещают кого-то мне.
Гладить тебя понарошку – совсем не то,
что наяву прикоснуться к твоей спине.

В поле ржаном колосится трава костерь.
Думали – мёд, а открыли бочонок – падь...
Мне разрешили поверить в тебя, мой зверь.
Это – уверили – то же, что обладать.

Ты приходи – на движение и на звук,
на замирание под костяной дугой...
Мне не кормить тебя лакомствами из рук,
ибо приставлен кормилец к тебе другой.

Тёплое небо нарезано на ломти:
чёрный просоленный, сливочный голубой...
Я не могу, не увидев тебя, уйти.
Мне не позволят остаться, мой зверь, с тобой.

Близятся сумерки, надо бы знать и честь –
Там, за калиткой, куриная слепота...
Лишь бы расслышать за шорохами: я есть.
Только бы взять – и дотронуться.
Навсегда.

КОМУ НЕ ХВАТИЛО МОРЯ

Так бывает: в пасмурное утро,
выйдя без плаща и без галош,
ты в шагах запутаешься, будто
город на верёвочке ведёшь –
от земли на детскую ладошку,
над подсохшей корочкой травы
бродят черепаховые кошки
и меланхолические львы.

За тобой с насиженного места
снимутся, теряя паспорта,
подворотни, улицы, подъезды:
вроде есть табличка – да не та.
Видишь дом, знакомый будто с виду,
а взглядишься – всё-таки иной:
кроткая лицом кариатида
оказалась с мавочьей спиной.

Жаль, не всем досталось жить у моря
при раздаче здешних адресов:
словно в коммунальном коридоре
комнату закрыли на засов,
а за дверью – не бывает лучше,
если не смущает вид на дно.
Прочим сухопутным невезучим
небо в утешение дано –

там свои затишья и цунами,
и рельеф прибрежной полосы...
Встали где-то между временами
памяти песочные часы –
просто зарастили перемычку,
застрочили оба рукава
в день, когда чадила шведской спичкой
тихая пустынная Москва.

Город семенит на пыльных лапках,
по тропинкам высохших ручьёв,
на зиму под черепичной шапкой
пряча шоколадных воробьёв.
«Где твой дом и дерево и дети?»,
спросит кто-то, живший по уму, –
и стоишь, не зная, что ответить,
на крыльце, невидимом ему.

ПЧЕЛИНЫЙ ТАТЬ

Не засыпай.
Возвратится ещё тепло:
кто-то до времени выпустил белых пчёл.
Пасечник сердится, бьёт кулаком в стекло.
Мы не откликнемся.
Спящие – ни при чём.

Сделался город задумчивей и острей,
и, заполняя канву черепичных сот,
пчёлы кружат над тычинками фонарей:
пахнет арбузом разрезанным первый мёд.

В марлевом облаке – яшмовый сладкий свет:
нити прополиса стынут на скатах крыш.
Я заберусь потихоньку к тебе под плед,
ухо травинкой дыхания трону: спишь?

Хочешь, мы будем всю ночь напролёт болтать,
не вспоминая, что речи нужны слова?
Где пробирался в потёмках пчелиный тать,
ульи покроет стеклянная мурава.

Светлые клетки расстелятся на полу,
в чашке подсвечной – топлёное молоко...

Не засыпай.
Я тебе принесла пчелу –
в капле янтарной – под собственным языком.

ПРО ЖАМКИ

ходит облако в груди,
душу пеленает...
как на небо не иди –
травы не пускают,
в них кузнечик-лешачок,
тихий, узкоплечий,
ловит в махонький сачок
шедших издалече:
«погости хоть полчаса –
путь наверх недлинный.
затянуло небеса
мутной паутиной.
погляди – раздался вширь,
поперёк дороги,
и качается мизгирь
полосатоногий,
пусть заходится петух
в крике троекратном –
поджидает он не мух
над крыльцом парадным,
на тебя навеет сон
опахалом белым,
в шёлк нарядит и виссон
и прильнёт всем телом...»

смотрят в летошнюю гарь
лиственные лица:

там сидит гадячий царь
со своей царицей –
у неё осьмнадцать ног,
мягче аксамита,
и на каждой башмачок,
золотом расшитый.
беспечально и тепло
под пушной дерниной –
зыблют земляное тло
черепашьи спины,
на ладони не гляди –
не отыщешь доли...

только облаку в груди
не уйти на волю.
разрастается оно,
ширится, ветвится,
ищет ощупью окно,
окликает птицу:
«проведи меня на свет,
надышусь им, белым,
потому что сладу нет
с беспокойным телом,
да вернись, неся в горсти
солнечные жамки –
детку надобно растить,
вишь, кричит без мамки».

ЗА ШЕЛОМЯНЕМЪ ЕСИ

Не доходило дело до зимы –
заглядывая мельком в палисадник,
дышали полногрудые холмы,
укачивая лисий виноградник,
был дом высок и шумен светлый сад,
с припёком хлеб и сливки с переливом...
Отсюда уходили наугад,
и вдруг она закончилась – обрывом.

В степи не холм, а чья-то голова –
иссеченный язык в змеиной коже
ворочает гранитные слова
и сплёвывает под ноги проходим.
Их подбираешь и несёшь с собой –
чужих божков неведомо откуда,
покрытых то по золоту резьбой,
то самоварной дворницкой полудой.

И, сидя на плечах, из года в год
они твердят, что мира нет иного...
Но полосато-белый барсоход
взрезает воды моря травяного,
и вырастают посреди краёв,
пускай не кровных, но уже привычных,
рулады вавилонских соловьёв
на языках кошачьих, жабьих, птичьих,
и ты бежишь, во всю земную прыть,
и узнаёшь её – она такая,
что и не надо больше говорить,
а можно просто петь, не умолкая.

МИЛАЯ БАБИНЬКА

Милая бабинька, это я.

Финским ножом по треске солёной пишется весело – чешуя светится, щёлкая удивлённо. И угораздило же – пропасть, не перемолвившись даже словом... Помню, метель разевала пасть снежную, сплёвывая полу, ветер хватался за молоток, в дверь колотил, угрожал бедламом... Кто-то меня завернул в платок, и показалось, что это мама. Молча, высокая, обняла – щёки кололись о платье в звёздах. Не было в ней твоего тепла – только покой, тишина и воздух.

Бабинька, знаешь, наш дом видать в посеребрённый бинокль нагрудный. Здесь хорошо ничего не ждать, только дышать с непривычки трудно. Слышно, как лемминги к сундукам гномьим идут из подснежной кельи... Мне бы прижаться к твоим рукам, пахнущим кухней и рукодельем, внюхаться в розовые кусты до перестукиваний височных...

Бабинька, здесь не растут цветы. Здесь и земли не бывает, впрочем.

Люди соврали – она не зла и не ворует детей окрестных, просто огромные зеркала застыли ей солнечный свет небесный. Я у неё погощу чуть-чуть: льдинка – и сложится слово ВЕЧНОСТЬ. Жаль, позабылся обратный путь, ну да спрошу у кого из встречных.

Вот и приходит письмо к хвосту, кстати, и нож заскучал по ножнам.

Бабинька, милая, я приду – только прости меня, если можно.

P.S.

Герде скажи, что живу теперь в славном Слагельсе – удачный случай! Стал подмастерьем из подмастерьев у сапожника, самым лучшим. Не предаюсь никогда нитью, хоть и бывает мне не до смеха. Выучусь – туфельки ей сошью, бархатные, а скорей, из меха.

ПРО ЖАБУШКУ

там, где шелестом становится
муравьиный пеший топ
и, над ряской наособицу
наставляя перископ,
за жуками-кирасирами
наблюдает водяной, –
встал, никем не англизирован,
лес матёрых травяной,
погрозил рогами козьими,
надвигавшейся косьбе
и пошёл цвести колосьями,
удивляясь сам себе.
ветер шепчется с акридами
в подколенное ушко:
ходит жабушка на выданье
в маскировочном трико,
только опасаться нечего:
ей в приданое нужны
необъезженных кузнечиков
воронье табуны.
на припрудном камне сушатся,
да не высохнут никак
остромордые лягушицы
и заезжий бурый квак.
речи слышатся гортанные:
Монпарнас да Тюильри,

погуляй-ка вместе с дамами,
прокати-ка в тильбюри –
завлекают недомолвками,
но сигают прочь с земли,
только клювами защёлкают
дождевые журавли.
и, пока скакухи маются –
летошним листом шурша,
сквозь чащобу продирается
насекомая душа,
обходя дороги зверевы
мимо заячьих капуст –
слева полевица-дерево,
справа – незабудка-куст.
тёмно-ягодные бусины
так злорадно высоки,
что у тихходной гусенки
жвалы сводит от тоски,
и желается плюгавице,
хоть и верится с трудом:
перед ней вот-вот появится
ненаглядный сладкий дом,
не вишнёвый, так черешневый –
утешеньем от скорбей,
а потом – хоть ночь кромешная,
хоть потоп, хоть воробей.

МУРЧАТАЙ

Вечер, час, должно быть, пятый, –
 время сбилось в мягкий ком.
 В доме пахнет свежей мятой
 и топлёным молоком,
 на латунной сковородке
 подрумянился минтай...
 С колокольчиком бархотку
 примеряет Мурчатай –
 за окошком полетуху
 созерцая вполглазка,
 многострунным острым ухом
 ловит золото звучка –
 будто в ближнем перелеске
 в пёстрых горлышках скворцов
 заиграли арабески
 персиянских бубенцов.

Будут и у нас когда-то
 мыши толще, щи густей.
 на полу – широкопятаый
 коврик радужных шерстей,
 и на нём, совиным цугом,
 нетопырьих выше стай,
 над кузнечиковым лугом
 пролетает Мурчатай...
 ...По крыльцу топочут боты –
 из бекасовых болот
 возвращается с охоты
 Котофей Котятъич Котт,
 прибежали котенята
 и давай когтить мешок...
 Вьётся шёрстка, лётся мята,
 ходит лунный гребешок.

ШВЕЦ

Расстелено – а значит, решено:
 катись, кубарь, покуда ветер гонит...
 Но полю показалось: ты – зерно,
 подумало, подставило ладони:
 сухменью изнурённые дотла,
 с лоснящейся травой от перегноя...
 и нет им, перехоженным, числа –
 ячменное, гречишное, льняное...

Оно тебя баюкало в горсти,
 не отпуская от себя, доколе
 не наступило время отцвести
 и превратиться в перекаати-поле,
 и, окунувшись в пыльную пургу,
 завившую гнездо на перекрёстке,
 помчаться, подбирая на бегу
 стекляшки, лоскутки, травинки, блёстки...

Не сетуй, что коробушка полна, –
 во ржи не любо торговаться жнице...
 На плечи прыгнет рысью тишина –
 да так, что не успеешь удивиться,
 и разберут голодные грачи,
 дуряя от подснежных испарений,
 резные одуваннные лучи
 по чёрным небесам земли весенней.

А ты носи в котомке на весу,
 пока дорога забирает кверху,
 большую голубую стрекозу,
 синицу, василёк и водомерку.
 Ты ножницы найдёшь в своей избе,
 иголки, инструменты остальные –
 поскольку предназначено тебе
 кроить и шить кому-то сны цветные.

КОНЬ МУРУГИЙ

о ком печалишься, родня?
о чём молчите, други?
ужель о том, что без меня
вернулся конь муругий?
на тризну собрались, небось,
на сумрачной полянке?
а вот он я, неожиданный гость
и повод вашей пьянки.

жена, умерь-ка печки пыл –
смотри, коль интересно,
какую душу я купил
на рынке староместном:
она лучится на свету,
как снежная водица,
и сторговал мне душу ту
проезжий хмурый рыцарь –
а после ускакал во тьму,
в трактире выпив лишку.

я щедро заплатил ему
кошачьим золотишком.

как пахнет небом свежевьё!
где крючья, пастушонок?
сейчас разделаем её
на дюжину душонок –
расправим бременем невзгод
натруженные плечи,
и будет гномий наш народ
почти как человечесий
и вместо жалкого глотка
задышит полной грудью...
а что душа невелика –
так ведь и мы не люди.
ого, какие калачи
дымятся на подносе!

... скачи, неведомый, скачи,
покуда конь выносит.

ГОРЯЧИЙ ЧАЙ

звякает кочерга,
бродит в печной золе...
а над землёй – снега
выше, чем на земле.
как самоцветный клад,
взятый с морского дна,
светится мармелад
в сладкой горсти зерна,
в кипенных блондах пен
дремлет, вздыхая, взвар –
из-за небесных стен
тянется тёплый пар.
ходит в потёмках Бог
со слюдяной звездой –
носит падуб и мох,
радостный, молодой.
чашечный перезвон,
запросто, без затей:
чай, молоко, лимон –

в доме, где нет гостей,
здесь их не ждут – и ждут,
сами боясь того:
только на пять минут,
только на Рождество,
только взглянуть – тайком,
будто никто не звал...

просто у них есть дом,
прежде же – был привал.
не доберёшься вскачь,
не передашь письма...

... чай до того горяч,
что запотела тьма,
так, что не видно глаз
в праздничной пряной мгле
путников, что сейчас
странствуют по земле.

САПОЖКИ

Были сапожки: кто замшев, кто лаков –
да пообтёрлись до кожи свиной.
Спят лебединые головы маков,
не отражаясь в реке травяной.
Землю сухую шпыняя и жуча,
спины чеша о закатный карниз,
ходят по небу ежовые тучи
брюхами вверх, иголками вниз,
и, языками стрижей балаболя,
будто кого-то считают до ста.

Если бы сразу сказали, что воля
только утратой бывает сыта...

Так, никаких не желая ответов,
смотрит с холма на родное селцо
путник, вечернему тёплому свету
глухонемое подставив лицо.
Не обернувшись на звон колокольный,
к дому подходит, снимает засов...
Небо простивший – покойный и вольный,
бедный Герасим, счастливцев Иов.

У домоседов простые манеры:
копят копейки, живут по уму...
Нет в этом мире израненном веры,
разве что только Христу одному.
Скоро не скоро – откроются дали,
где обретается та, sans merci.
Всё ещё сбудется, что загадали –
только не бойся, не верь, не проси.

Были сапожки – остались они же,
разве что впору легли по ноге.
Шли в Кострому – очутились в Париже,
ждали червонца, а рады деньге...
Поле мелеет – редуют колосья,
всюду теснится крапивная жмуть,
только на небе тележные оси
скрипло поют, не давая заснуть:
кто-то над пешими едет, и в спину
тихо бормочет себе издали:
«Кончится поле – поднимем новины,
будто бы мало на свете земли».

ИКАРУШКА

отпустить невмочь:
тонкий и босой.
ходит в небе ночь
с огненной косой.
сойки да грача
поздний разговор...
что ни дом – свеча,
что ни двор – костёр.

сбудется тепло,
в марте прилетя.
знаю, что крыло,
а скажу – культа.
небо января
пламени полно.
знаю, что заря,
а скажу – темно.

... сна не устеречь,
солнца не достать...

шёлковая речь,
ангельская статья –
будто в подоле
радость принесли.

... в ласковой золе –
жадные угли...

кошка – снежный мех,
сжав травинки шей,
передушит всех
огненных мышей...
знать бы только – он
жив наверняка,
маленький найдён
в клетке для сверчка.

РИМ

Осенних улиц монорим
 перебирая шагом пешим,
 увидишь вдруг: повсюду Рим
 идёт, неждан и неизбежен.
 Под кожу изначальных слов
 латинские вонзая жала,
 его драконьи семь голов
 на солнце щерятся устало.
 Он здесь инкогнито, пока
 последний сад не снял доспехов
 и не хватает языка
 для счёта греческих орехов,

и от безудержной руки
 певца художественной штопки
 дворов лохматые клубки
 в квартальной спрятаны коробке.
 Но кто-то задом наперёд
 в публичной парковой читальне
 пролистывает книги, от
 последней буквы до начальной,
 перстом холодным и худым –
 страницы всё темней и чище,
 и сладковатый римский дым
 стоит, как небо, над кострищем.

ВЕК ИДЁТ

алеманн ли, эллин или влах –
 слов не разобрать в шмелином гуде.
 в скатертных миткалевых узлах
 накрепко завязанные люди
 будто и не слышат: за стеной
 скручивая время в рог бараний,
 век идёт – то редкий, то сплошной,
 пятками по крышам барабаня.

нет ему начала и конца,
 просто каждый, глядя из окошка,
 из его огромного лица
 видит что-то – вскользь и понарошку,
 подбирает имя и число:
 медный глаз, пятнадцатое веко –
 а потом вздыхает: «всё прошло»,
 и вдогонку: «ночь, фонарь, аптека...».

век идёт и тает на лету,
 обнимая тёплые скудели,
 потому что жить неумоготу
 в календарном гусеничном теле,
 собственных не чувствуя краёв,
 ни кнута не ведая, ни ига,
 но по воле умных муравьёв
 будучи расчисленным до мига.

но, когда развяжется миткаль,
 пленника из горсти выпуская,
 встанет перед ним такая даль,
 высота обрушится такая,
 что, неловко прошагав квартал,
 прежнего быстрее и легче втрое,
 он поймёт, что век не перестал,
 встанет под него – и зонт закроет.

Ирина РЕМИЗОВА родилась и живёт в Кишинёве. Окончила филологический факультет Молдавского государственного университета (специальность «Русский язык и литература»), работает там же, на кафедре русской филологии. Читает курсы истории русской литературы XVIII-XIX веков и теории литературы, а также спецкурсы по сравнительному стихосложению и анализу стихотворного текста. Печаталась в «Литературной газете», журналах «Кодры. Молдова литературная», «Горизонт», «Окна», «Русский переплёт». Автор книг стихов «Серебряное зеркало», «Прикосновения», «Неловкий ангел».

Редактор-составитель альманаха «Как слово наше отзовется» (Кишинёв, 2003).

Победитель Международного литературного конкурса «Кубок мира по русской поэзии-2014».

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

ИНФО - поле АРП РМ

«ДУХОВНОЙ ЖАЖДОЮ ТОМИМ...»

Этим летом, в начале июня, в Кишинёве высадился «десант» российских писателей. Здесь прошёл Третий международный фестиваль русской литературы в Молдове «Пушкинская горка». Приуроченный к 217-й годовщине со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина и Дню русского языка фестиваль, инициированный Ассоциацией русских писателей Республики Молдова, состоялся при поддержке Российского центра науки и культуры, Посольства Российской Федерации в Молдове, Министерства культуры РМ, Русской общины РМ и Дома-музея А.С. Пушкина.

Впечатлений о фестивале хватит до следующей «Пушкинской горки»! Один из откликов, празднично-лёгкий, и небольшой фотоотчёт мы предлагаем сегодня вниманию читателей.

К слову, за неделю до этого события казалось, что молдавский поэтический фестиваль... лишится гостей. Но то ли звёзды в апогее сошлись так, как хотелось организаторам, то ли желание приглашённых литераторов приехать было сильнее, чем отсутствие денег, но 4 июня случилось открытие литературного форума в Российском центре науки и культуры столицы Молдовы. В том же месте и почти в тот же час, как и три года назад, когда зал вместил многих любителей и знатоков поэзии, а среди них – Юрия Юрченко из Франции, Славу Бельтюкова

Открытие фестиваля «Пушкинская горка». У микрофона Евгений Гузеев, советник Посольства РФ в РМ

Слева направо: Олеся Рудягина – председатель АРП РМ, Владислав Артёмов – главный редактор журнала «Москва», Светлана Василенко – первый секретарь Союза российских писателей, Николай Стародымов – зам. начальника издательско-информационного управления Международного сообщества писательских союзов, Игорь Михайлов – зав. отделом прозы журнала «Юность»

из Беларуси, Сашо Серафимова из Болгарии и прочих.

Причём на сей раз все гости, прибывшие на одном самолёте, сразу окунулись в кипящий водоворот литературной жизни Кишинёва.

Прозаик, первый секретарь Союза российских писателей Светлана Василенко и поэт, главный редактор журнала «Москва» Владислав Артёмов завладели вниманием поэтов и прозаиков.

Светлану Владимировну оные не отпускали до позднего вечера. А заместитель начальника издательско-информационного управления

Зам. директора Дома-музея А.С. Пушкина Ольга Батаева и и.о. директора Российского центра науки и культуры Юлия Семенченко открывают праздник в Долне

В усадьбе помещика З. Ралли

Международного сообщества писательских союзов Николай Стародимов и заместитель главного редактора журнала «Юность» Игорь Михайлов принялись изучать вдоль и поперёк здешний быт, едва не потерявшись на рынке. Для Николая это было первое явление в Кишинёв, а Михайлов – свой в доску. Каждая бабушка с черешней и клубникой, завидя его, встречает радостным приветствием: «Ногос»!

А на следующий день гости и участники фестиваля направились

в Долну, в имение помещика Ралли, давно ставшее музеем, где сосланный поэт увидел Земфиру, цыганский табор и чуть было не остался в нём насовсем. Обо всём этом рассказала куратор Пушкинской аудитории РЦНК Ольга Батаева.

А душа фестиваля и по совместительству председатель Ассоциации русских писателей Молдовы Олеся Рудягина организовала конкурс молодых поэтов. Стихи наряду со всеми желающими читали гости из Китая и Турции.

Среди прочей замечательной публики в Долне оказался и нынешний лауреат «Русской премии» из Тирасполя Роман

Вручение Почётного диплома и памятного подарка победителю Турнира поэтов Павлу Полищуку

*Наш китайский друг
Хуайбинь Лю читает
стихотворение А.С. Пушкина
«Памятник»
на своём родном языке*

Кожухаров. Роман Романович в неофициальной, но дружеской атмосфере праздника отметил амбивалентность долнинских традиций. Ведь по воспоминаниям современников, Пушкин в день выпивал по ведру вина, а в нынешнем году в Долне был объявлен «сухой закон».

Впрочем, это нисколько не умалило значимость «Пушкинской горки», которая после Долны переместилась в Национальную библиотеку имени В. Александри, где изобилие новых книг русских авторов Молдавии, а также литературных альманахов и журналов чуть было не поглотило участников, которых оказалось едва ли не вдвое меньше. Презентация переросла в живую дискуссию о проблемах современной русской и молдавской литературы на вечные темы: читают или не читают нынче книги в Молдове, и не только.

Надо сказать, пламенный диспут не утихал ни на минуту. Известный художник Сергей Сулин, запечатлевший незабываемый образ Александра Сергеевича на своём полотне для долнинского музея, прозаики Олег Краснов и Наталья Новохатняя сопровождали гостей в их творческих скитаниях по городам, весям, литературным гостиным до самого позднего часа.

Счастливые, говаривал поэт, часов не наблюдают!

6 июня в парке к памятнику Пушкина работы Опекушина пришли поклонники гения, гости, дети. И даже местный бомжик с букетиком свежих цветов. Звучали стихи:

*Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца...*

А на десерт в Государственном русском драматическом театре имени Чехова состоялось закрытие фестиваля, где случился грандиозный концерт-апофеоз «Да здравствует солнце, да скроется тьма!».

Посол России в Молдове Фарит Мухаметшин поблагодарил организаторов за успешное проведение фестиваля и наградил особо отличившихся Почётными грамотами. А представитель Россотрудничества в Молдове

Валентина Костишар на сцене театра им. А.П.Чехова

После мастер-класса прозаика, кинодраматурга Светланы Василенко

Юлия Семенченко вместе с куратором образовательных проектов РЦНК Виктором Костецким вручили от российского центра сертификаты и книги победителям акции «Тотальный диктант 2016».

А ещё в зале звучали стихи поэта, музыка. Проникновенные строки романса:

*Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный...*

Зал взрывался аплодисментами, умилялся таланту самых юных артистов, которых, как и всех остальных, вдохновил в этот памятный вечер знакомый и родной кучерявый профиль с бакенбардами.

Пушкин, как много в этом звуке для сердца русского и молдавского слилось, как много в нём отозвалось!

И, хочется верить, ещё отзовётся – последующими фестивалями на гостеприимной молдавской земле!

Игорь Михайлов, рыдая, последним покинул Кишинёв, но обещал вернуться...

Михаил ФИЛИПОВ

Снимок на память о Долне

Casa mare

ГОСТИ НОМЕРА

АНАСТАСИЯ ЕРМАКОВА

ТЫКВА

Раздражало всё: дочь с её неприлично короткой мальчишеской стрижкой и привычкой отвечать на вопрос не сразу, а через некоторое время, словно она, когда он был задан, находилась под водой, а потом, вынырнув, с опозданием, по какой-то невидимой вибрации голоса в воздухе, расслышала его. И отвечала часто так:

– Ну, как бы это сказать... Понимаешь...

– А нельзя без «как бы это сказать»? – злилась мать. – И без «понимаешь»?

– Ну чего ты придираешься-то, – обижалась Аля. – Вечно тебе всё не так!

– И эта твоя дурацкая причёска! Ходишь как пацанёнок! – все больше заводилась Рита.

– Главное – мужу нравится! – парировала дочь.

– Конечно, мнение матери тебе уже ни к чему! Теперь для тебя мать никто!

– Mam, ну опять ты за своё...

– Да, конечно, с матерью теперь можно не считаться, теперь у тебя муж!

Градус скандала молниеносно повышался, и, когда муж входил в дом, мать и дочь заполошно и обидно кричали друг на друга, стегали колючими словами не жалея, наотмашь.

Ну, вот она, Рита, бывший инженер, а после сокращения в девяностых рыночная торговка, вышла на пенсию – и что? Что ей дальше-то делать? Тыкву, что ли, выращивать?... Ну, посадила, ладно.

Детей у Альки с Юрой нет, и рожать в ближайшее время дочь не собирается, говорит, нам пока рано, для себя пожить хотим. Странное это какое-то понятие

– жить для себя. Сейчас все они, молодые, так рассуждают. Боятся взять на себя лишнюю заботу...

Пусто Рите, маотно. Долгие и бессмысленно просторные дни. Всё ещё ноющая, как суставы в дождь, память о восемь лет назад погибшем муже – перебежал через дорогу и был сбит пьяным водителем джипа. Собственная никчемность...

И чёрт бы побрал эту тыкву! Не растёт, хоть ты тресни.

– Далась она тебе, – удивлялась дочь. – Ты же её никогда не покупала. Да и не ела вроде...

– Да какая разница – покупала или не покупала! Ела или не ела! – Ритин голос крепчал, как ветер перед грозой. – Я хочу, чтобы у меня выросла тыква! Понятно?!

– Понятно. – Аля помолчала. – А мы вот с Юрой решили посадить картошку...

– Они с Юрой! Они с Юрой! Да сажайте вы что хотите. Только меня не трогайте!

– Да кто тебя трогает, – вскипела Аля, – это ты вечно до нас докапываешься, по любому поводу... Ты просто завидуешь нашему счастью!

– Ах, докапываюсь, значит? Завидую, значит? Прекрасно! Больше никогда к вам не обращаюсь! Могу вообще уехать с вашей дачи! Живу тут как приживалка какая-то...

– Мам, ну зачем ты так?

– А потому что... Потому что... Ты как замуж вышла, так тебе мать и не нужна стала! Да, я знаю. Небось, обсуждаете меня там, у себя в комнате, – кивнула на второй этаж.

– Честно говоря, мы там совсем другими вещами занимаемся, – попыталась пошутить Аля.

– Замолчи! *Такое* матери говорить! Я тут целыми днями отдаюсь дачным работам, а вы там... а ты... *такое* матери...

– Да какое такое-то? Что вообще с тобой происходит? Знаешь, я лучше мужу отдамся, чем дачным работам! И вообще – тебе надо нервы лечить. Может, купить тебе успокоительные таблетки?

– Да нет, зачем же таблетки? Давай мать сразу в дурдом определяй! Квартира освободится, сдавать будете!

– Боже мой, ну что ты говоришь...

Мать заплакала, обильно и горестно.

– Мам, зачем ты так со мной, а? – прошептала Аля, смаргивая с ресниц первые капли.

Подобные сцены повторялись почти каждые выходные. Рите не давало покоя какое-то внутреннее клокотание, затвердевшая с годами обида на судьбу, неясного происхождения тоска. Тоска по каждому уходящему дню, старящему её все больше, по убывающему прямо на глазах будущему, по так быстро расправившейся с детством дочери, ставшей теперь взросло-чужой и самоуверенно-счастливой. Тоска по жаркой мужской ласке, по давно выветрившейся молодости, по ничем не замутненной, юной радости.

И что ей осталось? Доживать?

И дача эта дурацкая... Сбагрили мать, конечно, теперь им там раздолье, одним в трехкомнатной... И муженька-то нашла иногороднего, из Вологды, москвичей, можно подумать, нет! И работает он ни пойми кем. Каким-то менеджером в компании, распространяющей канцтовары. Чёрт знает что.

И тыква. Не растёт – что ты будешь делать. Вот зараза...

Нет, надо всё изменить. Прожить остаток жизни как-то иначе, осмысленно. Перечитать классику, что ли, философов Алькиных, их у неё целых три полки, может, и прояснится что-то...

В конце концов, ей только пятьдесят восемь. Она стройная, ухоженная, мило-видная. И сама после смерти мужа не захотела связывать свою судьбу ни с кем, а ведь предлагали...

Был сосед с седьмого этажа, тихий алкоголик, инфантильный чудаковитый Толя. Прижмётся, бывало, к груди и затихнет. И ничего ему больше не надо. Всё в собутыльнички приглашал:

– Ритуль, давай квакнем, что ли.

Так и «квакала» с ним года полтора. Чуть не спилась. Дочь даже зашить её предлагала. Вот всегда она так: то в дурку мать, то в алкогольнички записывать...

Потом был «Цапля». Так его Аля называла. Высокий, худой, с огромной кудрявой шевелюрой. Евгений. Улыбка добрая и какая-то отстранённая. Старше её на семь лет.

Алька подшучивала:

– Иди, твой чудик звонит!

– Аль, ну он же услышит, – пугалась Рита.

– А ничего, – хохотала, – пусть слушает...

Работал водителем троллейбуса. Жил с мамой, склочной и деспотичной старухой, никогда не был женат. Он так и не решился сделать Рите предложение. Приносил унылые гвоздичные букетики, сидел на кухне часа по три, пил чай и гладил круглые Ритины колени... В постели был угловат и неуклюж, как подросток. Мужское счастье случалось с ним быстро, через пару минут, после чего он лежал, не двигаясь, улыбаясь в темноте мрачной глыбе книжного шкафа. Рита запиралась в туалете, садилась на узкий эмалированно-холодный край ванны и крепко сжимала свою руку горячими ляжками... Возвращалась опустошённая к уже спящему Евгению, зачем-то целовала его сухую, в мелких прыщах, всегда прохладную спину...

На эту любовь ушли ещё два года.

И вот уже несколько лет ничего. Пустынно и глухо, как в заброшенной, заросшей травой одиночества по самые окна деревеньке...

Нагрелся климакс. Злой, нервный, то обжигающий, то обдающий холодом. Было ощущение, что незаметно, быть может, во сне ввели ей какой-то чип, аккумулирующий раздражение и строго контролирующийся его уровень: чтобы оно никогда не убывало, а только прибывало, затапливая и изматывая.

Так трудно признаться себе: всё, жизнь прошла. Смысла в ней никакого нет. И, наверное, не было. И уже не будет. И непонятно, как с этим знанием жить дальше.

И тыква вот не выросла...

Ничего-то у неё не сложилось, не срослось.

– Мам, опять свет вырубил! – весело, словно о каком-то забавном курьёзе, сообщила дочь.

Надо же, третий раз за месяц! Да что же это такое. Нужно идти к председателю, разбираться. Я им устрою! Они у меня дождутся!

Внезапно пыл иссяк. Рита опустилась на скамейку, посмотрела на крапиву, высокую, сочную, по-хамски разросшуюся в саду, забившую робкие лилии. Бабочка, грациозно порхая, села Рите на левую грудь, сложила крылья, задумалась. Вдруг захотелось погладить её, аккуратно, одним пальчиком, как кошку по узкой

шерстяной полосочке между прищуренных глаз. Но бабочка, словно угадав её намерение, бархатно и легко взлетела – устремилась по своим делам, присев по пути на фиолетовый флокс.

Да, свет. Так что делать со светом-то? А не пойдет она ни к какому председателю. Пропади оно всё пропадом. Зажжёт вечером свечку и будет сидеть, глядя на таинственные всполохи на стене. И станет страшно и уютно, как в детстве... И, может, зря она злится на дочь с зятем? Вот дачу купили, её вывезли на воздух. Авось и сложится у них всё, ребеночка родят...

– Добрый день, хозяйка. Работа есть? У калитки стоял парень лет тридцати, по акценту – хохол.

Их тут на дачах несколько бригад работают. В основном хохлы и молдаване. Граждане независимых стран СНГ. Гордые, а сюда к нам батрачить ездят.

Рита вспомнила про крышу: в сильные дожди она подтекает на террасе – приходится подставлять тазик.

– Да, кое-что тут... Зайдите-ка, – распахнула калитку.

Шагнул – сероглазый, широкоплечий, крепко пахнувший солнечным молодым потом. Синяя майка туго натянута на груди, сверху из-под неё выбиваются курчавые волосы. Поднял руку, поправил густую тёмно-русую шевелюру – мелькнули подмышечные заросли, по всему Ритиному телу мгновенно проклюнулись, кинулись врассыпную взволнованные мурашки.

– Так что делать-то надо? – смотрел в глаза пристально, чуть насмешливо. – Меня Санёк звать.

– Мам, кто пришёл? – выглянула в окно Аля.

– Строители! – весело крикнул парень.

– Аль, я сама разберусь, – строго сказала Рита и повернулась к Саньку.

– Тут на террасе крыша подтекает. Посмотрите?

– Поглядим, хозяйка. Лестница-то есть?

– Нет.

– Ладно, свою принесём. – Санёк направился к калитке.

– Меня Рита зовут. Маргарита Николаевна.

– Ага, – даже не обернулся.

Вскоре парень вернулся с лестницей и напарником Вованом, ловко взобрался на крышу.

– Хозяйка, тут всё менять треба. Скоро и в других местах потечёт! Шифер совсем уж негодный...

Рита слушала его хохляцкое «г» и почему-то оно ей нравилось, хотя прежде всегда раздражало.

– Надо крыть железом, – вынес вердикт Санёк.

– Железом? Это, наверное, дорого...

– Да не-е... Шо там! Не больно уж.

Вечером на семейном совете решено было крыть крышу. Зять вызвался оплатить все расходы. Завтра с Алей они поедут на рынок стройматериалов и всё купят. А вечером – в Москву. В понедельник обоим на работу.

А ей, Рите, нужно будет приглядывать за рабочими, чтобы не схалтурили, сделали всё по-человечески.

Когда железо было куплено и сложено в две аккуратные стопки под яблоней, дочь с зятем засобирались в Москву. На прощание Аля поцеловала мать в щеку.

Они не целовались с самого Алиного детства. Лет с тринадцати дочь стала вдруг дичиться, стыдиться материнской ласки. Брезгливо отстранялась, будто её касались не губами, а склизкими улитками... А тут Аля сама поцеловала мать, нежно, едва коснувшись, словно боясь, что мать, как и она когда-то, отпрянет, украдкой вытрет щеку.

– Мам, не злись на нас с Юрой, ладно? Мы очень счастливы... А из-за тыквы не расстраивайся...

На следующий день Санёк с Вованом приступили к работе. Ребята все делали ловко и сноровисто, весело препирались, напевали свои украинские народные. Рита подолгу, сделав руку козырьком, глядела на них снизу вверх. Прилежно и с удовольствием готовила им обед; вечером, сидя на крылечке, пила за компанию холодное пиво, которое сама же загодя покупала и ставила в холодильник, часто и беспричинно смеялась. Санёк смотрел на её губы пристально и заботливо отгонял комаров, касаясь то её щеки, то плеча, то коленей...

Вован подначивал друга:

– Ты это что же, за Ритой Николаевной приударить решил?

– А может, и решил! Что тут такого? – отшучивался Санёк.

Рита улыбалась, незаметно прижимаясь к нему. От него уютно пахло усталым потом и вечерней, нагретый за день травой...

На третью ночь он пришел.

Уверенно постучал в дверь.

– Сань, ты чего? – глупо спросила Рита.

Он обнял, начал целовать воспалённо и сбивчиво – шею, руки, щёки...

– Подожди, дверь закрою, комары налетят, – прошептала Рита.

Руки Санька скользнули под ночнушку, смелые пальцы коснулись сонных сосков. Те тут же откликнулись. Рита закрыла глаза и, глубоко вздохнув, поплыла... К далёкому утреннему берегу.

На следующий день к вечеру работа была закончена. Поблёскивала на заходящем солнце новая крыша. Красивая, рифлёная, как подошва модных кроссовок.

Рита, смущаясь, протянула деньги Вовану.

– Завтра уезжаем, – сказал Санёк, словно не обратив внимания на то, что деньги были переданы его напарнику, а не ему, – на других дачах два заказа на забор. Через пару недель вернёмся. Можно заглянуть-то будет?

Рита кивнула, неожиданно для себя покраснев, Вован понимающе ухмыльнулся.

Санёк, так же, как Аля, по-сыновьи, поцеловал Риту в щеку. Только в другую. Аля в левую, а Санёк в правую. Или она всё перепутала...

На выходные приехали Аля с мужем. Привезли здоровенную тыкву.

Только ей, Рите, она была уже совершенно ни к чему.

ВНУЧКА

Фестиваль был напыщенно-скучный и бестолково насыщенный, как всегда бывает, когда собирается много графоманов и мало поэтов, теряющихся, будто натуральный жемчуг, нежный, матово-светящийся, в груди вызывающе блестящей, безвкусной бижутерии.

Долгие изнурительные экскурсии в душном автобусе, нежилой застоявшийся воздух грустных музеев, силящихся поймать время, законсервировав его в фотографиях, рукописях, предметах обихода. Но всё это – образ смерти, пыльного забвения, потревоженного очередной группой курортных зевак. Но мы – писатели, и нам рассказывают обо всём подробно, со школьным старанием и прилежным идиотизмом.

– А вот это ручка от калитки, которую открывала Анастасия Цветаева, а, возможно, и сама Марина...

Пытаюсь представить Феодосию начала века по многочисленным желтушно-серым фотографиям, облепившим стены, таинственный дом, калитку и эту самую ручку. Ручка как ручка, облезлая, ржавая, грубая, кажущаяся под стеклом холодной и тяжёлой, как пистолет.

Ну, касалась, и что? Мне гораздо интереснее фото, где хорошенькая девочка с огромными печальными глазами сидит, прижавшись к молодой и гордой женщине с отстранённо-холодным взглядом, к «самой Марине».

Младшая дочь. Ирина. Я вижу, как её, двухлетнюю, мать за ногу привязывает к кровати, чтобы не мешала писать стихи. А вскоре отдаёт в приют, где девочка умирает.

Смогла бы я свою дочь привязать к кровати? И спокойно сидеть и писать? Вот она – слезинка ребёнка. Всё перевешивает. Пропали они пропадом, шедевры. И ручка эта от калитки тоже.

Скорее на улицу, под феодосийское морское солнце, под сочный южный воздух...

По дороге обратно, в пансионат «Азовские чайки», проходит автобусное стихоборье. Почему-то на собачье-кошачью тему.

Первой визгливо-надрывно читает лауреат прошлого фестиваля, предпенсионная дама с тонкими ножками и огромной грудью.

*Ты вдруг проснёшься ночью на мели,
Воображая под жужжанье мух,
Как в конурах другие кобели
Счастливых убажжают сук...*

Разве, подумалось мне, собаки делают это в конурах? Там же тесно. А «счастливые суки» мне понравились. Представила, как они трутся, заигрывая со своими кобелями, весёлыми мордами...

Потом к микрофону вышла сутулая и угловатая пожилая дама, в розовой соломенной шляпе с тряпичным линиялым цветком. Главный редактор журнала «Коты и мы». Глухо и торжественно начала:

*Я кошек так люблю неистово,
Как будто в них узрела истину.
Уже пятнадцать. Всех люблю, люблю.
В своей квартире их коплю, коплю...*

Представила истощенное квартирное мяуканье пятнадцати голодных кошек, пока их хозяйка здесь, в Крыму, читает про них стихи... Хотя, наверное, врёт. Не похожа она на сердобольную кошатницу, уж слишком манерная.

Затем в стихоборье вступил гиперактивный дедок. Низенький, костистый, вертлявый. Пышные седые брови. Громкоголосый хохотун. Яков Гридерман. Лет семьдесят пять. Последний шанс прославиться. Он читал стихи все пять дней фестиваля, бесперебойно, с маниакальным упорством неизлечимого графомана. Кажется, в микрофон был встроен специальный магнит, который неизменно притягивал к себе Гридермана, даже против его воли. Гридерман решительно отверг животную тематику и загнул крикливо-патриотическое, неубедительное и расплывчатое, из чего было непонятно, хвалит он Россию или ругает. В награду ему прозвучали вялые всплески аплодисментов задремавшей автобусной публики.

Громче всех хлопала внучка, девчушка лет восемнадцати, молчаливая, худущая, с острыми плечами и длинными спутанными волосами, в мужских очках грубой формы и странным, не идущим ей именем – Стэлла. Выше деда на голову, она, чуть согнувшись, видимо, для того, чтобы разница в росте была не столь заметна, неотступно следовала за ним, преданно смотрела в глаза, крепко держа за руку. Думала, наверное, что дед живой классик. Не удивлюсь, если записывала его высказывания в блокнотик с двумя дымчатыми котятками на обложке, и время от времени перечитывала, задумавшись.

Утром, в пансионатской столовой, она приносила ему чай и, размешав сахар, сначала пробовала сама, а потом давала дедуле, как ребёнку, чтобы он не обжёгся. Намазывала масло на хлеб, после еды подавала салфетку. Он постоянно что-то говорил ей, наклоняясь к самому уху. Она покорно слушала, иногда серьёзно, иногда блаженно жмурясь, как комнатная кошка, впервые после батарейно-душной зимы очутившаяся на подоконнике, на свободном молодом мартовском солнце...

Вечером, на изнурительно долгих поэтических вечерах, где беззастенчиво дремали в первом ряду в полной мере насладившиеся за день пляжно-пивными радостями члены жюри, дед с внучкой сидели, держась за руки и напряжённо уставившись на сцену. В дедушке явно зрела мрачная решимость ринуться к микрофону, оккупировав его минимум на полчаса, до тех пор, пока организатор фестиваля, смущённо улыбаясь, не начнёт суетиться, пытаясь урезонить разошедшегося поэта. И тогда Гридерман, обиженный, с трудом отлепится от микрофона с неизменной фразой: «Ну, раз я вам уже надоел...»

Когда после очередного стихоизвержения усаживались в микроавтобус, чтобы добравшись до пансионата, провести там ещё до одиннадцати вечера мастер-классы, дедушка, резво вскочив на подножку, сильно долбанулся макушкой. Внучка тут же, поддерживая под локоток, усадила его рядом с собой и принялась сочувственно осматривать ушибленное место.

– Ой, у тебя кровь! – испуганно вскрикнула она и, не зная, что предпринять, поцеловала ушиб, отчего дед болезненно сморщился.

Сложив ладошку домиком, внучка держала её всю дорогу над ранкой, будто преграждая дорогу бактериям и не давая проникнуть новой боли, растерянно приговаривала:

– Беденький ты мой, как же ты так, а? Беденький...

Гридерман страдальчески улыбался и, пытаясь приободрить расстроенную спутницу, ласково приобнял её за плечи. Она доверчиво склонила головку ему на плечо.

Я с умилением наблюдала эту редкую идиллию поколений и думала, что всё с нашей Россией будет хорошо, пока внуки так трепетно относятся к своим дедушкам и бабушкам...

Вечером накануне отъезда всех участников фестиваля пригласили на прощальный ужин. На десерт подали арбуз и красное вино. Гридерман нешуточно подналёг на спиртное. Внучка слегка хмурилась, но всё же услужливо подливала деду. Тот набрался довольно быстро.

Внезапно он вскочил:

– У меня тост! Хочу выпить вот за эту девицу! – указал он на смутившуюся внучку. Очень, я вам скажу, умную девицу... Я ведь, знаете ли, украл её из Симферополя! А теперь вот – жена!

Внучка-жена привстала и как-то театрально поклонилась, словно ожидая аплодисментов. Гости замерли и, казалось, на несколько секунд протрезвели – уж слишком неожиданным было признание.

– Ну, ты, Гридерман, даёшь! – наконец выразил общее обалдение поэт из Вологды Никита Роговцев, громил с невытой спутанной шевелюрой, которого во все дни фестиваля трезвым не видел никто, – вот это дал дед!

Я сидела, ошарашенная молниеносным превращением внучки в жену. Вспоминала все их «нежности» уже совсем в другом свете... И не верила – может, они просто нас разыгрывают?

– Строптивая поначалу была, – продолжал хвастаться дед, а теперь вот, как собачонка, пре-е-еданная, ни на шаг от меня, так ведь, Стэлка? – толкнул её в бок. Внучка-жена кивнула и, ничуть не обидевшись на собачонку, прильнула к мужу.

Подвыпившие литераторы приняли новость по-разному: женщины глядели на Стэллу с презрительным изумлением, мужчины – на прыткого ловеласа – с завистливым одобрением. Весь оставшийся вечер только об этом и говорили, поздравляли молодых, даже кричали «горько!».

Гридерман, не скрывая своего торжества, обнимал молодую супругу всё откровеннее. Она не отводила его рук.

Разница в полвека. В пропитанной лунным светом бессоннице я всё думала о них. Я могла понять его: свежее девичье тело, доверчивая душа. Соблазн велик. Но она... Зачем это ей?.. Что привлекло нескладную тонкую девочку в старике? Небогатом, некрасивом и бездарном. Ведь она любила его совершенно искренне, сомнений не было.

Я воображала их в постели, несуразно-страстных. Его, жадно сопящего, тискающего её маленькие острые грудки со стыдливо торчащими сосками, и её, раскинувшую длинные худые ноги, замирающую от прогорклых, как масло, старческих ласк.

Наверное, у неё не было отца, не хватало мужской ласки, не хватало сильных рук, играющих с ней в хрупкие игры детства, не хватало низкого, спокойного голоса, способного защитить ото всех будущих разочарований...

И вот явился он. Посвятил ей несколько стихов. «Украл» из Симферополя. Стал жить с нею. И – всё. Жена.

А ей просто очень хотелось быть чьей-то, всё равно чьей, как бездомной собаке. Так влюбляются в случайную руку, приласкавшую мимоходом посреди ледяной улицы.

Через полгода после возвращения в Москву я узнала, что Гридерман умер, а Стэлла канула в никуда, никто о ней ничего не знал, даже её неловкие стихи исчезли из Интернета.

Одни поговаривали, что она беременна и вот-вот родит.

Другие – что после смерти мужа покончила с собой.

Третьи – что получила от него большое наследство и теперь разъезжает по курортам.

Я уже почти и не вспоминала об этой странной паре...

Но спустя несколько лет мне попала в руки скромно изданная книжечка стихов Якова Гридермана «Не забуду». Открыв, попала на строки:

*Не забуду рощи и поляны,
не забуду, как бродил я пьяный...
Не забуду мою детку Стэллу,
как нежна она была в постели...*

В аннотации было сказано: «Издание подготовлено и осуществлено женой поэта Стэллой Гридерман».

2010 г.

СЕРДЦЕВИНА

В его полуразвалившейся камерке всегда царил полумрак – вот уже второй месяц как перегорела висящая на пыльном шнуре тусклая лампочка, кисло пахло застарелым потом, нечистым, с раздавленными кровавыми комарами бельём, пропитавшим всё унылым многолетним перегаром. Жужжали одуревшие от июльской жары мухи, то и дело садясь на окаменевшую горбушку чёрного хлеба, подёрнутую нежным налётом серо-зелёной бархатистой плесени.

Встал, как всегда, с тяжёлой, будто шар, набитый мокрым песком, головой, грузный, с огромным волосатым пузом и отекившим сизым лицом. Высморкался в край простыни, сделал несколько шагов, кряхтя и почёсываясь, до угла, где стояло ведро с колодезной водой. Зачерпнул полную большущую кружку, пил, жадно двигая кадыком. Толкнул ногой разбухшую от дождей дверь и с небольшого завалившегося вбок крыльца справил малую нужду. Вернулся в дом, достал из допотопного круглолобого холодильника «Саратов» банку тушёнки, грубо взрезал, начал ковырять валявшейся на столе погнутой алюминиевой ложкой. Спрессованные мясные волокна не поддавались, словно держались невидимыми присосками за дно банки. Матюгнулся, швырнул ложку на стол, промахнулся – она попала в ведро с водой, обдав лёгкими прозрачными брызгами замызганный пол, от ложки тут же стало расплзаться жирное пятно, покрытое мутной плёнкой. Запустил туда же и банку с недоеденной тушёнкой...

Рухнул в кровать поверженного на неровный горный хребет одеяла с облаками торчащей из дырок ваты. И стал думать. О том, что надо бы встать и дойти до палатки за пивом, а потом, когда ему станет получше, заняться, наконец, починкой туалета, уже почти упавшего на разлапистый куст малины...

На шестисоточном, заросшем бодрой крапивой участке поблёскивала битыми окнами заброшенная теплица, метрах в десяти от неё клонился к забору с редкими трухлявыми штакетинами ещё лет двадцать пять назад недостроенный дом, весь обитый чёрным, надорванным ветрами и отслаивающимся от стен рубероидом, за которым был виден посеревший от дождей и снегов брус. Ничего не сделалось только яблоням и роскошной крупной малине – они

плодоносили исправно, каждый год, как если бы за ними продолжали бережно ухаживать.

Хозяин, пятидесятирѣхлетний Витя, жил на этой, доставшейся ему от отца с матерью даче уже лет десять почти безвыездно, а свою московскую двушку сдавал, на что и вѣл беспробудное алкогольное существование.

– Витя, ты дома? Можно к тебе? – услышал он с улицы звонкий женский голос.

Господи, неужели в самом деле припѣрлась? И зачем он её вчера позвал к себе? Перебрал и признался: у меня не было женщины уже несколько лет – а я хочу. Понимаешь – хочу. Она поняла и вот – пришла. Стоит в белом, волнящемся на ветру сарафане, загорелая, свежая, улыбается. А он шурится от яркого солнца, от её ослепительного сарафана, от стыда за свою прокуренную холостяцкую конуру. Где-то в Москве живѣт его бывшая жена и уже взрослая дочь Алина. Раньше он звонил, спрашивал, как она там, приглашал в гости, но она так и не приехала, а последний раз, четыре года назад, дочь расплакалась и сказала, чтобы он не звонил ей больше пьяный и что она его ненавидит...

С тех пор он и не звонил. Помнил только её маленькую, лет двенадцати, с длинной косой и серьезными зелѣными глазами, прилежно делающую уроки. Помнил её спящую и нежную, с разметавшимися по подушке волосами, он наклонялся и целовал их, пахнущие малиной... Запах шампуня. Запах оглушѣнного солнцем дачного июля. Запах его теперешнего берложьего одиночества.

– Я это... как его... Ты пришла? Здравствуй. Проходи, – Витя отодвинулся, пытаясь втянуть объемный живот и пропуская гостью.

– Боже, какой тут жуткий запах! – поморщилась она, – надо срочно открыть окна. – Ты что, вообще не проветриваешь?

Витя смущѣнно пожал плечами, потом подхватился, начал суетливо помогать ей, дѣргая неподатливую с треснутым стеклом форточку. Наконец открыли, в комнату хлынуло свежее, с травяными запахами солнце, пролегло горячей полоской по грязному полу. Женщина и мужчина оказались по разные стороны луча. Казалось, меж ними не луч, а высокий бетонный забор... Она отдѣрнула серые тряпицы, бывшие когда-то занавесками. По выцветшему рисунку можно было только догадаться, что когда-то это были веселые чайники, расписанные в стиле хохломы.

– У тебя тряпка есть? – решительно перешагивая луч, спросила гостя.

– Тряпка? – тупо переспросил Витя? – Какая тряпка?

– Значит так, – с сожалением глянула на своё белое одеяние. – Ты сейчас идѣшь мыться, а я тут пока всё приберу, а там... там посмотрим. Понял?

Витя кивнул и вышел на улицу. «Как же её зовут? – мучительно вспоминал он. – Что-то вроде на г... или на к? Чѣрт его знает... И чем её угощать? Надо бы в палатку, шоколадку какую купить, что ли...

Душевая представляла собой узкую ветхую будку, в которой на полу стояло ведро с дождевой водой, и рядом лежал, прямо на дощатом полу, тощий, потрескавшийся кусок хозяйственного мыла. Витя резко окатил себя холодной водой – аж перехватило дыхание. Начал тщательно намыливаться, с трудом наклонился, разглядывая свои отекавшие щиколотки, попробовал провести обмылком между пальцев, стало чуть-чуть щекотно. Но тут обмылок выскользнул, проворно юркнул в щель между досками... Матерясь, снова окатил себя холодной водой, вдруг

вспомнил, что не взял полотенце... Выходя, зацепился за давно лежащую тут, незаметную в высокой траве проволоку, и – упал. Долго лежал, прижавшись щекой к сочной, остро пахнущей жарой зелёной траве. И вдруг, внезапно – накрыло похмельное сожаление обо всём сразу, о его несуразной, пропащей, никому не интересной жизни, проросло в него вместе с этой травой, колко и больно; и всё завертелось, закружилось, обидно защипало в горле, солоно заблестело в глазах. «Алина, дочка моя!», – прошептал он траве. Потом подумал, как, наверное, он глупо смотрится здесь, лежащий на земле посреди собственного участка, тихо плачущий мужик, ещё, не дай бог, увидит эта, в белом сарафане.

Когда вошёл в дом, гостя уже заканчивала нехитрую уборку: пол был вымыт, стол начисто вытерт, заплесневевшая горбушка исчезла, банка тушенки из ведра – тоже.

– Ну вот, осталось только постель сменить. Есть у тебя бельё-то на сменку? – насмешливо осведомилась женщина.

Она была синеглаза, с узким умным лицом. Тонкие загорелые руки, короткая стрижка, молодая усмешка. Сколько ей – тридцать пять, сорок? И зачем она всё-таки пришла к нему?

– Там, в шкафу, кажется, – сказал Витя неуверенно и предложил: – Может, это... как его... выпьем? За знакомство...

– За знакомство? – весело расхохоталась она. – Так вчера же пили уже за знакомство. Что же нам каждый день с тобой знакомиться?

Гостя достала из шкафа смену белья, старенького и застиранного, чудом там оказавшегося, ловко перестелила постель.

– Сейчас руки помою и вернусь. Поставь пока чайник, – сказала буднично.

Витя повиновался. Включил двухкомфорочную плитку с многолетним нагаром, от постоянного нагревания отслаивающимся черными ломкими пластинами, словно пирожное «язычок», поставил на неё пузатый, в грязевых наростах, похожих на какой-то пейзаж, чайник. «Как же её все-таки... Катя? Галя?..»

– Ну, поставил чайник? – она смотрела на него одновременно с жалостью и насмешкой.

– Угу. Галя, садись... Как его... это... только к чаю у меня ничего нету. Может, лучше выпьем?

– Галя? – сощурила синие глаза женщина. – Прекрасно. Значит, я теперь, оказывается, Галя.

Витя молчал и часто моргал.

– Ну, хорошо, – вздохнула она и села к столу на шаткий стул, обтянутый заёрзанной и лоснящейся тканью. – Начнём сначала. Я Даша. А ты Витя, верно?

Он кивнул.

– Хорошо. Ты живёшь здесь один, вот уже несколько лет, и пьёшь каждый день, так? – спокойно продолжала Даша.

– Я это... как его...

– Да не надо, не оправдывайся, – ухмыльнулась Даша. – Всё и так понятно: жена тебя бросила, твой сын вырос без отца...

– У меня дочка, – хмуро сказал Витя.

– Ну, дочка, – легко согласилась Даша. – Пусть будет дочка.

Чайник тяжело, будто совершая непосильный труд, засопел. Был похож он на своего хозяина – такой же пузатый, грязный и усталый, нехотя, через силу выполняющий своё предназначение.

Витя поставил на стол тёмные внутри, с отбитыми ручками, разнокалиберные горошковые чашки: себе побольше, Даше – поменьше. Бросил туда по две щепотки чаинок, залил кипятком. Чаинки всплыли, тут же закружились, запахло крепким чаем. Потом постепенно, по одной, они стали оседать. Он не понимал, что делать с этой женщиной, сидящей с ним рядом, такой молодой и цветущей, такой доступной и одновременно невозможно, болезненно чужой. Она никогда не позволит ему прикоснуться к ней, он знал это. Не позволит даже смотреть туда, куда то и дело тянулся его взгляд – к вызывающе-манящему вырезу сарафана, открывающему округлую налитую грудь.

– Ты зачем пришла? – спросил, глядя исподлобья. Пододвинул к ней надорванный пакет. – Вот сушки. Ешь.

– Спасибо, – брезгливо покосилась на пакет Даша, – я не хочу. Витя, я буду с тобой откровенна. Я... Ну, в общем, я пришла для того, чтобы... Чтобы поговорить с тобой. По душам, понимаешь? Просто расскажи мне о своей жизни. Как ты... Как дошёл до такого состояния... То есть я хотела сказать, какие обстоятельства довели тебя до этой жизни...

– Не надо было тебе сюда приходить, – сокрушённо, будто ею была допущена непоправимая ошибка, – покачал головой Витя.

– Не обижайся. Дело в том, что я психолог – понимаешь? И сейчас работаю над диссертацией, тема которой как раз об этом... О таких...

– О таких, как я? – Витя ощутил, как он весь, точно плод спелостью, наливался злобой, тупой, похмельной, дикой.

– Да, о таких, как ты. О людях, не сумевших справиться с жизненными обстоятельствами. О людях, запустивших себя. Потерявших смысл жизни.

– А у тебя, значит, он есть?

– Кто?

– Смысл. Жизни.

– Ну, при чём тут я? У меня всё благополучно – муж, интересная работа, собираемся, как только защитю диссертацию, завести ребенка.

– И в чём же он?

– Кто? – снова переспросила Даша.

– Да, смысл, чёрт возьми! – вскипел Витя.

У него мучительно болела голова, хотелось немедленно выпить и дать звонкую обидную пощечину этой нарядной и такой желанно-чужой женщине, пришедшей, как ему казалось, поиздеваться над ним.

– Смысл в том, – педантично, будто учительница на уроке, доходчиво объясняла Даша, – чтобы любить и помогать друг другу. А вот ты, кому ты помогаешь? Кого любишь? Я совершенно убеждена, что в основе алкоголизма лежит чистый эгоизм.

– Я люблю, – тихо сказал Витя, игнорируя последнее утверждение.

– Кого?

– Дочь. Алину.

– Любишь? И где она? Вы хотя бы общаетесь с ней? Видитесь?

– В Москве. Слушай, иди ты со своим смыслом куда подальше! – вспыхнул Витя. Встал, шагнул к двери, толкнул ногой. – Давай, чеши отсюда!

– Витя, прости, если обидела. – Даша зачем-то одернула сарафан. – Пойми, твой рассказ очень важен для моей работы. Пожалуйста, расскажи. Давай по порядку, а? Начни с детства. Ты рос в полной семье? Тебя любили родители?

– Дура ты... – гнев отпустил внезапно, так же как и пришёл. И так же внезапно и остро накатило тёмное предгрозовое желание. – Иди ко мне.

– Ты что это? – испугалась Даша, озираясь по сторонам, словно ища помощи. – Ты не имеешь никакого права... Я закричу! Пусти, слышишь!

Но Витя уже стоял над ней неумолимо, огромный русский мужик, со всей своей неподдающейся никакой психологии судьбой, темной и вязкой, как затерянное в лесу болото...

Рыба не клевала. Вечерело, назойливо звенели комары, нагло и беззастенчиво садились на голые ноги. Витя торчал на рыбалке уже третий час, и поймал за это время только четыре маленьких бычка, торопливо снующих в детском, наполненном зеленоватой тинистой водой ведёрке.

Курил одну за другой, время от времени прикладывался к двухлитровой бутылке «Очаковского», опустошённой уже на две трети. На маленьком дачном прудике было тихо и спокойно. Дневная жара спала, розовое солнце стремительно садилось за потемневший лес. Витя всякий раз удивлялся тому, что деревья отражаются в пруду, ведь они достаточно далеко от воды. Да и сам Витя неизменно отражался – расплывающийся, покрытый лаковой рябью силуэт. «В основе алкоголизма лежит чистый эгоизм», – почему-то вспоминал он слова Даши. Отпустил её, дуру, пожалел. Сроду никого не брал силой. Вот ещё. А она всё плакала, грозилась подать на него в милицию. Ничего, не подаст, самой ведь стыдно будет, когда спросят, зачем она к одинокому пьющему мужику в дом попёрлась. Хорошо, хоть не с наших дач она, вроде говорила, гостит тут у кого-то. Хрен с ней, с Дашей. Нечего лезть к нему в душу. И не ей решать, как ему следует жить. Тоже мне, психолог! Душевердительша, вот она кто...

На пружинящий мосток, нависающий над водой, высыпала стайка ребятишек лет восьми-десяти, трое мальчишек и одна девчонка, худенькая и хохотливая. Они встали на самый край и громко решали, кто первый прыгнет. Толкались, шумели, хватали друг друга за руки, пытаясь столкнуть. Потом схватили девчонку за руки и за ноги – та брыкалась и что-то кричала им – раскачали и на раз-два-три бросили в воду.

Всё, рыбалке конец. Всю рыбу распугала ребятня. Ну да всё равно сегодня не ловится. Витя стал складывать удочку, выплеснул воду из ведёрка с мелкими рыбёшками обратно в пруд. Три проворно исчезли в толще воды, только одна лежала, слегка покачиваясь, пузом кверху. Посмотрел на внезапно смолкших мальчишек. Они испуганно смотрели на то место, куда бросили девочку. Она не всплывала.

– А, чёрт! – Витя, резко протрезвев, бросил удочку, ведёрко, скинул шлёпки и нырнул в воду прямо в одежде. От того места, где он стоял, до мостка было метров двадцать. Плыл, тяжело дыша, загребая огромными ручищами, быстро, как только мог. Доплыв до мостка, нырнул в воду. Ничего. Снова нырнул. Мутная глинистая вода, а сверху, на поверхности, светлое пятно закатного солнца. Лениво колышутся водоросли. Несколько рывков вправо, потом влево, и вот – наконец наткнулся на девочку, подхватил её легкое, словно выпитое водой тело, безжизненно повисшее в его руках.

Вытащил её на берег, осторожно положил на траву. Девочка, бледная, не шевелилась. В закатном свете она казалась мёртвой. Не дышала. Мальчишки, испугавшись, убежали. Несколько секунд Витя растерянно смотрел на неё, не зная, что делать. На пруду никого не было. Издалека доносилось кукареканье петуха,

не уютное, а какое-то зловещее. Тонкое нескладное тело с выпирающими ключицами и коленками на темно-зеленой траве. Тощая кисточка волос на худеньком плече. Господи, помоги.

Он только в кино видел, как делают искусственное дыхание. Склонился над ней, припал губами к её бледному рту, стал сильно дышать крепким пивным воздухом, огорчаясь, что девочке, наверное, это неприятно. Двумя руками, резкими толчками нажимал ей на грудь. Потом снова дышал и снова нажимал на грудь... Наконец утопленница надрывно закашлялась, приоткрыла глаза. Витя осторожно приподнял её, она выплюнула воду, много воды, будто выпила залпом сразу два стакана, и теперь они так же залпом вылились обратно.

На руках Витя отнёс её домой. Выбежала очумевшая мать, принялась одновременно расспрашивать, что произошло, плакать, целовать ослабевшую дочь, благодарить смутившегося Витю.

– Лен, что там случилось? – услышал Витя знакомый голос.

По тропинке, ведущей от дома к калитке, где стоял громадный Витя со спасённой девочкой на руках, шла в своём белом сарафане Даша. Она сразу узнала его. Но виду не подала.

– Спасибо, дяденька, – прошептала девочка и поцеловала Витю в небритую вспотевшую щеку.

– Спасибо тебе, спасибо, миленький! – по-старушечьи причитала её мать.

– Ну, это... как его... чего хотел сказать-то... Надо бы плавать ей научиться. Большая ведь уже...

– Да-да, плавать... надо, – кивала благодарная мать.

Даша молча ушла в дом.

Пить в этот вечер Витя не стал. Лежал и вспоминал весь сегодняшний длинный, бестолковый день: утреннее вторжение Даши, вечернее происшествие с девочкой. Мысленно разрезал день, как яблоко: вот кожура, вот мякоть, вот сердцевина. Вот главное, вот неглавное. А что главное-то? Сердцевина-то как раз и несъедобна...

Впервые за много лет засыпал, чувствуя сам процесс засыпания: сначала заволокло всё какой-то мягкой зыбкой пеленой покоя, но дневные мысли ещё не отпустили совсем, только словно выцвели, выгорели на солнце; потом будто плеснули в лицо первую нестрашную порцию темени, и там проявилась спасённая им сегодня девочка; Витя мучительно пытается вспомнить, как её зовут, потом вспоминает, что он так и не спросил её имени, и она, улыбаясь, протягивает ему яблоко, а оно всё в тине... «Это ничего, что тина, ничего, – говорит девочка, – главное – косточки целы, самое вкусное-то в косточках...». Удивление от этого открытия смешивается с долгой и окончательной темнотой. В неё, как солнце сквозь толщу воды, пробивается звонкое сильное, немного зеленоватое и пахнущее прохладной водой солнце. Витя радостно обливается этой доброй водой детства из того самого ведёрка, в котором плескались пойманные им рыбки.

Ему восемь лет, и он, держа за руку ту самую девочку, встаёт на край шаткого мостка, и знает, что надо прыгнуть.

И знает, что ни он, ни она не умеют плавать.

Июль, 2011.

ПОВОРОМ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Запах почти во всех кабинах был одинаковый: несвежих носков, солярки, какого-то затхлого кислого тепла, даже зимой, когда стоило открыть дверцу – и врывался рычащий от работающего мотора холод.

Она приезжала обычно вечером, часам к семи, чтобы успеть обслужить двух-трёх клиентов. Пьяная, с опухшим лицом и отвисшими грудями, хохоча и матерясь, залезала в кабину и делала всё, что хотел клиент.

Ирка-шалава. Так её звали.

В небольшом посёлке под Рязанью у неё двенадцатилетняя дочь и старая мать. Ирка исправно посылает им деньги, но приезжает редко – пару раз в год.

Снимает в Люберцах обшарпанную, лет двадцать не знавшую ремонта комнату с хозяйкой-алкашкой, с ней вместе и выпивает. Жильё недорогое и недалеко от стоянки фура, на которой Ирка обычно работает.

Таких стоянок в Москве несколько, расположены они недалеко от МКАД. Дальнотойщики зависают там от двух-трёх дней до нескольких недель – как повезёт, в зависимости от того, когда подвернётся клиент с грузом в нужном направлении. Спят прямо в кабинах, на спальниках, в кабинах же и едят. Похлёбку варят на спиртовках, сидя на улице на низеньких скамеечках, табуретах, а то и просто на каких-то грязных занозистых ящиках. Балагурят, подначивая друг друга, спасаются от холода водкой и анекдотами. Живут жизнью трудной, неустроенной, бесприютной. Семьи у дальнотойщиков есть, да видят отцов семейств там не часто: те приедут, побудут дома несколько дней – и снова в рейс. Годы меряют не месяцами, а километрами, сотнями, тысячами монотонных асфальтовых километров, попутными полями, лесами, деревеньками и городами... Стоянка – временная передышка, алкогольное затмение в пути, горькая терпеливая маета в ожидании новой дороги, осмысленной и необходимой.

Ирка на шоферов зла не держит, хотя всякое бывало, и посылали, и тумачков давали – но не злые они, не злые. Многие уж не первый год знают её, смотрят спокойно, как выветривается её и так уже несвежая красота, тускнеют глаза, вкрапляется в волосы седина. И относятся к ней, пропащей, человечно: и накормят, и стакан нальют, и поругают иногда, дескать, как же она до такой жизни опустилась...

Берёт она с клиентов тысячу рублей в час, мужики на безбабье платят охотно, не торгуясь, как если бы в трудные дни вместо сдобных булок довольствовались чёрствым хлебом с отрубями.

Время от времени Ирка собирается завязать со всем этим, но никак не получается: матери деньги посылать – надо, за комнату платить – надо, выпивку покупать – надо. А без неё Ирка уже давно не может, полбутылки водки в день – каждодневная норма, и ещё в промежутках – чего нальют: пива ли, вина.

Зима эта талая, с тяжёлым липким снегом, с промозглыми дворняжкими ветрами, продувающими насквозь. И сама Ирка в своём свалывшемся коротеньком, из искусственного меха, полушубке похожа на дворнягу с мокрыми впалыми боками и измученными глазами. Тушь потекла, помада размазалась, руки красные, шершавые, обгрызенные ногти с мертвенно-фиолетовым лаком.

Вот он, первый клиент. Пьянющий Степан, наконец, после двухнедельного стояния получивший с клиента аванс: послезавтра – в путь. А сегодня можно отметить, расслабиться перед долгой дорогой.

– Ну чё, мать, выпьешь? – предлагает Ирке.

– Давай, – она никогда не отказывается.

Со Степаном Ирка была уже несколько раз и прекрасно знает: когда он в таком состоянии, их встреча ограничится только болтовней и грубым тисканьем. Главное, что свою денежку она всё равно заработает.

Степан в подпитии любит пофилософствовать. Приземистый и корявый, с грозными надбровными дугами и резко выпирающим кадыком, глядит на Ирку одновременно насмешливо и сурово:

– Вот ты шалава, да? Шалава. А на хрена ты на свете живешь, а?

Ирка понимает: главное – не раздражать его. Спросил – ответила, не спросил – молчи.

– Ну, какой от тебя, от глупой бабы прок? – всё больше заводится Степан, опрокидывает стопку, крикает, мусолит заскорузлыми пальцами крошащийся черный хлеб. – Только ноги раздвигать?

Ирке муторно, маотно, ощутимо ноет поясница. Наверное, опять застудилась – ходит-то в короткой юбчонке. Так хочется выйти на воздух, покурить, выдыхая дым в вечернее, густое, оплывшее непрекращающимся снегом небо, послать этого дурака куда подальше. Но нельзя: клиент есть клиент. И надо что-то отвечать ему.

– Смысл? Ну, мне бы дочь вырастить...

– Дочь! – распаляется Степан. – Дочь, твою мать! – Дочь! Налить? – взмахивает бутылкой.

Ирка машинально кивает, тут же выпивает, отщипывает душистый пористый хлеб, отряхивает с капроновых колен пухлые крошки.

– Дочь-то ты свою не растишь ни хера... Так что не п...ди. Ну, – придвинулся грозно, – говори, зачем ты, сука, на белом свете живёшь?

– Стёп, да ты не злись... Откуда ж мне знать? Родилась – вот и живу.

Степан ненадолго задумывается, злыми и весёлыми глазами глядя на Ирку, вдруг больно и грубо щипает за грудь, потом неожиданно отвешивает звонкую огненную пощёчину.

– Ух, ты, гадина! Поговори мне тут!

– Стёп, ну зачем ты так?! Я ведь ничего плохого не сделала...

– Ненавижу вас, баб! Всю жизнь мне переломали! Моя-то тоже паскуда, бросила меня, с сыном видеться не даёт, путается с уродами всякими... А я... Знаешь, зачем я живу?

Ирка устало пожимает плечами. Смотрит на часы – сорок минут уже прошло, осталось двадцать. Степан, несмотря на всю свою свирепость, всегда платит, не обманывает. И вдруг на передней панели, пыльной, в застарелых маслянистых пятнах, рядом с замызганным листком – освежителем воздуха, замечает открытый бумажник. Из него заманчиво выглядывает краешек красной пятитысячной.

– Я, б...дь, живу, чтобы... Чтобы ещё одним мудаком на свете больше было! Ха-ха! – гогочет Степан, довольный собственным остроумием. – Щас, погоди, отлить схожу. Сиди тут, не уходи, поняла?

Хлопает дверца, на растерзанной буханке мгновенно тают ворвавшиеся с улицы снежинки. Ирка, примагниченная, снова смотрит на бумажник. Степан скорее всего даже не заметит её пропажи. Подумает – пропил. А для неё, для Ирки, это деньги. Пять таких же вот козлов обслужить надо, чтобы их заработать.

Ну же, давай. Сейчас он вернётся. Опять начнёт докапываться со своими ду-

рацкими вопросами. Она ведь не для себя возьмёт. Для дочери. Для матери. А Степан всё равно пропёт. Потеряет. Или отдаст ментам.

Прямо перед её лицом зеркало. Тусклые припухшие глаза, понурая чёлка, темные катышки в уголках губ. И ничего впереди. Ни-че-го. Спать и однажды согнуть на одной из таких стоянок. В прошлом году вот такую же девку, плечевую – так их называют шофера – нашли на свалке недалеко от стоянки фур. Правда, не на этой, а в Южном Бутово, но какая разница...

Взять деньги и свалить. Не пять тысяч. А всё, что есть в кошельке. Степан – такая же сволочь, как все они. Как муж, который спаивал и бил Ирку на глазах у маленькой дочери. Как её отец, который давным-давно, когда Ирка ещё училась в восьмом классе, бросил мать, уехал в другой город к другой жене... Мать тогда как раз сократили на работе – библиотекари сделались вдруг никому не нужны, а до пенсии было ещё далеко, и им стало нечего есть, перебивались с крупы на хлеб, и не на что было купить одежду, мать что-то перешивала Ирке из своего, старого...

Степан прав: никакого смысла в жизни нет. По крайней мере, для неё, для Ирки. Так почему бы и не украсть? Кому от этого станет хуже?

Когда Степан уселся рядом, Ирка сказала мрачно:

– Осталось пятнадцать минут. Заплатишь мне или ещё о смысле жизни поговорим?

Он, как ни странно, отреагировал добродушно:

– Да ладно уж, иди, шалава, чего уж там...

Достал из кармана брюк мятую купюру, швырнул ей на колени. Взяла, зажала в кулачке. Перед тем, как открыть дверь, снова мазнула взглядом по зеркалу – глаза не выражали ничего, кроме мутной безысходной усталости. Послюнявила кончик носового платка, вытерла потёкшую тушь под глазами и помадные катышки в уголках губ. Дунула на жиденькую чёлку – та чуть колыхнулась, как высохшие травинки от слабого ветерка.

Пора к следующему клиенту.

Бумажник с вызывающе торчащей красной бумажкой остался лежать на прежнем месте.

2013 г.

Анастасия ЕРМАКОВА – прозаик, поэт, критик. Родилась в Москве в 1974 году. Окончила Московский металлургический институт и Литературный институт им. А. М. Горького.

Автор книг стихов и прозы «Осторожно, хрупко», «Точка радости», «Предметы первой необходимости», «Пластинин». Рассказы входили в различные сборники, в том числе и в сборник «14. Женская проза нулевых» (составитель Захар Прилепин).

Шорт-листёр премии Антона Дельвига и Горьковской премии, лауреат премии М.Ю. Лермонтова, дипломант Бунинской премии. Живёт в Москве.

ИГОРЬ ПАНИН

«НЕ БРОСАЙ МЕНЯ, ЕСЛИ ДАЖЕ...»

МЕГАПОЛИС

Асфальтовой кашей сыт,
Молох разомлевший дремлет.
И капли свинцовой росы
бросаются с крон деревьев.

Стремительно плавится жизнь,
стекая по липким перилам.
Попробуй, ещё продержись,
покуда вконец не сморило.

Одышка. А сделай мы шаг
один в направление леса...
Но стайками мокрых мышат
бухаем под каждым навесом.

Кому был обещан уют?
Как в ритме причудливой джиги,
у стройки нелепо спуют
таджики, собаки, таджики...

И всякому, словно паёк,
талон на безумие выдан.
А солнце в дыму не поёт,
но пахнет карбидом.

Бездомный пророк охрип,
молчит, а надясь визжал как:
«Здесь вырастет ядерный гриб!»

А пусть вырастает. Не жалко.

* * *

Рухнула с неба птица;
стало легко ей.
Что-то должно случиться,
что-то плохое...

Но не пытаюсь толком
следовать знакам.
Прежде завыл бы волком
или инако.

Ныне смотрю устало –
сузился круг мой.
Видно, недоставало
гадости крупной.

Сумерки входят в ночь, но
шпарит зарница.
Сонно киваю – точно
что-то случится.

АПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ РОМАНС

В одночасье зима настала,
обметелив с утра аллеи.
Я любил тебя слишком мало,
а теперь в основном жалею.

И теперь не до разговоров,
кто тут замужем или холост,
на паркете – одежды ворох,
надвигается вечный холод.

Говорят, это солнце гаснет
или стынет ядро земное.
А поэзия... да Пегас с ней!
Ты иди по тропе за мною.

Слышишь, падают наши башни,
гулко рушатся наши стены?

Непутёвым был мир вчерашний,
да и создан не тем, не с теми...

Не оглядывайся, не стоит,
чуешь, гарью дохнуло в спины?
Небо бурое и густое,
или просто в сугробе спим мы?

По усеянному телами
полю долгому (явь ли это?)
ковыляем в мороз и пламя,
чтоб увидеть концовку света.

Только мёртвые не воскресли,
на лице моём – снег и сажа.
Не бросай меня, даже если...
Не бросай меня, если даже...

* * *

Пледом колючим, как бредом, накрыться;
температура отменной крепости – сорок,
расплываются, тают и гаснут лица –
даже тех, кто любим и вроде бы дорог,

даже той, что стоит с косой в изголовье, –
злорадствует, но хоть не дразнится.
Что там по плану: провода, слёзы вдовьи...
Экая несуразица.

Экие, прости, Господи, плаксы да лопухи!
И вообще, –
завещал, чтоб развеяли прах у реки,
а заруют на кладбище.

Вымолвить нечто важное хочется,
но та, что с косой, говорит: «Цыц,
привыкай к вечному одиночеству,
как все приличные мертвецы».

* * *

До сих пор не верю в то, что я умру.
 ...Сонную тетерю будят поутру,
 только бесполезно в случае таком –
 смерть моя пролезла в форточку тайком.

Как же всё случится? Как же это вот?
 Я хотел бы лица видеть наперёд.
 Песенке не петься, ни к чему нытьё...
 Поручите спецу чучело моё.

Повздыхает тяжко, – мол, какой заказ...
 И впихнёт стекляшки мне заместо глаз.
 Тихо, сокровенно, из немых глубин
 закачает в вены дивный формалин.

Два мешка опилок в душу мне вобьет,
 раскроит затылок, что твое жлобьё,
 без большой печали выскребет мозги,
 и подкрасит чайник – спорить не моги.

...Улыбаться буду, весь такой живой,
 подложу, как Будда, руки под живот.
 Плюхнусь лет на двадцать в креслице-кровать,
 чтоб не просыпаться и не засыпать.

СТАРЧЕСКОЕ

Провались это самое,
 разрази его молния!..
 Опущу телеса мои
 в мутный прудик безмолвия.

И не нужно причастия,
 что до этих приличий вам?
 Видел видимость счастья я,
 а хвалился количеством.

Не парить в невесомости
 не умел неужели я?

А теперь – только «Новости»
 и драже раздражения.

Подуставшие ангелы –
 больше мне не хранители...
 На моём полустанке лишь
 лес стоит охренительный,

и плутают, невзрачненьки,
 меж путями лосиными,
 грибанутые дачники
 со своими корзинами.

* * *

Простыня – на заплате заплата,
да и плед повидал на веку...
Положили меня в палату
к умирающему старику.

Он воды поминутно просит,
а подносят ему – не пьёт.
Вслух мечтает о папиресе
и в исподнее лезет тряпьё.

И по тумбе колотит рукою...
Я-то думал, здесь тишь да гладь,
и ворчу: «Что же это такое,
б...дь».

Мне все это, увы, не снится,
самому хоть бери и плачь,
дорогая моя больница,
золотая моя главврач.

Утешает меня санитарка:
«Он, наверное, скоро уже...»
Но ни холодно и ни жарко
от прогнозов таких на душе.

В тишину я поверю, как в чудо.
Вон скулит, как подранок в бору:
«Заберите меня отсюда!»
А куда я его заберу?

Что-то жалкое в незнакомце.
Чей отец он, чей брат? Ничей?
И тускнеет набитое солнце
на горячем его плече.

Но уже на вторые сутки
привыкаю к нему вполне.
И укутанный сном нечутким,
я не слышу его извне.

И мечтал бы спасти – да как же?
И хотел бы помочь – но чем?
Мне и совесть о том не скажет
ни в одну из бессонных ночей.

В общем, язва его уморила,
отключив и тоску, и страх...

Не печалься, больной Гаврилов,
ты теперь будешь жить в стихах.

ПАУК

Влагой насытился грунт,
дождь не стихает пока.
Через тринадцать секунд
я раздавлю паука.

Ядрами капель побит,
он на террасу заполз,
держится цепко за пол,
не вспоминая обид.

В чём-то похож на меня,
этот мохнатый урод:
в полымя после огня,
или же наоборот.

И надо мною завис,
может, булжжик какой,
миг – и послышится свист...

Господи, ты не гневись,
душу его упокой.

* * *

Долгая капель – по карнизам нашим.
Сколько ни корпел, а добра не нажил,
и здоровье – дрянь, сам себя увечил...
Вечер мой багрян, хоть ещё не вечер.

Что мудрить с утра? Жмёт хандра тупая.
Даже не хандра – старость подступает.
Осознай, прими, новостью контужен,
это за дверьми, дальше – только хуже.

Не заметишь, как сгонят отовсюду.
Пожилкой дурак, станешь верить в чудо,
лазить в огород, пить отвар из вишни,
но один исход – ты и дома лишний.

Вовсе не в аду, не в горючей лаве
дети предадут, близкие ославят...
Потаённый знак ничего не значит.
Будет только так, – так, а не иначе.

* * *

Уходя, колебался, но все-таки уходил.
Возвращался, метался и думал опять об уходе.
В зеркалах – непутёвый, растерянный крокодил
слёзы лил,
человечьи вроде.

И одна говорила: «Не отпущу»,
а другая: «Я ждать устала».
И мой внутренний голос, ворчун-вещун,
замолчал по какому-то там уставу.

А по городу рыскал шакалом безумный снег, –
ну такой, что ни в сказке, ни в небылице.
Мне хотелось кричать им обеим: «Навек, навек!»,
только все же следовало определиться.

Чаще рвётся не там, где тоньше, а где больней;
прикорнуть бы, забыть всё – на день, на час ли...
И одна говорила: «Ты будешь несчастлив с ней»,
а другая: «Со мною ты будешь счастлив».

Это, я доложу вам, классический сериал,
тут бы впору сценарий писать многотомный.
Только те, кто участие в нём принимал,
выгорая, мертвели, как старые домны.

А тем временем снег, успокоившись, капал за шиворот с крыш,
как залог невозможного, дикого, жгучего счастья.
И одна говорила: «Ты любишь её, так иди к ней, малыш,
но если что – возвращайся...».

* * *

Когда всеобщее безумие
подходит к моему пристанищу,
я не нательного креста ищу,
не цепенею, словно мумия.
Одним – в объятия Кондратия,
другим – знамёна неизменные,
а я смотрю в окошко, братие,
как распадается вселенная.

С лихвой наотдавался дани я,
задор сменился чувством горечи,
Спешил отчаянно, как с гор ручьи...
вот и иссякло сострадание.

Что посоветуют коллеги, и
каким теперь внимать пророчествам?
Я обладаю привилегией
свихнуться в гордом одиночестве.

А там, снаружи, всё настойчивей
бурлит, клокочет, разливается,
и правит улицею палица,
а дальше только многоточие.
Молчи, судьбы моей предвестница –
не протестуй, не уговаривай...
Но лучше в комнате повеситься,
чем захлебнуться в этом вареве.

НОВЫЙ ГОД В ТРОПИКАХ

Зонтики пальм, снулый отель ночью не спал, здоровско пел
и танцевал туда-сюда – валом на вал – как та вода.

Ну мы вчера, как мы ваще! Не фраера – лаптем не шей
выкушали. А вот вам хрен. Если шалим – до дрожи стен.

Ёлка лежит, липки полы, синий мужик «Мурку» мурлы...
А персонал, заначив смех, всех рассчитал, почти что всех...

Выпито здесь – Бахус, кури! Вот я и весь выговорил
тощий запас корявых слов. В берег баркас, суши весло!

Шатко бреду, валко плетусь, как на редут, типа за Русь!
Не до потерь – огнём гори... Где эта дверь: двенадцать-три?

В каждом углу дылды теней щупают мглу, а на стене
надпись гласит сто тысяч лет: «Please, Do Not Feed The Dog&Cat».

* * *

Всё мечтаю построить склеп,
беломраморный, толстодверный.
Пусть он будет слегка нелеп
и тревожит всех суеверных.
И чтоб было всего с лихвой –
витражи, ангелочки, чаши,
барельефы над головой,
и чтоб плющ всё обвил жутчайший.

А внутри, сотворя обряд
еретического замеса,
саркофаги поставлю в ряд,
и себе облюбую место.
Соберу я родных туда,
навезу их со всех погостов...
Это им от потомка дар –
усыпально-фамильный остров.

Может, в этих стенах они
перемирятся поневоле.
Род несчастный, настали дни –
ты не зол, ты не гол, не болен.
И когда они там уже
упокоятся вновь навеки,
я скажу не для всех ушей:
«Благодарствую, человеки».

И покамест я не ослеп,
любоваться буду упрямо, –
для меня этот строгий склеп
станет самым священным храмом.
...Только денег на тьму камней
не добыть никакой ценою...
Пусть хотя бы стоит во мне,
и рассыплется в пыль со мною.

Игорь ПАНИН – поэт, публицист, литературный критик. Родился в 1972 году в Воронежской области, жил в Грузии, окончил Тбилисский государственный университет, факультет филологии. С 1997 года живёт в Москве, сотрудничает с различными СМИ, долгое время работал в редакции «Литературной газеты». Автор нескольких книг стихов, публиковался в журналах «Континент», «Дети Ра», «Крещатик», «Дружба народов», «День и Ночь», «Нева», «Зинзивер», «Урал», «Сибирские огни».

Звезда над полем

«И СВЕТЛОЕ ЛЬЁТСЯ СИЯНЬЕ...»

Осень в Молдове – это не только пора муста, фестивалей и свадеб, но и время «Славянских чтений». Сейчас, на 18-м году их проведения, мы называем эту научную конференцию традиционной, но, чтобы она таковой стала и обрела заслуженный международный авторитет, понадобились усилия и годы её любовного взращивания. Их сполна отдала, вернее, посвятила этому важному делу профессор Ирина Александровна ИОНОВА, доктор хабилитат филологии, заведующая Кафедрой славянской филологии в Славянском университете Молдовы. В этом году Ирины Александровны не стало. И произносимое когда-то в шутку «ионовские чтения» впервые обретает этот реально печальный мемориальный подтекст.

Ирина Александровна ИONOVA ушла в мир иной накануне своего 70-летия, к которому готовилась сама и к которому готовились мы, её коллеги и ученики, озадачившись тщательностью воспоминаний и составлением списка заслуг профессора Ионовой.

В перечне характеристик каждый из нас непременно произнес – вслух или мысленно: **известный** человек, **известный** специалист, **известный** в стране и за её пределами учёный-филолог. По отношению к Ирине Александровне – это не избитое клише, «полагающееся по рангу» и «прилагающееся» к каждому профессору при упоминании такового. В республике университетского профессора Ионову действительно знали – как минимум все учёные и педагоги-гуманитарии. Так сложилась её трудовая деятельность, что она сначала преподавала в Молдавском госуниверситете, потом в Государственном педагогическом имени И. Крянгэ, а 20 лет назад приняла приглашение возглавить кафедру в Славянском университете. С Бельцким государственным университетом имени А. Руссо её связывало тоже многолетнее сотрудничество. Туда её неоднократно приглашали на защиту докторских диссертаций, где она выступала в качестве основного оппонента или рецензента. Часто её звали и в УЛИМ, где она была постоянным участником всех авторитетных конференций по лингвистике. Какое-то время Ирина ИONOVA была членом специализированного Совета при Национальной комиссии по аттестации и аккредитации РМ по защите диссертаций филологического профиля.

Что касается её известности за пределами страны, то она была рецензентом многих научных работ для специалистов вузов разных государств, участником авторитетных международных конференций. Её работы давно знают, их многократно упоминают и цитируют в научных трудах. Именно на её имя и её авторитет откликнулись и съезжались отовсюду специалисты в Кишинёв на наши «Славянские чтения». За свою профессиональную и просветительскую деятельность в качестве члена Молдавской и члена Международной ассоциации русистов Ирина Ионова награждена Медалью А.С. Пушкина, которая была ей вручена на всемирном Конгрессе МАПРЯЛ в Санкт-Петербурге на церемонии в Таврическом дворце, где присутствовали исследователи и преподаватели русского языка из 80 стран мира. Это событие было очень дорого сердцу Ирины Александровны, полагаю, не только потому, что награда – признание её заслуг, но и потому, что событие это происходило в городе, где она родилась.

Для самой Ирины Александровны профессорство, что стоит подчеркнуть особо, не было подобием короны или нимба, а – естественной ступенью профессионального роста и взятой высотой в плане собственной самореализации. Этим она отличалась от профессоров и «хабилитатов» новой волны, когда нередко многое покупалось или иным образом обустроивалось, являясь для добытчика и носителя этого звания только атрибутом престижа и показателем статусности, выставляющимися напоказ. Мне довелось лишь однажды слышать, как Ирина Александровна апеллировала к своему званию: в ходе спора с явным дилетантом при дутых регалиях, который с апломбом нёс очевидную ересь по теме обсуждения, она сказала: «Вам придётся принять мою компетентную точку зрения настоящего профессора». А ещё, сетуя на своё скромное благополучие, она нередко сокрушалась по поводу доходов, которых удостоена профессура по сравнению с ... И тогда же печально приговаривала: «Как же так? А ведь я же настоящий профессор».

Ирина Александровна Ионова была постоянно действующим исследователем, но оставалась в течение всей профессиональной карьеры и постоянно действующим вузовским преподавателем. Это было для неё и любимым ремеслом, и высоким предназначением. Тот, кто учился в вузе, знает, сколь велика по сравнению, например, со школьной дистанцией между учителем и учениками, дистанция общения между лектором и студенческой аудиторией. Также хорошо известно, как порой трудно осваивать дисциплины по некоторым учебникам, написанным невыносимо сложным и заумным языком. Ирина Александровна и в ходе занятий, и в своих монографиях умела увлечь, заинтересовать материалом, заворочить ясностью изложения и повести за собой.

Многие, кто поступает в юности на филологический факультет, выбирают его под очарованием художественной литературы, а не из интереса к падежам и суффиксам.

Ирина Ионова сделала для себя компромиссный выбор – лингвистический анализ художественного текста: как при помощи обыкновенных слов создаётся эстетически и содержательно полноценное произведение. Это стало её темой, её коньком и волшебным средством обращения студентов в настоящих филологов. Стартовав с аспирантской скамьи Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, она была хорошо образована, много читала, обладала безупречным чувством языка и тонким литературным вкусом. Всё это она стремилась по максимуму перетранслировать и привить «вверенной» ей на время обучения аудитории.

Даже самая насыщенная жизнь в профессии происходит в контексте иных событий – семейных, государственных, мировых. И на всё это формируется внутренний личностный интеллектуальный и эмоциональный отклик. А поскольку Ирине Александровне случилось жить в эпоху кардинальных перемен, то ей было что осмысливать и на что сформулировать СВОЙ ответ. Для себя и для других.

В этом плане примечательна её деятельность публицистического характера. Помимо помощи мужу, известному журналисту Геннадию Валентику, при издании в начале 90-х газеты «Служба социальной справедливости», она высказывала публично и своё мнение по неудобным вопросам, связанным в первую очередь с судьбой русского языка в Молдове. У неё и по многим другим проблемам была своя, отнюдь не конформистская точка зрения. Не веря в последние годы в былую силу СМИ, профессор Ионова воздерживалась иногда от навязываемых ей публичных суждений, но, если вопрос стоял ребром или задавался по принципиальному поводу глаза в глаза, то она их не отводила и мнения своего не скрывала и не меняла.

Русская по крови, россиянка по рождению, человек, получивший среднее образование в Украине на украинском языке, и высшее – на русском, она всю свою взрослую жизнь прожила в Молдове, в центре Кишинёва. Она была гражданкой РМ не только по паспорту. Даже русский язык она исследовала в той ипостаси, в которой он фигурирует, согласно социолингвистическим канонам, как русский язык в Молдове, как языковая картина мира русских Молдовы. Эту картину она по крупицам воссоздавала в своих изысканиях и любовно обрамляла в статьях для предъявления всем интересующимся. Для объективности этой лингвокультурологической картины нужны были разные краски. Она складывалась из специфики народной топонимики Кишинёва и других мест республики, из специфики усвоенных русскими культурных и бытовых ценностей молдаван, из характерного местного сленга, из смешения языков в рекламе и СМИ. Но особый интерес у Ирины Александровны всегда был к русской поэзии Молдовы, к тому, как в ней осознанно и независимо от авторских намерений проклёвывается чудо образа и чудо смысла, слегка отмеченного на русской ткани текста с вкраплениями молдавских узоров. Подспудно это был её научно обоснованный ответ на то, кто здесь русские и какие они по своим мыслям и чувствам по отношению к этой земле на самом деле.

Конечно, как человек Ирина Ионова была многогранной и разной. Любила беззаветно своего мужа и свой дом, самобытно украшенный её же руками. Была предана друзьям и коллегам по многолетней работе. Всю себя отдавала ученикам, даже зная, что не любое семя взойдёт. Питала слабость к украшениям из натуральных камней, коллекция которых завораживает, как и её коллекция гжельской посуды, неоднократно украшавшей наши праздники. Была она в быту эстетом и гурманом. Она нам всем лучшим в себе будет многие годы помниться. Мы ещё очень долго будем ощущать ту зияющую пустоту, которая образовалась с уходом Ирины Ионовой.

К счастью, нам в наследство осталось то, что не надо делить и оспаривать, но надо бережно беречь и, не понижая планки, наполнять новым содержанием – кафедра, книги, намеченные ею исследовательские направления и «Славянские чтения» – ставшая престижной конференция и аккредитованный научный журнал.

И ещё одно качество Ирины Александровны Ионовой хотелось бы не только нам всем унаследовать – это пожизненное почтение к своим учителям и

предшественникам. В том числе и этим благоговейным чувством было мотивировано решение Ирины Александровны как главного редактора – ввести в журнале посвящённую им рубрику, чтобы в каждом номере «Славянских чтений» рассказывать о целой плеяде русистов Молдовы, которые всю жизнь талантливо и достойно служили языку Пушкина и молдавскому образованию на нём.

Постскриптум.

Ирина Александровна вела занятия со студентами почти до последнего дня своей жизни. Из последних сил хотела довести их до очередных экзаменов. Слабея, попросила меня проверить экзаменационные работы, в которых студентам предлагалось провести лингвистический анализ художественного текста, как всегда, тщательно отобранного и не оставляющего читателя, даже экзаменуемого, равнодушным. Для обоих вариантов Ирина Александровна подобрала изумительные по своей красоте поэтические произведения: «Лебедь в зоопарке» Николая Заболоцкого и «Безглагольность» Константина Бальмонта.

Строчкой из первого мне показалось уместным озаглавить это эссе, а также разделить цитатой из него надежду Ирины Александровны на то, что каждый, кого она учила, умеет чувствовать красоту языка.

*«И слышит, как в сказочном мире
У самого края стены
Крылатое диво на лире
Поёт нам о счастье весны».*

Что касается второго стихотворения, то уже по своему названию оно, по моему мнению, пророческое для финиша жизни Ирины Александровны, как обозначение того состояния, которое для человека и для неё, словесника, наступает по ту сторону – безглагольность.

В ней есть и

*«...природы усталая нежность,
Безмолвная боль затаённой печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали».*

Просвечивает в этих строчках в связи с невосполнимой утратой и общее наше по этому поводу состояние:

*«Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольню».*

Татьяна МЛЕЧКО, ректор Славянского университета РМ,
доктор педагогики, доктор-хабилитат филологии, профессор.

ДРАМАТУРГИЯ

ОЛЕГ КРАСНОВ

НИТЬ АРИАДНЫ

Место действия – столик и лавочка в парке, видимо, недалеко от какого-то питейного заведения, за столик время от времени садятся люди с напитками – пивом, водой, коктейлями.

Действующие лица

Глеб, студент.
 Валера, урка.
 Ципа, хозяин жизни.
 Саша и Таша, юные девушки.
 Инженер, бывший конструктор.
 Мент, работник полиции.
 Ханурик, собирает бутылки.

СЦЕНА №1

Глеб угрюмо пьёт пиво за столиком в парке и предаётся размышлениям. Подсаживается Валера и жмёт ему руку хватом сверху.

- Квасишь?
- М-м ... Настроения нет. Барса вчера влетела на последних минутах.
- Барса ... Тёлка от тебя ушла.
- И хорошо. Что ушла.
- Ариадна – годная такая тёлочка. Мог бы Алику сопатку начистить.
- Аликдохлый совсем.
- А выходит, круче тебя. Не обидно?
- Нет.
- Совсем?
- Совсем.
- Ерунда какая-то. Конечно, разборки из-за метёлки не по понятиям, но я бы тебя понял – движуха, весело. А ты сидишь и квасишь. Барса ...
- Круче меня? Алик – чмо, только что деньги есть.
- Только! Белая ауди, тёлки это любят. И бабки, конечно.
- Это у него наши деньги.

– Это как?
 – А так. Предок его украл у города хлебный комбинат. И все знают об этом.
 – Да какая разница? Бабки у него? В шоколаде. Уважаю.
 – Ты даёшь. Кого тут вообще можно уважать. Кто хоть что-то сам сделал руками или головой?
 – Все украли?
 – Все.
 – Укрази и ты. Человек человеку – волк. Съешь его, пока не съел тебя. И тот волк лучше, у кого зубы больше. Это жизнь.
 – Думаешь это – и есть жизнь?
 – А другой не будет.
(Пьют пиво).

Не пойму я тебя. Всё у всех ворованное. Всё чужое. А почему не твоё? Чем они тебя лучше? Умные очень? Не похоже. Смелые? А ты погулять вышел? Отними! Уважать их не хочешь? Не надо. Дай в рыло! Чем ты хуже? Или ты, или тебя. А как ты думал?

– Скажешь тоже ...
 – Но это же твои деньги? Ты сказал, что твои! Почему какой-то чертила будет радоваться жизни, а не ты? Разве это правильно?
 – Где-то так.
 – А ты поспорь со мной. Скажи, что я не прав.
 – Ты прав.
 – Нечем крыть?
 – Нечем.
(Отхлёбывает пиво).

– А хочешь, я тебя на дело возьму? Ты хороший поделщик, я знаю. Не пугливый, молчать умеешь.
 – Не знаю. А что за дело?
 – Давай так. Я сейчас бегу, а завтра ты подходи сюда же. Да? Что-нибудь придумаем.

(Рукопожатие).

СЦЕНА №2

Таша и Саша что-то пьют. Саша чем-то огорчена, Таша в хорошем расположении духа, у неё новые ногти. (Мимо, не задерживаясь, проходят Мент и Ханурик, неважно, в какой момент разговора. Ханурик попадаетея Менту на встречу, останавливается и вежливо здоровается. Мент, взглянув на него, проходит молча. Через некоторое время появляется Инженер). Саша, грустно:

– Патрик Шварценеггер – неженатик! Ты знала?
 – Правда?
 – ... я после него на наших парней смотреть не могу.
 – *(Мечтательно).* Он такой реальный ...

– Реальный, да?

– Да.

(Пьют).

– Как тебе этот Валера?

– Ничо так. Вчера на меня глянул и говорит: Девушка, это вас я вчера видел в «Драйве»?

– А ты?

– А я такая: «Никогда не была там».

– А он?

– А он такой типа: «Отлично! И я не был! Как у много нас общего!»

– Валерка похож на Хью Джекмана, только без бакенбардов.

– Я, говорит, собираюсь крупно выиграть в лотерею ...

– Это в какую?

– «В ту, которую мы все играем, каждый по-своему».

– Ой-ёй-ёй ...

– «И я боюсь, что у меня может появиться серьёзная проблема: что-то надо будет делать с выигрышем. Вы не могли бы мне помочь?»

– А ты?

– «Мне грустно это слышать, но я не банк и не ломбард ...»

– А он?

– «Банк даёт слишком маленькие проценты, и я не люблю ждать. А небольшая поездка на Мальдивы была бы в самый раз – помогла бы мне избавиться от излишков счастья и комплексов ...»

– А ты?

– «Чудесно, ночной бриз так освежает ...»

– А он?

– «Я могу надеяться на вашу помощь?»

– А ты?

– «Вот когда выиграете, поговорим ...»

– Прикольнo! Валерка – трепач, но мало ли ...

– Тусуется с Глебом из третьего подъезда.

– А, этот? Тупой ботаник, а думает, что умный.

– Вапще далёкий. У него никогда больше ста лей в кармане не будет. Свитера вытянутые какие-то до пяток. И пахнет от него неуютно.

– Беспонт, однозначно.

– Как изменить свою жизнь? (Таша показывает ногти). Измени себя в первую очередь.

– (Саша смотрит). Зыка. Ариадна отдыхает. Жидкая типса?

– Отверждаемый ликвид, акриловая пудра, топ-гель.

– (Рассматривает) ... запила нет, идеальный френч ...

– Снимайте баффом блеск, это улучшит адгезию.

– Капец!

СЦЕНА №3

Глеб и Валера.

– Слушай сюда, я тебе раскидаю. Есть тут один клиент пухлый. Казну дома держит. Не верит никому. Одно плохо – в любой момент может вернуться. Я его пасу, пасу – никакой системы. Вольный ветер.

Что ты на меня смотришь? Да, может прийти. (Пауза). Слушай, если бы его вчера задавила маршрутка, ты сильно бы переживал? Скажи: «Да, переживал бы», и я пойму. Нет? Не слышу? Громче! (*Глеб смотрит в стол*). Проехали.

(*Подходит Ханурик, останавливается в двух шагах и нацеливается на бутылку*).

(*Валера*): Бери и хромай отсюда! (*Выждав, когда Ханурик уйдёт, продолжает*).

– Живёт недалеко от леса, на Рышкановке (*Достаёт карандаш*). Если выкупим его, то Алику у нас будет отдыхать, и вся рыба будет наша.

– Да плевать на Алику.

– А на тёлку?

– И на тёлку.

(*Появляется заметно пьяный Ципа*).

– Привет, самцы! Как оно?! Гужбаните?

– Как видишь.

– Вчера гужбанили, сегодня ...

– И завтра будем, я надеюсь.

– А что ты тут ему рисовал?

– Лошадь.

– Хы. (*Ставит бокал на стол*). Чего тут трёте – тёлки, тачки, драчки?

– Угадал.

– А что гадать, что вы ещё можете? На что способны?

– На всё.

– Точно? А сгоняй тогда за пивом.

– (*Глеб, вполголоса*). Обло и лайай ...

– Чё сказал?

– Пошутил он.

– Не смешно! Если такой умный, то почему такой бедный?

– Не знаю. Богатые, похоже, не любят умных.

– И правильно делают. (*Лезет за деньгами*). За что их любить? И кто их вообще любит? Сбегай вот, принеси пива.

– Тебе надо – ты и беги.

– Вот так вот, да? (*Удивлённо*).

(*Достаёт огромных размеров барсетку, растёгивает, роняет несколько паек долларов. Урка присвистывает*).

– На пиво хватит.

– Ага. На пивзаводик.

(С усилием нагибается, поднимает, запикивает обратно, вынимает банкноту и протягивает Глебу).

– Сдачу тебе.

– Себе оставь.

– На него посмотри!

– Ладно, Ципа, где он их менять будет?

– А где хочет. И вот ещё сто?! Я не шучу. Нет? А триста? Триста убитых ентов! За бутылку пива. «Жигули», обратите внимание. А мы продолжаем нашу передачу, но я в любой момент могу передумать, и приз останется в студии. Ну что, идёшь?

– Давай я сбегаю! *(Валера вскакивает на ноги и оказывается сбоку от Ципы, который не желает его замечать).*

– Не надо, я не тороплюсь. Разница между нами, самцы ...

(Валера обнимает Ципу и тихо, без эмоций, втыкает в его левый бок заточку, то есть шило. Ципа валится на бок, не успев закончить фразу).

– И вся разница ...

(Глеб с ужасом смотрит на Валеру).

– *(Негромко).* Что ты сделал?

– Ты же сам этого хотел.

– Я??

– *(Не торопясь, серьёзно).* Две минуты назад. И ходить никуда не надо. Та-акая ма-аза!!

– Ты убил его.

– Мы убили. Не звони мне, приходи сюда через три дня.

– *(Непонятно кому).* Нет, я не хотел! Не этого!

– А чего?

– Другого ...

– Чего другого? *(Смеётся).* Нет времени на глупости. Бери лопатник и скво-зи. *(Глеб в оцепенении).* Кому сказал! *(Суёт Глебу барсетку).* Я разберусь со жму-ром. Живо!

СЦЕНА №4

Сильно нетрезвый Глеб и Ханурик. Глеб говорит медленно, с большими паузами, разговор разбавлен пьяными медитациями и алкоголем.

– Что празднуем?

– Ничо. Пиво пьянствуем. *(После паузы).* Человека убили!

– Кто?!

– Я и убил.

– Ты? *(Недоверчиво).* По какому случаю?

– Ни по какому. Денег хотел.

– *(Всё ещё недоверчиво).* А сейчас не хочешь?

- *(Задумавшись)*. Не очень.
- А мне зачем рассказываешь?
- Кому-то же надо.
- Тоже верно.
- Что убил.
- Ясно. А деньги тебе зачем?
- Не знаю. Купить чего. Я же взрослый уже. Давай выпьем!
- Возьми мне пива, а то у меня не хватает.
- Да сколько угодно.
- (Толкает к нему бутылку)*.

- *(Через некоторое время опять сообщает)*. Я человека убил.
- На тебя не похоже. *(Небольшая пауза)*. И что теперь?
- Теперь есть деньги.
- Много?
- Кому как.

- Купи тачку.
- А зачем мне?
- Ну, там, тёлки на шею вешаются.
- Да мне их не надо. Ну, может быть, – одну-две ...
- Тогда квартиру.
- Вроде не на улице живу. У тебя налито?
- (Пьют)*.

- Работать теперь не будешь?
- Буду.
- Зачем? Лежи себе на диване!
- И долго?

- Одеваешься ты ... не от Армани. На кой те деньги?
- Ну, это же **деньги**. Понимаешь?
- Понимаю. И что?
- Что ты понимаешь?
- Ничего.
- Потому что ты дурак! И денег у тебя нет. Кто умный, у того есть. У меня вот есть. Если бы ты был умный, и у тебя были бы. Деньги! А у меня есть. Ты понял?
- Да.
- Ну вот.

- И поэтому ты ничего себе не купил?
- Почему не купил. Я купил.
- Что?
- Самолёт.
- Самолёт?
- Во! *(Достаёт игрушечный самолётик)*.
- Круто.

– *(Доверительно)*. Я не такой хотел, понимаешь? Раньше были такие фанерные модели с бензиновым двигателем и пропеллером, их ещё пионеры запускали на верёвочке. Знаешь? *(Ждёт ответа)*. У меня не было. А сейчас таких не делают. Сейчас модели это такие тётки.

- Ты что – правда кого-то убил?
- За деньги!
- Ну! Много взяли?
- Да как тебе сказать. Для меня много. А так – нет.

– И что хочешь купить?

– Всё, что продаётся. Женщину. Честь. Совесть. Услуги, короче. Вот ты мне совесть продашь?

- А у меня нету. Хочешь, я тебе станцую?
- Продал уже?
- Давно!
- Молодец.
- А у кого есть, тот не продаст.
- Ну, это смотря за сколько.
- Купи лучше тачку. Тёлки так прыгают – опупеть.
- Они и без того прыгают.
- Всё равно купи. Пусть прыгают платонически.

- И как мне теперь жить?
- А как ты вчера жил?
- *(Задумался)*. Как дурак.
- Так и живи.

- Я человека убил!!
- Ты уже говорил.
- Из-за денег.
- Последнее дело, да.
- (Глеб поднимает на него глаза)*.
- Я и тебя бы убил, но у тебя нет денег.
- Нету.
- А были бы? Что бы ты делал?
- Водки бы выпил.
- Почему это водки, а не виски?
- Виски самогонкой пахнут.
- А водка – нет?
- А водка и должна.
- Справедливо. Что ещё?
- Ещё водки.
- Ты дурак?
- А потом лёг бы на деньги и лежал бы.
- Мысль ...

– *(Ханурик)*. Тёмная ты лошадка ...

- Лошадка?
- Да.
- Я?
- Ты.
- Выпьем за это.
(Пьют).
- Может быть, я просто хотел себя уважать ...
- И тебе для этого были нужны деньги.
- Представляешь?
- Очень хорошо даже.
- Я человека убил.
- И что теперь чувствуешь?
- Ничего.
- Я так и думал. А мне зачем сказал?
- Страшно мне.
- Чего те страшно?
- Того, как всё просто. Страшно просто.

СЦЕНА №5

Саша и Таша, коктейли и пирожные. Мимо идёт с пивом Инженер, похоже, ищет, где бы присесть.

- (Таша, довольно громко). Треугольник!
- (Саша). И Джойс!
- (Инженер останавливается). Простите?
- Нет, ничего.
- Это не Вам.
- (Инженер). Джеймс Джойс?
- Что?
- (Инженер). Джойс, ирландский писатель. Вы сказали – Джойс?
- Вы со мной разговариваете?
- (Инженер). «Портрет художника в юности», «Джакомо» ...
- (Таша). Это не Вам, мужчина.
- (Саша). Подожди, пусть ещё что-нибудь скажет.
(Пауза).
- (Саша). Писатель, как Мураками?
- (Таша). Ирландия, где все пьют пиво, есть праздник святого Патрика.
- (Инженер). Мураками не писатель ...
- Композитор?
- А кто писатель?
- (Инженер присаживается на краешек лавочки).*
- Акутагава, Оэ, Абэ, Кавабата ...
- (Девушки переглядываются).*
- Кавабата – это мотоцикл.

- У Мураками тиражи больше десяти миллионов.
- *(Инженер)*. Вот видите ...
- И чего мы видим?
- *(Инженер)*. Ничего сложного нельзя продать тиражом в десять миллионов – обыватель не купит. Опасность быть непонятым существует только для человека незаурядного.
- И барахло тоже никто не купит.
- *(Соглашается)*. И барахло тоже.

- А Вы кто?
- Марсианин.
- Я так и подумала. По профессии кто?
- Инженер-конструктор.
- Есть такая профессия?
- Была когда-то.
- А сейчас кем работаете?
- Мелкий ремонт техники ...
- А, теперь всё ясно.

- *(Инженер)*. Но Вы сказали – Джойс?
- *(Таша)*. Это не Вам.
- *(Саша)*. «Джойс» – это вода, вроде фанты.
- *(Инженер)*. Вода!!!
- А Вы будто бы не знали?
- Нет. Откуда мне? А почему «треугольник»?
- Пирожное, вот такое! *(Показывает пальчиком)*.
- Вообще-то это призма.
- Никакая не «призма», это «Стефания».
- А, спасибо, теперь и я понял.

СЦЕНА №6

Глеб и Валера, Глеб не вполне трезв. Валера подходит и заносит сверху руку для приветствия.

– Привет олигархам!

(Глеб не реагирует).

- *(Улыбается)*. Уже друзей не узнаёшь?
- *(Без улыбки)*. Кто этот человек?
- Какой?
- Которого мы убили.
- Уже никто.

(Тяжёлое молчание).

– Я убил человека. Он жил, гулял по городу, пил пиво, а я взял и убил его. У него была девушка, мама. Мама теперь будет искать его могилку. Мне-то всё

равно где я буду лежать, а мамам нужна могилка. И девушка будет думать – почему не позвонил? Ей будет плохо. А это просто я решил заработать денег! *(Нестественно смеётся)*. Как его звали?

– Зачем тебе?

– Я хочу знать. У меня мозг болит, когда я думаю об этом.

– А ты не думай. Не хватало ещё, чтобы ты начал его маму разыскивать. Всучишь нас обоим. Ладно, где знаки? Там двести штук было, у Ципы в блокноте записано. Только не говори, что не было.

– *(Отрешиённо)*. Двести точно не было, намного меньше.

– *(Жёстко)*. Как это – «не было»? Отдашь всё! Продашь квартиру, барахло и вернёшь. Тогда поговорим о твоей доле. Вкурил? Остаток – сюда.

– А – нету.

– Что сказал?

– Ты слышал.

– Как нету? Где деньги?

– Я их раздал.

– Кому?

– А кому захотел.

– *(Пауза)*. Рамсы попутал?

– И что будет? Заточкой пырнёшь? Давай! *(Смеётся)*.

– Убью тебя.

– *(Спокойно)*. Убей.

– Зубами порву!

– *(Глеб встаёт)*. Да ну? Сюда иди!

(Валера отскакивает, вытаскивает складной нож, но не подходит).

– Не думай, что можешь где-то спрятаться. Я найду тебя!

– *(Глеб веселится)*. Ты меня потерял? *(Дурашливо оглядывается)*. Где я? *(Чуть серьёзнее)*. Я тоже себя потерял. Найди меня, пожалуйста!

– Идиот! Ты же идиот! *(Замахивается)*.

(Глеб идёт на нож. Валера отскакивает).

– Не убегай! Порви меня! Куда ты!

– Ну, сука, смотри, все бабки вернёшь! Запомни, сучара!

(Валера пятится и сбегает, Глеб тихо смеётся).

СЦЕНА №7

Пьяная беседа Инженера и Ханурика. Во время разговора мимо проходит Мент, замедляет шаг, чтобы прислушаться к разговору, но ничего не понимает и проходит мимо. Ханурик косится, Инженер не обращает на Мента внимания. Никого не замечая, проходит Саша. Инженер и Ханурик провожают её взглядом.

– Механик, а вот ты скажи мне ...

– Я не механик, я – инженер.

– Хорошо. А вот скажи мне, механик, ты бы человека убил?

– От ситуации зависит. Но не хотелось бы.

– А за деньги?

- За деньги – нет.
- А почему это «за деньги – нет»?
- Ты прав, от ситуации зависит. Но не хотелось бы.
- А как тогда жить по правде, и главное – зачем?
- Если спрашиваешь, то тебе – незачем.
- А тебе?
- А я не спрашиваю.
- Плесни мне пива, у меня на бутылку не хватает.
- На!
- Вот ты такой правильный ...
- С чего ты взял?
- Не перебивай. Вот ты такой правильный потому, что веришь в Бога?
- Думаешь, если кто верит, то он и правильный?
- Если Бога нет, то всё можно.
- Как посмотреть. Всё можно, если Бог есть.
- Отчего это?
- Обычный человек не может убить другого человека ни с того ни с сего.

Страшно потерять в себе человечность. Иному проще принести себя в жертву, чем отнять жизнь у другого. А если человек убивает легко, то в нём уже что-то сломано. *(Отхлёбывает).*

И наоборот – причиняя зло другому, человек разрушает себя. Чтобы человек начал убивать, ему нужно объяснить, что другой человек – не такой как он, не совсем такой. Почти совсем не человек. И ещё нужна сверхидея, во имя которой дозволено всё. Идея справедливости, чистота веры, счастье человечества, высшие интересы нации – такая идея может оправдать что угодно. А если Бога нет, ради чего убивать?

- Но быть подлецом выгодно. Быть идеально циничным всегда. Это удобно.
- Для чего?
- Чтобы стать олигархом или политиком, например.
- Нельзя быть идеально циничным, это уже идея, а идея отрицает цинизм. Олигарху надо быть не циничным, а целесообразным, это другое.
- А чем плохо быть бесчеловечным?
- Нет радости, сломанный человек не может быть счастливым. Всякая неупрядоченная душа сама в себе несёт своё наказание.
- Не верю, это чепуха, сантименты. Для дела же хорошо?
- Неудобно – плохо понимаешь людей.
- Очень надо олигарху их понимать. И если нет Бога, откуда ты знаешь, что такое мораль?
- А мораль вообще не от Бога, мораль – это неписанные правила сообщества, у каждой группы своя мораль, к религии это отношения не имеет.
- А совесть, нравственность?
- Нравственность – это то, что внутри. Нравственно поступает человек, который не думает о том, что поступает нравственно.
- А где твоя группа, механик?
- Нету. *(Пьёт).* Ты понимаешь, общественная мораль меняется так быстро, что я не успеваю к ней притерпеться.

- Выходит, ты – аморальный человек.
- Совершенно верно! Вот теперь ты правильно меня понял.
(Новая бутылка).
- Хорошо, а вот говорят: «Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе». Ты мог бы так жить?
- Знаешь, я не очень хорошо к себе отношусь.
- И что это значит?
- Ничего.
- А какой же тогда смысл быть честным человеком?
- Никакого. А это вообще не про смысл.
- А я не хочу быть таким правильным, мне незачем.
- Не будь.
- А вот ты зачем-то хочешь, хоть и темнишь!

СЦЕНА №8

Глеб в раздумьях, перед ним на столе лежит кепка. Появляется Саша с коктейлем в руке, похоже, собираясь сесть на свободное место.

- Молодой человек, предложите даме присесть.
- Какая ты дама? Ты зажигалка.
- На себя посмотри, вата. На пиво денег хватает или добавить?
- Таких?
- (Приподнимает кепку, под ней деньги).*
- Календарики?
- Да! У меня много календариков.
(Берёт несколько купюр и кладёт на стол веером. Саша хватается за одну бумажку, рассматривает и осторожно возвращает на место).
- Фигасе! Откуда у тебя?
- Стипендию получил. Так что – станцуешь?
- Чего?!
- Станцуй, я поделюсь.
(Пауза).
- А знаешь, как можно соблазнить девушку?
- Не хочу я тебя соблазнять.
- У нас абстрактный разговор!
- Да не надо мне ничего об этом знать. Танцуй!
- Станцевать?
- Да.
- А сколько дашь?
- А как станцуешь.
- Может быть, ты что-то другое имеешь в виду?
- Нет, ничего другого! *(Думает о чём-то своём).* Ты и на четвереньки встаешь, если надо будет.
- А то бы тебе не понравилось.

– Нет. Это не весело.

– А так весело?

(Выливает половину своего коктейля на голову Глеба).

(Пауза).

– *(Глеб произносит устало).* Сладкий.

– Аха. Полезно для мозга.

(Глеб поднимается, Саша отпрыгивает в сторону. Глеб немного трезвеет, вытирает лицо).

– *(Вежливо).* Мэм! Вы не хотели бы присесть? Только у меня тут немного мокро ...

(Саша не сразу, но садится, отставив локоток. Потягивает коктейль через соломку. Глеб возвращается в позу задумчивости).

– *(Глеб).* Вот скажи мне, чего ты от этой жизни хочешь?

– Я?

– Да.

– Как все.

– Это как надо понимать?

– Сам подумай, не дурак.

– Хорошо, а чего бы ты хотела себе купить?

– Вообще или сейчас?

– На этой неделе.

– Абонемент в бассейн.

– А ещё?

– Туфли.

– Туфли – это святое. А ещё?

– Остров с пальмами и попугаями.

– Практично.

(Сгребаёт со стола бумажки и протягивает их Саше).

– На бассейн и туфли хватит.

– В обмен на что?

– Просто так. Ты человек – я человек, у меня есть – у тебя нет.

– Я не возьму.

– Возьми, пожалуйста, у меня ещё есть.

– Ты будешь плохо обо мне думать.

– А тебе-то что? Большое дело – чего я буду думать. *(Меняет тон).* Не буду плохо думать, правда.

– Тогда скажи: «Возьми, пожалуйста, Саша, это мой подарок тебе на день ангела!».

– Само собой. Подарок от ангела. Я так и говорю.

– Ладно. Тогда возьму. Спасибо.

– Ещё дать?

– Нет. Много будет на туфли.

(Прячет деньги в сумочку).

– *(Саша).* Только я уже пойду.

- Иди.
- Свитер у тебя забавный.
- Не подарю.
- Жалко. Ну, я иду тогда.
- Удачи.

СЦЕНА №9

Вечер. Глеб и Инженер. Пьют.

– (*Инженер*). Альтернатива простая – признание возможности альтернативы в истории. Общество постоянно проходит через альтернативу и постоянно выбирает не лучшую. Какую альтернативу выбрать? Существует ли альтернатива в этой точке истории? Существует ли стратегия выбора? Является ли китайский способ прохождения альтернатив альтернативой нашему способу? Где нить Ариадны?

- Чего?! Какой Ариадны?
- Ну, где выход из лабиринта.
- А, хорошо.

– И тут оказывается, что обсуждать это не с кем. Общество состоит из детей и подростков. Нет такой инстанции, помимо Всевышнего, которому эти вопросы можно было бы задать. Кому ребёнок может задать вопрос о правильности выбранного пути, если нет взрослых? С кем он может говорить о смысле истории? Его маленькая банда подымет его на смех, и ничего не ответит – в этой банде всех интересует вопрос, как достать с верхней полки большую банку варенья, как её не разбить и целиком слопать, и при этом не пойти в школу.

- Умеешь ты утешить. Хорошо, а вот скажи мне – чего твоя душа желает?
- Моя? Свободы, равенства и братства.
- Молодец. А если не из мира идей?
- Это всё уже есть. Хуже с идеями.
- Всё есть?
- Всё, чего хочу. Зачем спрашиваешь?
- Я мог бы тебе купить что-нибудь нужное.
- А не купить мог бы?
- Легко.
- Сделай одолжение. (*Пьют*).

- Давай хоть за пиво заплачу.
- Не надо.
- Почему?
- Ты хочешь, чтобы я стал богатым?
- Мой дядя самых честных правил. Давай заплачу, тут не Советский Союз.
- Ты, наверное, много знаешь про Союз. Книжку прочитал.
- Тогда ты расскажи, пива много. Что там было особенного?
- Ничего.
- А всё же?
- Ничего. Жили, как ты сейчас живёшь.
- Ну, а что было замечательного, на твой взгляд? (*Отпивает*).

– *(Инженер, не сразу)*. Видишь ли, мы тогда вообще не понимали, что такое – потерять работу. По телевизору показывали шумные демонстрации безработных, а мы смотрели холодными глазами. Работа не волк, чего переживать-то.

– А ты мог говорить, что думаешь?

– Я и говорил, что думаю. Только что я тогда мог думать?

– А сейчас можешь.

– А сейчас, ты понимаешь, меня уже слушать некому. Ори, сколько хочешь. Караоке-демократия.

– Но свободы же не было.

– А что это такое? Я такого низкого холуйства *(Неопределённый жест)* раньше нигде не видел. Сохранить в себе человека было легче. По мне так это и есть свобода.

– И один сорт сыра.

– Зато дети с протянутой рукой на улице не стояли. Я бы ел этот сыр и сегодня, только бы глаза мои их не видели.

– А женщины продажные тогда были?

– Ну, как тебе сказать, были и мужчины продажные. Но так, чтобы за три рубля – в этом просто смысла не было.

– Деньги же были?

– Деньги были, но они были деньгами, а не богом и матерью.

– Хорошо, а что тебе сегодня жить мешает?

– *(Пьёт)*. Ты понимаешь, мне всё время одна и та же галиматья снится. Будто бы я хочу вернуться домой с рынка и никак не могу. Я иду, а кругом лотки, ларьки, лавочки, прилавки. Скопище людей, и каждый чем-то торгует, на каждом шагу что-то продаётся, и все тянут ко мне руки, я оборачиваюсь и никак не могу из этой толпы выйти ...

– Да ты больной.

– Похоже на то.

(Пьют. Глебу будто бы что-то приходит в голову).

– Вот хорошо, чуть не забыл – о деньгах. Слушай, мне деньги оставить негде, а дома держать неудобно, ты не можешь?

– Какие деньги, зачем?

– Вот эти! *(Показывает)*.

– А у меня, ты думаешь, удобно?

– У тебя никто искать не будет. *(Глеб достаёт пакет, втиснутый в кепку, и отдаёт его Инженеру. Тот раздумывает и без восторга, но берёт)*.

– Ты хорошо подумал?

(Глеб раздумывает).

– Или лучше знаешь что? Оставь их себе!

(Инженер смотрит на пакет, будто бы только сейчас понял, что у него в руках).

– Как себе, ты что? Тут же много!

– И что?

– Ты так вот просто даёшь мне деньги?!

- Ну да.
- Погоди, но мы с тобой даже не друзья.
- Но это ведь недолго исправить. Выпьем за дружбу?
- Нет!
- Не хочешь за дружбу?
- Я так не могу. *(Пытается вернуть деньги)*.
- А кто тут про альтернативу разорялся? *(Отталкивает пакет)*. Деньги – мусор! *(Смотрит в глаза)*. Интеллигентному человеку зазорно говорить о деньгах! Мне ли это тебе объяснять?!
- (Инженер делает над собой усилие)*.
- Ладно, давай! *(Прячет деньги)*. А почему – мне?
- Ты распорядишься ими лучше, чем я. Мне они всё равно ни к чему. У тебя пиво ещё осталось?

СЦЕНА №10

Участок полиции, за столом сидит Мент. Стол тот же, что в парке, только по-другому расположен. Рядом полицейская фуражка.

- *(Глеб)*. Здравствуйте.
- (Мент поднимает голову)*.
- Здравствуйте! Что у тебя?
- (Пауза)*.
- Я человека убил.
- (Пауза)*.
- И чего хочешь?
- (Пауза)*.
- Вот, пришёл ...
- (Пауза)*.
- Когда убил?
- (Пауза)*.
- Давно уже.
- Хорошо. Бери лист бумаги, садись – пиши.
- (Глеб сидит, вертит в руках лист бумаги. Мент продолжает разглядывать свои документы)*.
- Не могу.
- (Пауза)*.
- А тело где?
- Не знаю. В воду бросил.
- Как убил, чем убил?
- Ножом.
- Особые приметы?
- Чьи?
- Не мои же. Партак?
- Что?
- Тагуировка!
- Вроде не было. Не помню.

- Труп обыскивал?
- Нет.
- Зачем тогда убивал?

(В двери стучат, лица посетителя не видно, голос знаком зрителю).

- Здравствуйте!
- Нет.
- Я только хотел ...
- Позже.
- Вы понимаете ...
- Я занят!

(Пауза).

- На твоей одежде есть кровь? Где нож?

(Пауза).

- Не знаю. Нож в воду бросил.
- Тебя кто-то видел?
- Нет! Я один был.
- Прохожие?
- Нет. Наверное. Не всё ли равно?
- Нет, представь себе.
- Я же признался!
- Мотив?
- Что?
- Зачем ты его убил?

(Пауза).

- Из хулиганских побуждений.

(Мент саркастично смотрит на Глеба).

- Документы какие-нибудь есть?
- Зачётка.
- Давай сюда! *(Берёт зачётку, разглядывает оценки).* Посидишь, пока смена закончится, и пойдём на выводку. И давай чистуху ...
- Что?
- Заявление о явке с повинной.
- А как писать?
- Да как хочешь. Ты неграмотный?

СЦЕНА №11

На этот раз огорчена Таша, Саша пребывает в мечтательном настроении, у неё на пальце или на шее какая-то безделушка, кольцо или цепочка, словом, бранзулетка.

– Ты знаешь, принц Гарри был в клубе с Мелиссой Перси – их сфотографировали, когда она босиком выходила покурить на лестницу. Мелисса из древнего и благородного рода, дочь герцога Нортумберлендского, богатство её семьи составляет полмиллиарда долларов – это может оградить от подозрений со стороны родственников Гарри.

– Если Гарри женится на Мелиссе, а Пиппа Мидлтон выйдет за брата Мелиссы, то Гарри и Пиппа будут вместе праздновать Рождество каждый год!

- Вот было бы здорово!
- (Чокаются).*
- *(Саша)* Как твои Мальдивы?
- Растаяли в розовой мгле.
- *(Капризно)*. Почему же?
- Я сама ничего не поняла. Я только спросила его про лотерею, а он аж пятнами пошёл. Псих какой-то.
- И что сказал?
- Слова какие-то. «Нельзя угадать реакцию идиота!» А я ещё с утра каблук сломала, представляешь?
- А ты?
- «Ты это о ком?»
- А он?
- «Да кто ты такая? Я тебя не знаю, мокрощёлка!»
- Вот гад! А ты?
- «Не знаешь меня?! А я твой глюк. Я тебе снюсь!»
- Ага! А он?
- Делает вид, какой типа свирепый.
- А что – милый что ли?
- Милый-то и бывает злым, а этот вязкий какой-то, нет в нём страсти. Лучше был бы злым.
- А тебе страсть нужна.
- Нужна.
- *(Саша)*. Вот где девушке познакомиться с нормальным молодым человеком?
- Не говори. *(Что-то пьют)*.
- *(Таша)*. Я не против мужчин, парней, мальчиков и вообще я добрая, мягкая и пушистая, но иногда они бывают такими казла-ами. Прикидываются милыми и умными, цветы дарят, коктейли покупают, строят из себя Казанову, а потом проявляется их ... козлиная сущность. И как после этого можно им доверять? Любовь, конечно, зла, но не настолько!
- Они завёрнутые какие-то, когда пытаешься их понять, получается только хуже. Сколько ни пыталась ставить себя на место парня, ничего не получается. Может быть, его на этом месте и не было?
- Может быть, к ним какую-то инструкцию выпускать или путеводитель?
- Аха, уже есть – «Влюблять, причиняя боль» называется, я рекламу видела.
- И ассортимент козлов хорошо бы расширить.
- *(Таша обращает внимание на украшение Саши)*. Какая симпатичная штучка! Откуда у тебя?
- Бабушка подарила.
- *(Рассматривает)*. Правильная какая бабушка ...
- *(Саша)*. Ты знаешь, а Глеб немного похож на Траволту в молодости.
- Глеб?? Из третьего подъезда?
- Ну да. Если бы отучить его носить свитера до колен, то даже ничего так.
- (Таша, забыв о своих горестях, с интересом смотрит на Сашу)*.
- Думаешь, это реально?
- Нет ничего невозможного для человека с интеллектом.

– А ты знаешь, в чём встречать конец света? Готика и инфернальность в тренде. Учись отключать логику!

– Ха, я не согласна! Мне не идёт!

СЦЕНА №12

Глеб и Мент в участке, очередной посетитель стучит в дверь. Посетителя не видно, слышен только голос.

– Можно?

– Подождите, я занят.

– *(Мент)*. Слушай, зачем ты сюда пришёл?

– В каком смысле?

– Очистить совесть? Отстрадать вину?

– Вроде того ...

(Пауза).

– Домой иди.

– Куда?

– Ты думаешь, я в доброго следователя играю? *(Мент продолжает писать бумагу. Поднимает голову)*. А что с тобой делать, сам подумай. Труп нигде не всплыл. Ножа нет, тела нет, крови на твоей одежде нет, мотива нет. Могу арестовать тебя на месяц, а зачем? Чтобы ты признался? Так ты уже признался. *(Жуёт колпачок ручки)*. Дело открывать не хочу, верный висяк. Мутный ты какой-то. Может быть, ты со своей девушкой поссорился или прячешься от кого-то. Я этого не знаю, и мне этого не надо. Иди-ка ты отсюда и больше никому про труп не рассказывай.

(Глеб в недоумении).

– Куда же я пойду?

– А куда хочешь.

(Глеб какое-то время неподвижно сидит на стуле, потом идёт к выходу).

– *(Мент)*. Правда, есть одна возможность ...

(Глеб оборачивается).

– Какая?

– Если договоримся, то посадить тебя можно.

– Договоримся??

– Если заплатишь.

(Глеб думает).

– У меня нет денег.

– Это заметно. Займи где-нибудь.

(Пауза).

– *(Глеб)*. А можно сразу – пожизненное?

(Долгая пауза).

– Если есть деньги, то почему бы нет?

(Глеб поворачивается к выходу).

– Вселенная детей и подростков ...

(Стук в дверь, голос всё того же посетителя).

– Можно?

– Заходите.

(Входит Ципа, живой и здоровый, это был его голос. Глеб проходит мимо, не останавливаясь, у двери застывает на полушаге и осторожно разворачивается. Ципа доходит до Мента и незрячим взглядом упирается в стол. Мент застывает в недоумении, не понимая этой пантомимы. Ципа растерян, не знает, чего от Глеба можно ожидать. Глеб сомнабулически поднимает руку, будто бы желая потрогать Ципу за лицо, но Ципа упирается ему в грудь. Мент начинает вставать из-за стола. Глеб будто бы начинает прозревать, его лицо светлеет, он догадывается, что произошло, качает головой, улыбается и начинает тихонько поглаживать Ципу по руке. Ципа ошарашенно опускает руку. Мент останавливается. Глеб начинает осторожно гладить Ципу по голове, Ципа глядит сумасшедшими глазами).

– Что тут у вас, голуби? *(Прерывает молчание Мент).*

(Глеб выпускает из рук Ципу и улыбается Менту, он счастлив. Кладёт ладонь на плечо Мента и, не торопясь, не говоря ни слова, уходит. Мент и Ципа некоторое время молчат).

– *(Мент).* Вы что-то хотели?

(Ципа молчит).

– Вы ведь уже заходили?

(Себе).

– А говорили – хороший участок, бери – не пожалеешь.

(Возвращается к столу, надевает фуражку и выгоняет Ципу из кабинета окриком).

– Хорошего дня!

СЦЕНА №13

За всё тем же столиком Валера и Ципа. Ципа совсем не такой, как прежде – холодный, трезвый, собранный.

– *(Ципа).* Слушай, а что это за Ариадна?

– Да ни при чём тут Ариадна! Ариадна как Ариадна, ничего особенного.

– Говорят, он деньги раздаёт кому угодно, налево и направо.

– Идиот!

– А не надо было его трогать. Видно же было, что он с левой резьбой.

– Да не был он таким, кто же знал, что он будет так гонять? Одурел совсем, на нож лезет.

– *(Резко).* Ты должен был знать! *(Спокойнее).* Думаешь, у него что-то осталось?

– Не знаю, он себе вообще ничего не купил.

– Мог раздавать? Ты в это веришь? Да или нет? Только не ври.

– *(Пауза).* Мог.

– Тогда мне это не интересно.

– И что теперь с ним делать?

– Это ты мне скажи.

– Сказать пацанам, чтобы его в лес вывезли?

– И что пацаны ему предъявят? Нехорошо брать чужое? Терпилой себя выставишь, и меня тоже. Ведь это не ты его развёл, а он тебя. И если денег не будет, то они с тебя же потом и спросят. Молчи уже лучше.

– Может, попробовать развести его, сказать, что деньги общаковые. Пусть квартиру продаёт.

– Квартира не на него записана, родственники к ментам побегут. Да и не будет он ничего продавать. Пробуй, если хочешь, но я в это не верю.

– Грохнуть его?

– Кто грохнет, ты? (*Ухмыляется*). Ты кого-нибудь убивал?

– Если надо будет ...

– Заткнись, а? Я такого знаешь, сколько раз слышал? Давай иди грохни, а мне что с того, где тут мой интерес?

– Зелень жалко!!

– Жалко. Но дальше без меня. Зазря в мокруху не полезу. И всё, не хочу говорить об этом.

– Что же мне делать? Я совсем голый остался. Помоги мне, Ципа.

– Да что хочешь. Это твой косяк. Ко мне какие вопросы? Работай, бегай, ищи другого лоха. И мой тебе совет – не говори никому, хуже будет.

СЦЕНА №14

В углу сцены встречаются Ханурик и Мент, Ханурик предупредительно здоровается и пытается пройти мимо, но Мент останавливает его.

– Погоди. Ты тут ничего подозрительного не видел?

– Да!

– Что – да?

– Не видел.

– Если ты кого увидишь, или что узнаешь – сразу ко мне! Понял?

– Конечно! А кого?

– Кого-то подозрительного. Или кто дурью балуется, или ещё чего.

– Дурью?

– Травой.

– Балуется.

– Не изображай идиота.

– Не изображаю!

– Сразу ко мне. Участок – знаешь где?

– За мусоркой ... извините, что так нехорошо сказал.

(Мент замечает Инженера и отправляет Ханурика).

– Сгинь, придурок.

(Мент). – Добрый вечер! Я хотел спросить Вас: иичего тут необычного не замечали?

– Необычного? Какого рода?

– Ну, люди странные, поведение, одежда.

– В моём понимании?

– Да хоть бы и в Вашем.

– Не более чем обычно.

– Понятно.

– Простите, а можно Вам задать вопрос?

– Какой?

– Скажите, если я нахожусь здесь, можно ли считать установленным, что в другом месте меня нет?

- Дурацкий вопрос.
- Можно и так сказать. Если быть материалистом, то – да. Но последовательных материалистов сейчас не очень много. Вот Вы – православный?
- Конечно.
- То есть – идеалист. В философском смысле.
- Нет, я не идеалист, ничего похожего. Я участковый инспектор.
- Хорошо. Возвращаясь к нашей теме: никакой судья, прокурор, следователь, не может предположить, что человек способен находиться одновременно в нескольких разных местах. Даже если судья не придерживается материалистических взглядов.
- Не может. Если он здоров.
- Хотя, казалось бы, должен допускать такую возможность. Скажем, если он религиозный человек, или живёт в какой-нибудь религиозной стране.
- А документы у Вас есть?
- Да, пожалуйста! *(Тянется в карман за документами).*
- Не надо. А Вы, собственно, чем занимаетесь?
- Я, вообще-то, инженер. Но сейчас ... работы не очень много.
- Зато много свободного времени.
- Времени действительно много, но дело не в этом.
- Только разговоры эти ничем полезным закончиться не могут.
- Разговоры ничем и не должны заканчиваться. Собственно, когда Сократ ходил по рынку и разговаривал с людьми ...
- *(Перебивает).* И чем закончил этот человек?
- Его казнили, если Вы имеете в виду его судьбу.
- Я так и думал. Извините, но я должен идти.
- Всего хорошего!
- (Мент уходит).*

Инженер улыбается, не спеша садится, выкладывает на стол кепку Глеба и застывает в такой же позе задумчивости, как Глеб в сцене №8, и даже пиво стоит на том же месте.

Олег КРАСНОВ (Олег Назарович Талмазан) родился в 1963 году.

Молдавский писатель, публицист, переводчик. Неформальный лидер литературной группы «Белый Арап». По образованию математик и филолог. Член Ассоциации русских писателей РМ, Ассоциации русскоязычных журналистов РМ, Союза писателей Молдовы. Победитель международного конкурса «Литературная Вена» в номинации «Проза». Лауреат премии Ассоциации русскоязычных журналистов. Дипломант международного конкурса «Музыка перевода». Автор двух книг рассказов – «Репетитор» (Дюссельдорф) и «Шелковица (Кишинёв)». Публиковался в журналах «Юность», «Кольцо А», «Топос», «Венский литератор», «Зарубежные задворки», в белоарапских сборниках. Сотрудничал с рядом изданий Молдовы, России, Киргизии, Франции, США. Публиковался в газетах – «Экономическое обозрение» Логос-Пресс, «Аргументы и факты в Молдове», в журналах – «Лужа», «Public», интернет-портал «AVA», «Русское единство», «Ритм Евразии». Перевёл на русский язык с румынского роман Саватия Баштового «Дьявол политкорректен», пьесы Константина Кеяну.

Взлётная полоса

Представляем лауреатов Пятого Республиканского литературного конкурса для молодёжи «Взлётная полоса», ежегодно проводимого Ассоциацией русских писателей РМ и редакцией Литературно-художественного и публицистического журнала «Русское поле». Алиса Чопчик – победительница этого творческого состязания в номинации «Проза». Она же – Лучший молодой писатель 2015 года – по итогам Республиканского конкурса «Творческая молодёжь – будущее русского мира Молдавии», организованного Российским центром науки и культуры совместно с общественными организациями соотечественников, при поддержке Посольства Российской Федерации в РМ.

АЛИСА ЧОПЧИК

Я – ДЕРЕВО. Я – СТЕКЛО

(Окончание. Начало в №1(15) 2016)

ДИМА

Струны звенели, шептали, дрожали, едва я касался их. Затвердевшие кончики пальцев умело перебирали их и зажимали, и мелодия струилась, словно карамель с растаявшего леденца. Тишина наполнялась звуками, такими нежными, даже несмелыми, что мелодия усыпляла. Играя её, я почувствовал, как расслабляюсь, точно по телу разлили сироп, и словно начал растворяться. Вокруг вместе с музыкой создавалась отгороженная от остального мира вселенная: в ней не было проблем, неразрешённых задач, в ней жила только музыка.

Мелодия летела, закручивалась, поднималась вверх и была близка к заключительному аккорду, но стоило всего на секунду вспомнить о деньгах, как рука дрогнула, и всё оборвалось, будто чья-то долгая жизнь. Тишина вновь завладела

комнатой, и вселенная распалась, позволив действительности водопадом обрушиться на меня.

Я вспомнил события последних дней, и злость на самого себя и на всех вокруг на мгновение стиснула горло, и желудок скрутился в комок от раздражения. Я вспомнил весёлые дни кутежа, пролетевшие ночи в клубах и в кино, всех новых знакомых, их пьяный смех и запах сигарет. Я вспомнил, как было весело, и то, каким щедрым я становился, выпив.

В воспоминаниях возникло лицо Жени, из ниоткуда появившегося парня, как я брал у него взаймы деньги, и с каким серьёзным видом он сказал, чтобы я на неделе их вернул.

Я попытался переключиться на что-то другое, начать играть новую мелодию, но плёнка воспоминаний уже не могла перестать прокручиваться, и я вспомнил, как бездумно тратил деньги направо и налево, а через две недели Женя уже вытряхивал из меня долг. Я вспомнил, как прижал к стенке Сашу, пытаясь заставить отдать то, что он у меня занимал. Отчаянье завладевало каждой клеткой тела, и я начал дрожать от напряжения и злобы. Саша, подняв руки вверх, уверял, что вернёт долг позже, обязательно, впрочем, если мне так нужны деньги, я могу попросить у своих родителей или у тёти.

Но стоило заговорить с мамой об этом, как она запричитала, что они уже присылали, что я обещал тратить только на необходимое. А тётя Марина ходила взвинченная и усталая, и я не решался с ней завести речь о столь неприятной для нас обоих теме.

Женя продолжал настаивать, и я понимал, что сумма немалая, её нужно вернуть немедленно, но не знал, где достать деньги.

Я заиграл снова. Злобно дёргая за струны, терзал гитару и не обращал внимания на её жалобное завывание.

Деньги, снова эти проклятые деньги! Ах, если бы они у меня были, я был бы намного счастливее и не знал никаких проблем!

Надя сидела в беседке и разглядывала цветы. Она надела на себя несколько мешковатых свитеров, но всё равно дрожала под осенним колючим ветром. Её волосы закрывали лицо, его не было видно, кроме шепчущих что-то губ и прищуренных в настороженности глаз.

– Можно к тебе присоединиться? – спросил я.

Надя не ответила. Дрожа от холода, она продолжала глядеть перед собой. Я вернулся в дом и принёс ей плед.

– Как ты себя чувствуешь?

Я задал ещё несколько вопросов, но она проигнорировала их.

Злоба из-за денег и долга подкрепилась раздражением, вызванным её поведением. Захотелось встряхнуть её, чтобы она очнулась, и, пытаясь подавить навязчивое желание, я резко поинтересовался:

– Я покурю, если ты не против? – и, не дожидаясь ответа, зажёл сигарету.

Некоторое время я наблюдал за дымом, как он извивается, рассеиваясь на ветру. Когда я заметил, что и Надя наблюдает за ним, протянул ей пачку. Она отрицательно качнула головой и отвернулась.

Ветер спутывал её волосы, они хлестали по лицу, но Надя не обращала на это внимание. Она перестала дрожать, замерла, точно окаменела. От неё пахло невымытым телом и чем-то кислым, губы искривились в улыбке, за которой не

скрывалось никаких эмоций; только пальцы теребили золотое колечко с алым цветком, между лепестками которого искрились зелёные камни.

– Что за кольцо?

Надя, казалось, не услышала вопроса, но сильнее затеребила колечко на указательном пальце, а потом всё же ответила:

– Это мне папа подарил.

На мгновение я ощутил укол совести за возникшую идею, но в голове уже успела засесть бессердечная мысль: «Зачем сумасшедшей кольцо? Оно ведь ей не нужно совсем, а мою бы проблему решило». Я расстроился, что способен подумать о чём-нибудь подобном, и, пытаясь отогнать эту мысль, спросил:

– Вы с папой ладили?

– Да, – не отрывая взгляда от цветов, ответила Надя. – Я всегда хотела быть штангой, как и он.

– Я тебя не понимаю.

Надя пожала плечами и рассмеялась, к чему-то прислушиваясь.

– Слушай, – продолжил я – у вас же раньше были деньги, да?

– Моя расплата, – ответила она.

– Деньги – твоя расплата?

Надя посмотрела на меня.

– Раньше были деньги, была и я, а теперь денег нет – и души моей тоже нет. Они говорили, что меня нет без денег. Наверное, это правда.

Она задумалась и добавила:

– Куклы на нитках были правы. Кукла с деньгами осталась без денег и без ниток. Надо было мне стать, как и они, куклой с нитками.

Надя потянулась к цветам и оторвала несколько лепестков. Она поджала губы, и я понял, что она больше ничего не добавит.

У меня не было желания пытаться понять сказанное ею, хватило того, что я понял: больше у них денег нет. И тогда спросил, не ожидая ответа:

– А ты не могла бы одолжить мне кольцо?

Надя заплакала, снимая колечко с пальца, и протянула его мне.

– Нет, не надо! – воскликнул я, увидев её реакцию. – Не надо, если не хочешь.

Она покачала головой и насильно вложила кольцо в мою ладонь.

– Возьми. Я не заслуживаю этого кольца.

– О чём ты говоришь?

Я попытался вернуть его, но Надя вскочила и отошла на несколько шагов.

– Меня накажет Утонувшая Девочка, если ты вернёшь!

– Кто такая Утонувшая Девочка?

– Она... она соседкой была, когда мы жили ещё в городе. А теперь она пришла воспитывать меня, потому что папа умер, а я совсем распустилась.

– Почему ты зовёшь ее утонувшей? – спросил я, думая в этот момент совсем о другом: спасительное кольцо жгло ладонь. Я отнесу его в ломбард и смогу избавиться от Жени, а потом пошлю к чёрту Сашу и все вечеринки, которые ничего, кроме долгов и чувства опустошения, не приносят.

– Потому что она утонула, когда мне было восемь.

Надя снова задрожала, и страх искажил её лицо. Она пригнулась и, прикрывшись руками, убежала в дом. Я замер в растерянности и не знал, что делать: пойти к ней или оставить её одну.

За всё время, что я прожил рядом с ней, Надя не раз вела себя странно и нелогично. Она могла быть адекватной, а в следующую секунду – полной безумия. Бывало, она мыла руки перед тем, как помыть посуду, иногда целыми днями ходила по дому, не присев ни на минуту, а иногда – неделями лежала в постели, свернувшись калачиком.

Тётя Марина как-то сказала, что с моим приездом у Нади началось обострение, и в тётином жёстком взгляде и холодном тоне я почувствовал укор.

– Может, я и вправду плохо влияю на Надю? – подумал я.

Рука прикоснулась к металлу. Кольцо. Я неровно выдохнул, испытал облегчение: долг будет уплачен, и больше я не поставлю себя в подобное положение, больше такое не повторится.

Деньги снова захватили в плен все мои мысли, я сел в беседке, размышляя об обеспеченном будущем.

Валентина Олеговна оказалась грузной женщиной со светлыми волосами, связанными в тугий пучок. Она ходила, переваливаясь с одной ноги на другую, и постоянно о чём-то говорила. У неё был не возрасту тонкий голос, глаза смотрели искренне, бесхитростно и говорила она то, что думала, не потому что хотела обидеть, а просто потому, что врать не умела и не хотела.

– ... Так что горбиться не надо. Такой красивый парень, а сутулишься похлеще моей бабки!

Валентина Олеговна рассмеялась, переключая каналы. Она сидела в кресле, замотанная в плед, и, громко постукивая ложкой, мешала чай.

– Ты вообще как, ладишь с Надькой? – спросила она немного погодя. – Ты её не обижай. Надя девочка хорошая, а то что больная... ну, с кем не бывает.

Я улыбнулся. Мне нравилась Валентина Олеговна, несмотря на её громкий голос и беспрерывную болтовню.

– Что-то Надя совсем захворала, ей-богу, – продолжала она. – Я с ней здороваюсь, а она выпучит свои лакированные глазёнки и смотрит на меня.

– Я думаю, ей в больницу надо.

– Она была, – ответила Валентина Олеговна. – Была полтора года. У неё же всё это началось лет в шестнадцать. Бедная девочка, ей-богу. У неё были какие-то проблемы в школе, и она пыталась покончить с собой, но Владимир, её отец, вовремя спохватился.

Валентина Олеговна покачала головой, а затем, отпив из чашки глоток чая, продолжила:

– Надю водили по психологам, вроде всё устаканилось. Я к ним на ужин заглядывала, и она была всё такой же милой девочкой, и не скажешь ведь, что наркотики-то принимала.

– Какие наркотики? – спросил я, нахмурившись.

– Так ты не знаешь? – глаза Валентины Олеговны загорелись от возможности посплетничать. Она села так, чтобы видеть моё лицо, и заговорила:

– Надя несколько лет принимала наркотики до того, как пыталась покончить с собой. Не знаю, что именно. Когда у неё начали проявляться симптомы шизофрении, она вроде как их бросила, но симптомы через время опять появились. Всё бы ничего, да только Надя, между нами говоря, узнала, что Владимир изменял Марине, и, что та об этом знает.

– Разве это имеет значение? – сказал я, чувствуя раздражение, оттого что Валентина Олеговна заводит разговор на подобную тему.

– Имеет, – махнув рукой, ответила она. – У Нади от этого первый психоз и случился. Марина простила, жила-поживала с Владимиром, а вот дочка пережить не смогла.

Она несколько раз цокнула языком, качая головой.

– Надя сбежала ночью, но через время её задержали полицейские. Она, полу-голая, тонула в фонтане и кричала что-то о крокодилах. – Валентина Олеговна вздохнула, замолчав на некоторое время.

– Маринка сказала мне, что Надя постоянно говорила о взгляде Владимира, якобы он её обвиняет в чём-то. Слышал такое?

Валентина Олеговна нахмурилась в негодовании.

– Да я не видела большего отчаянья и сожаления, чем у него в глазах! – возмущённо добавила она.

Надя спустилась по лестнице. Мы с Валентиной Олеговной следили за тем, как она медленно передвигается, долго смотрит на дверь и только потом выходит на улицу, так же не спеша, двигаясь в сторону беседки.

– Она много времени проводит, разглядывая цветы, – не отрывая от сестры взгляда, сказал я.

– Раньше Надя разглядывала картины Босха. Даже шизофреникам надоедает одно и то же. – Валентина Олеговна обернулась ко мне.

– Знакомая как-то рассказала – она медсестрой работала в психиатрии, где Надя лежала, – как к Наде пришла Марина, чтобы сообщить о сердечном приступе Владимира. Когда она сказала о его смерти, дочь начала смеяться.

Я обернулся и через окно увидел Надю, обнявшую колени. В одиночестве она глядела на цветы, и глаза её по-прежнему были стеклянными, и душа её, казалось, одеревенела вместе с телом. И вправду – дерево и стекло.

– Она не просто смеялась, – продолжала Валентина Олеговна, – она хохотала. Да, так мне сказали. Хохотала. А Марина ничего в ответ не говорила, просто смотрела на неё, а потом залепила такую пощёчину, что Надя упала с кровати. Все так всполошились, а Наде хоть бы что: сидит на полу и хохочет, а в глазах слёзы стоят.

Валентина Олеговна помолчала и добавила:

– Бедная девочка, ей-богу.

– Тётю Марину тоже жалко.

– Она сильная, справится.

Мы замолчали. Тишина снова вошла на престол, и только ветер завывал, стучась в окна. Валентина Олеговна встала со словами:

– Пора ей лекарства принять, что ли.

НАДЯ

Мама сидела в папином кресле и читала книгу. Её рука машинально поглаживала мою руку. На кухне свистел чайник, было слышно, как Дима хлопал дверцами и гремел кружками.

– Сколько тебе ложек сахара, Надя? – услышала я его голос.

– Она пьёт без сахара, – ответила мама. Я уставилась на неё молча, и Старик в голове заговорил:

– Везде этой женщине надо сунуть свой поганый нос. Всё ей нужно контролировать.

Его презрительный хриплый голос сводил с ума. Я закрыла уши руками, но продолжала слышать Старика.

– Ты такая же безмозглая, как и твоя мамаша, – выхаркивая оскорбления, говорил он. – Тебя неплохо бы выпороть, да вот только мужика, который бы это сделал, ты уже свела в могилу.

Я замотала головой, застучала по ней, чтобы Старик замолчал. Мама схватила меня за руку и велела успокоиться. Я попыталась вырваться, но у неё была слишком сильная хватка. Она заглянула мне в глаза и сказала:

– Помнишь, что доктор говорил? Смирись и прими. И сдерживай себя, в конце концов! Ты сильная девочка.

Мама тряхнула меня, дёрнув за руку, и откинулась на спинку дивана. Книга была забыта.

– Ты сильная, как мы с папой, – тихо добавила она скорее для себя, чем для меня.

Она о чём-то задумалась. Глаза её затуманились, рука снова начала бессознательно поглаживать меня, но через несколько минут мама вдруг замерла и посмотрела на мои пальцы.

– Где кольцо? – спросила она.

Я подняла руки, чтобы лучше их разглядеть, и пожала плечами. Какие-то воспоминания хаотично завертелись в голове. Я помнила, как снимала кольцо, но кому отдала, забыла. Я снова покачала головой.

– Не помню.

– Не помнишь? – язвительно спросила мама, скривив в злобе губы. – Это твой папа подарил его тебе. Кольцо – последнее воспоминание о нём, а ты не помнишь?

Папа. Я вспомнила его лицо, когда он нашёл у меня под подушкой травку и амфетамин, когда я очнулась в больнице после попытки самоубийства; вспомнила его лицо при каждом визите в психиатрической больнице. Его обвиняющий, испытывающий, стирающий в пыль взгляд, который преследовал меня по ночам.

Я вспомнила о папе и заплакала. Он не простит потерю кольца, я ещё раз его подвела.

Я представила, как он посмотрел бы на меня, узнав о пропаже, и жгучее сожаление начало разрывать грудь. Наверное, никакие слова не умалили бы его.

– Что же ты за человек такой? – рассмеялся Старик. – Как таких земля-то держит! Противно.

Он плюнул мне на ноги и замолчал. Я затряслась, обхватила себя руками и захрипела. Мама обняла меня и тихо спросила:

– Это Дима взял у тебя кольцо?

Два зелёных изумруда, с отвращением глядящие мне в глаза, – вот что пугало меня долгие месяцы в больнице.

Я задёргалась и затопала ногами от беспомощности: я ничего не смогу сделать, чтобы искупить свою вину.

– Дима! – ледяным голосом позвала мама. Не дожидаясь ответа, она пошла на кухню и потянула меня за собой.

Возможно, папа бы покачал головой и ничего не сказал. Он всегда так поступал, когда я в детстве что-то вытворяла, но это молчание действовало куда более пугающе, чем ругань матери.

– Это ты взял у неё кольцо, паршивец? – зарычала мама, точно львица. – Столько лет кольцо было на пальце, и тут появляешься ты со своими сомнительными дружками, и оно пропадает.

Дима замер с кружкой в руке и смущённо улыбнулся. Его губы, как и руки, дрожали.

– А разве у Нади было кольцо? – спросил он неуверенно.

Мама задрожала от гнева.

– Вот знала же, что не надо было соглашаться на уговоры своей, – она на мгновение замолчала от душившей ярости и добавила, словно ругательство:

– Своей сестрицы. Ничего хорошего не жди от сына такой простушки, как она!

Дима выпрямился и нахмурился. С грохотом он поставил чашку на стол и сказал таким же тоном:

– Мою маму трогать не надо, тётушка. И ваши обвинения мне неприятны. Вы ничего не знаете и сразу же обвиняете, разве так делают?

Дима неровно выдохнул и продолжил:

– Может, Надя уронила его или его украли, или оно закатилось куда, а, может... может, она его съела. Кто знает, что она могла с ним сделать?!

Я стояла возле стола и смотрела на свои голые пальцы.

– Ты делаешь несчастными всех вокруг, неужели ты не видишь? – спокойно спросила Утонувшая Девочка, и в её спокойствии я услышала истину. – Ты – сорняк, который нужно вырвать. Ты – опухоль, которую нужно вырезать. Ты – это ты, без тебя мир станет лучше.

– Сколько можно ей говорить?! – сказал в ответ Старик. – Нужно просто взять и порезать этой дуре бесхребетной руки, чтобы знала!

– На твоих похоронах будут плясать и петь. Вернётся весна, когда ты умрёшь, – всё более раздражаясь, говорила Утонувшая Девочка.

Мама что-то громко сказала Диме, и тот ответил ей, но вместо их голосов я слышала жужжание пилы. Звук нарастал, становился невыносимым, и я закричала.

Дима замолчал и испуганно уставился на меня. В его взгляде я распознала чувство вины, и вспомнила, что это он взял кольцо, но ничего не сказала. Я перестала кричать, убежала на второй этаж и закрылась в ванной.

Тело дрожало. Голоса в голове кричали и ругались между собой, и мои крики не унимали их.

– Куклы на нитках! – завопила Женщина. – Они хищники, ты – жертва!

– Это отличный шанс убить себя. Перестань дышать и всё. И не дыши, пока не умрёшь. Когда умрёшь, можешь дышать сколько угодно, – заговорил чей-то лихорадочный голос.

Я задержала дыхание, но голова продолжала разрываться от разговоров.

– Ты виновата. Ви-но-ва-та. Понимаешь? Во всём! – сказала Утонувшая Девочка и захохотала.

– Надя бежала домой и услышала собачий вой. Надя хочет душу, но её болезнь съела на ужин, так и знай!

– Они хищники, ты – жертва! Но олень отведаёт кровь волка, пообещай!

Я замотала головой, закрыв уши руками, но ничего не помогало. Казалось, череп трещит от напряжения и вот-вот взорвётся.

– Замолчите! – закричала я.

– Надя училась, но недоучилась. У Нади есть мечта, но не судьба ей сбыться, так и знай!

– Замолчите! Замолчите! – сжав голову руками, снова закричала я.

Надо было что-то делать, чтобы избавиться от этой какофонии, и я начала биться головой о стену. Боль волной накрыла меня, но я продолжала биться о

кафель. Голоса не прекратили кричать. Я не могла больше этого выносить и взяла ножницы, которые когда-то спрятала под раковиной.

Я хотела проделать отверстие в голове, чтобы ослабить давление и, если удастся, выпустить эти голоса. Раскрыв ножницы, я поднесла лезвие к голове и надавила. Кровь пропитала волосы, закапала на лицо.

От стука в дверь я вздрогнула и ещё сильнее вонзила в себя ножницы. Застучали снова, и я открыла дверь одной рукой, чтобы мне не мешали высвободить голоса. Но стоило открыть её, как Дима схватил за руки, а мама отобрала ножницы. Дима дрожал, его ладони были холодными и липкими.

– Ну что же это такое, Наденька, – прошептала мама, осматривая рану. – Расцарапала себе всю голову.

Она сказала, поглаживая меня по волосам:

– Заживать долго будет, но зашивать, слава богу, не надо.

Мама достала аптечку, усадив меня на край ванны.

– Тётя Марина, ей в больницу надо, – дрогнувшим голосом сказал Дима.

Мама резко обернулась к нему и долго смотрела на него, ничего не говоря. Дима выглядел испуганным и расстроенным, но он выдержал мамин взгляд и ушёл только тогда, когда мама повернулась ко мне и начала о чём-то ласково говорить.

ДИМА

Я не любил вечера за то, что в это время оживали страхи и сомнения, просыпалась совесть, фанатично меня терзавшая. В это время проблемы оборачивались катастрофами, решения прятались, и мир казался особенно жестоким. Пытаясь убежать от водопада мыслей, что обрушивались на меня, я уходил гулять – с друзьями или в одиночестве. Но сейчас этот ритуал принёс только ещё большее самокопание.

Москва встречала холодными огнями, прохожие толпой переходили дорогу. Трескалось беззвёздное небо, шелестели, хрустели последние листья; ветер подгонял домой, и асфальт покрылся прозрачными горошинами. Я поднял голову и стоял так некоторое время с закрытыми глазами.

Я виноват. Конечно. Конечно, виноват. Зачем же я взял это чёртово кольцо?!

Злость, как обычно, стиснула грудь в тугий узел, змея раздражения зашевелилась внутри. Навязчивым образом перед глазами стояла Надя с ножницами в руках, и кровь струями стекала по её лицу. Зачем она это сделала? Закричала, а затем заперлась в ванной и попыталась покончить с собой.

В ушах звенел её панический крик, как она сжимала голову и так сильно стискивала челюсти, что был слышен скрежет зубов.

Надя не сказала, что это я взял кольцо. Не сказала намеренно или забыла? Мне хотелось верить, что забыла: от одной мысли, что тётя Марина узнает о моём мерзком поступке, просыпалось желание умереть от стыда, собрать чемодан и уехать домой.

Никогда ещё до этого случая я не оставался один на один с последствиями, вызванными моими неблагоприятными действиями. Я забрал то, что мне не принадлежало, забрал у больного человека и вот он, результат.

Наблюдая за Надей, я осознавал, что являюсь причиной её истерики, и не мог ничего сделать. Точнее мог, мог сказать, что это я взял кольцо, но не говорил, и от этого было ещё тяжелее.

Я вернулся домой в час ночи, когда домашние уже давно легли спать. Тишина почему-то вызвала новый прилив чувства вины. Кровать казалась твёрдой, бледный от лунного света потолок настраивал на размышления.

А что, если тётя Марина расскажет маме?

От этой мысли тело похолодело, и душа вдребезги разбилась о пятки. Сердце подскочило к горлу. Я сел, нервно сжимая и разжимая кулаки. Внутри всё кипело от непонятной злости, от отчаянья.

Что я наделал?!

Не нужно было лезть к Наде: ей и так сейчас непросто.

Она плакала. Это воспоминание неприятно отозвалось в груди. Её глаза не казались безучастными, скорее – утонувшими в раскаянии. Надя винила себя в потере кольца, и это её убивало.

Я думал о случившемся полночи. Надин крик звенел в ушах, и, закрывая глаза, я видел ножницы в её руках и ярко-бордовую густую кровь, капающую с лезвия.

Едва лучи солнца проникли между плотных штор, я проснулся. Посидев с минуту на краю кровати, я оделся и, захватив гитару, спустился вниз.

Продать гитару было несложно: мой одноклассник несколько раз как бы в шутку выражал желание купить её, но, видя, с каким воодушевлением он её расхваливает, с каким жаром наигрывает песенки, я понимал, что он предлагает мне сделку всерьёз.

Утонченная, блестящая гитара с нейлоновыми струнами, будто бы созданная для каждого и для тебя специально, выглядела ещё прекрасней в неумелых руках покупателя. Когда мы с ним распрощались, грудь сдавило от тоски: больше моя гитара не оживёт под моими пальцами, не создаст новую вселенную звуков.

Тётя Марина чистила ковёр, когда я вернулся. Она не взглянула на меня и не ответила на приветствие. В доме пахло чистящим средством, на втором этаже доносился гул от стиральной машины. Я поднялся к себе и рухнул на кровать. Серая выцветшая погода за окном была под стать настроению. Немного полежав, я поднялся, подумал о том, как правильной будет вернуть кольцо, которое я успел выкупить, и заглянул в комнату Нади.

В доме не было комнаты неопрятнее, чем её: вещи валялись на полу, на столе, вываливались из шкафа; постельное бельё давно надо было сменить, с кровати свисала скомканная простынь; повсюду были разбросаны кульки из супермаркетов, грязная посуда стояла на столе и по углам.

Надя сидела в обнимку с огромным плюшевым хомяком и что-то шептала. Увидев меня, она закричала, чтобы я убирался прочь, и отвернулась. Я не спеша подошёл к ней и сел на корточки, протянув кольцо. Когда она увидела его, замерла и замолчала, сильнее прижав игрушку к груди.

– Смотри, что я нашёл.

Я взял Надю за руку и медленно, внимательно глядя ей в глаза, одел кольцо на её указательный палец.

– Ты, видимо, уронила его, когда помогала маме убирать, или когда уснула на диване, помнишь, ты уснула? А, впрочем, это неважно, где ты его потеряла. Главное, что... – я замолк, заметив отстранённое лицо Нади. Она всегда казалась такой, когда её кто-то не понимал.

– Знаешь, не буду тебе врать, – сказал я, подумав. – Это я взял твоё кольцо.

Надя никак не отреагировала, и я решил, что она и раньше это знала.

– И я хочу попросить тебя о помощи, – продолжил я. – Ты ведь мне поможешь? Некоторое время она не реагировала, но затем неожиданно улыбнулась и кивнула.

– Ты не говори тётё Марине, что это я взял кольцо, ладно? Вообще ей ничего не говори. А когда она заметит его на твоём пальце, скажешь, что ты нашла его под кроватью. Договорились?

Надя ласково коснулась кольца и, улыбнувшись, закивала головой.

Я уже хотел уйти, но она схватила меня за руку и сказала:

– Скажи им, чтобы они убирались из моей комнаты.

– Кому?

– Говорящим куклам. Голосам безголовым. Всем.

Я снова присел рядом с ней и спросил:

– Почему ты их слышишь?

– Они забрались в голову вместе с наркотиками. Я потерялась, обернулась серой мышью, но наркотики не помогли мне стать человеком. Они принесли голоса и забрали доверие отца. Я мёртвая, да?

– Что? – от удивления я рассмеялся, но быстро замолк и спросил:

– Нет, конечно. Ты живая, как и я.

Надя покачала головой:

– Мне говорят, что голосов в голове не существуют, но они есть, я их слышу. Мне говорят, что я жива, и как же мне этому верить? В куклах нет правды. Правда в крови, она, как бусы, но бусы я давно порвала.

Её глаза перестали видеть меня, и она снова зашептала какие-то слова, нервно дёргая головой. Я смотрел на неё, и отчего-то грудь сдавил поток жалости и грусти, и кровь прилила к лицу, и я погладил Надю по голове и поцеловал в лоб. У двери я обернулся, подумав, что у меня в жизни есть куда более важные цели, чем деньги.

Я сидел на кухне и пил чай, когда ко мне пришла тётя Марина. Её лицо ничего не выражало: такое же твёрдое и непреклонное, даже холодное, но голос задрожал, когда она сказала:

– Надя нашла кольцо. Я была не права, прости. Не надо было на тебя так сразу... сейчас просто такое время, понимаешь?

Я вцепился в чашку, пытаюсь скрыть дрожь рук, и пробормотал в ответ:

– Ничего страшного. С кем не бывает.

Тётя Марина кивнула, улыбнувшись. Она замешкалась на секунду, потом села за стол и взяла меня за руку.

– Ты ведь понимаешь, что стал нам как родной? Конечно, мы знакомы всего ничего. Последний раз я видела тебя в пять лет, у тебя тогда ещё нос был не такой... отличительный.

Мы улыбнулись, посидев немного в тишине. Было темно – только лучи, еле пробивающиеся сквозь шторы, золотили собою часть кухни.

– Я не считаю твою маму простушкой. Просто мы с ней из разного теста слеплены. Я – сухарь, она – мякоть, так говорила наша бабушка, царство ей небесное.

Тётя Марина улыбнулась воспоминаниям и похлопала меня по руке.

– Ты хороший парень, Дима. Спасибо, что скрашиваешь наши серые дни в этом доме. Ты принёс нам сюда жизнь, и мы... полюбили тебя.

Рука болела от того, как сильно я сжал чашку. Я смотрел в глаза тётки, в её искренние, непривычно нежные глаза, и чувствовал, как рвётся на части душа от мучительной совести. В горле застрял комок вины, и в ответ я смог лишь прохрипеть:

– И я вас.

НАДЯ

Дождь барабанил в окна, капли покрыли стёкла крапинкой, и порывы ветра глухо ударялись о них. Просторный кабинет был светлым, несмотря на тучи, грозно нависшие над зданием. Пахло жасмином, но запах этот был навязчивый и приторный, и каждый раз, приходя сюда, я начинала чихать.

Психиатр сидел, откинувшись на спинку кресла, и крутил ручку между пальцами. Он сосредоточенно что-то читал, и брови его время от времени хмурились или поднимались от удивления.

– Ты уже несколько недель ничего не писала в дневнике, почему? – вскоре спросил он, подняв на меня глаза.

Я сидела напротив него, сцепив руки в замок, и думала о крапинках дождя и гусиных мурашках, представляла, как гуси гогочут, бегают из стороны в сторону, покрытые белыми прыщами.

– Надя, постарайся сосредоточиться, хорошо?

Как я могла сосредоточиться, когда так громко чиркала его ручка по страницам, а сам он говорил почти неслышно? Ещё я ощущала вкус облаков на языке, чувяла запах давления крови, и мурашки гоготали на моём теле.

– Хорошо, – вздохнул психиатр. – Давай тогда поговорим о твоей последней записи. Ты писала о себе в третьем лице, почему?

Он пролистал пару страниц и начал читать:

– «Она ведёт себя плохо. Она пугает маму и Диму. Зачем она это делает? Почему её гнилое сердце еще бьётся и где её душа? Она говорит, а все просят её не молчать. Она говорит-говорит-говорит, но её не слышат».

Психиатр замолчал, перелистал ещё несколько страниц и продолжил:

– Или вот: «Реальность похожа на сон, на иллюзию. А вдруг это и есть иллюзия? Куда подевался дом? Лабиринт. О, этот чёртов лабиринт! Куклы на нитках и кровавые бусы загнали её в этот лабиринт... Кто это написал? Это я. Кто я? Ты и я. Это лабиринт. Я не знаю, где выход».

Он снова взглянул на меня и немного помолчал, прежде чем попросить:

– Опиши, что ты чувствовала, когда излагала это на бумаге.

Я молчала и думала об осьминогах и ручках, представляла, как люди высасывают чернила и пишут, а птицы – без перьев. Птицы без перьев не летают, они пишут письма, но не знают об этом... Как же мы живём без душ?

Психиатр поджал губы, как делал всегда, когда раздражался из-за моего поведения, и сказал:

– Надя, пойми, это в твоих же интересах мне помогать. Надо попытаться решить проблему, но для начала ты должна принять мысль о том, что больна, больна шизофренией. Ты должна смириться с этой мыслью и научиться сдерживать психозы. Рецидивы никому не нужны, так ведь? – он улыбнулся. – Если ты поймёшь это, если пойдёшь мне навстречу, мы сможем добиться улучшения. Ты это понимаешь?

В этот момент я понимала только то, что болит голова. Мозг набух, заполнил весь череп, и от этого начал давить на кости. Я тронула уши, проверяя, не вылез ли мозг через отверстия, и покачала головой. Глаза тоже болели от давления на них. Мне казалось, что голова вот-вот взорвётся, я взяла шарф с колен, повязала его вокруг головы, чтобы хоть как-то удержать кости на месте. В какой-то момент я услышала треск и, испугавшись, что мозг вытечет через эту трещину, затянула шарф потуже.

Психиатр внимательно следил за моими действиями, а затем о чём-то начал спрашивать, но я не слушала его.

– ...Важно понять. Скажи, что ты чувствовала, когда делала последнюю запись? – наконец, услышала я. Мозг продолжал набухать и увеличиваться, но боль притупилась, и я нашла в себе силы сказать:

– Что... что мною кто-то управляет. Скелет стоял за спиной, он пришёл за сердцем. А внутри пусто. Дырка.

Я вспомнила те чувства, и они тут же волной накрыли тело. Страх вызвал мелкую дрожь, стало холодно, казалось, ветер щупальцами касается лица и волос, забирается под одежду, щипается и кусается.

Я закрыла глаза и замотала головой.

– Шелест его плаща. Я слышу его. Вы слышите его? Такой громкий, как ваше сердцебиение. Шрых. Шрых. И кашляет пеплом.

Я вздрогнула и попыталась отряхнуть пепел с плеч.

– Надя, успокойся. Сосредоточься на моём голосе, – медленно проговорил доктор. – Ты должна понять, что твои галлюцинации: неприятные запахи, голоса и непонятные звуки – всего этого нет. Они в твоей голове. Ты должна перестать их бояться.

Я была должна. Должна. Должна. Сколько всего я была должна! Я всё осознала, но как я могла это сделать?

Он просто не понимал, не слышал того, что слышала я. Может, этих голосов нет. Но... но... как же нет? Вот они. А где я? Меня нет, есть только эти голоса и моё мёртвое, бездушное тельце. А меня – нет.

Он просто не знал. Не понимал. Мне надо было найти себя, найти свою душу и съесть. Тогда не было бы той пустоты. Как пусто внутри...

Я заплакала и засмеялась одновременно. Грудь сдавило, и я стала задыхаться. Как было пусто внутри!

Если я не смогу заполнить эту пустоту, она поглотит мои органы, подумала я.

Психиатр говорил что-то и говорил, а я в это время рвала подкладку сидения, не спеша, чтобы он не заметил, начала вытаскивать пух. Я набрала его как можно больше и запихнула в рот.

Слёзы брызнули из глаз.

Как пусто внутри! Как больно!

Психиатр подскочил ко мне и силой заставил выплюнуть пух. Я почувствовала: пустота стала ещё глубже, она начала съедать изнутри, и я стала метаться и кричать, пытаюсь вырваться из чьих-то – я уже не понимала чьих – рук.

Нужно было заполнить эту всепоглощающую пустоту, и я сильнее порвала подкладку, и успела запихнуть в рот пух ещё до того, как кто-то сцепил мои руки и увёл меня.

Когда меня дотащили до конца коридора, я обернулась и увидела психиатра; он стоял, сложив руки на груди, и даже издали была заметна озабоченность на его лице.

Наконец, промелькнуло осознание происходящего. Очередная госпитализация.

ДИМА

Никогда ещё до этого я не видел тётю Марину в таком состоянии: огромные синяки под потухшими глазами, сгорбленная спина, трясущиеся руки. Она сидела в своём любимом уродливом кресле, укутавшись в одеяло, но всё равно дрожала. Я капал валерьянку в стакан.

– Это я во всём виновата, – сказала тётя Марина, вырвав его у меня из рук.

Я сел рядом на диван и, пытаясь утешить, коснулся её плеча.

– Она болеет, госпитализации не избежать. Ничего ведь страшного не произошло. Её там вылечат.

– Ничего страшного? – губы тётки скривились в усмешке. – Я обещала Наде, что она больше никогда не вернётся в больницу, что я этого не допущу. Я подвела её, свою маленькую девочку.

Тётя Марина вытерла глаза от накатывавшихся слёз.

Я чувствовал себя беспомощным, не в состоянии помочь её беде, и говорил какие-то бесполезные утешительные слова, которые не могли вызывать в тётке ни облегчения, ни надежды.

– Всё будет хорошо, – сказал я. – Наде станет легче, вот увидите. Она вернётся домой, и всё будет как раньше.

– Что будет как раньше? У неё шизофрения, господи!

Тетя Марина дёрнула плечом, откидывая мою руку, помолчала немного, а потом попросила:

– Дима, возьми, пожалуйста, на кухне в баре вино, две чашки и принеси сюда.

Когда я принёс, тетя налила себе и тут же залпом выпила. Я сделал глоток за компанию и сказал:

– Не убивайтесь вы так. Всё будет хорошо.

– Ты, как всегда, само спокойствие, племянничек, – она взглянула мне в глаза и грустно улыбнулась. – А мы ведь с тобой похожи. Никогда бы не подумала, что у моей до тошноты послушной, мягкотелой сестрицы вырастет такой эгоистичный, прямолинейный сын.

– Эгоистичный? – улыбнулся в ответ я, пытаясь не обращать внимания на то, как неприятны мне её слова.

Тётя Марина хотела что-то сказать, выплюнуть всё, что она обо мне думает, но промолчала, продолжая внимательно смотреть в глаза. Потом она отвернулась и тихо заговорила:

– Кажется, будто бы сумасшествие не может тебя затронуть, – тётя невесело засмеялась, словно над собой, затем продолжала. – Оно бывает в фильмах, книгах, у дальних знакомых. Опасность сойти с ума слишком пугающая и оттого призрачная. Я могла бояться, что мою дочь ограбят, изнасилуют, убьют, что она попадет в аварию или станет инвалидом. Но я и не думала, что придётся бороться с чем-то настолько неосязаемым.

За окном сверкнула молния, и в стекло забарабанил дождь.

– Это безумие стучится к нам в дом, – прошептала тётя.

Оказавшись во владении сумерек, гостиная медленно погружалась во мрак. Я хотел включить свет, но тётя Марина предложила зажечь свечи. В тишине мы просидели ещё полчаса, слушая музыку осени и глядя на пляшущие по потолку и стенам тени, пока тётя не прервала наш безмолвный диалог, заговорив почти шёпотом:

– Как-то я попросила Надю прибраться, а сама пошла в магазин, а когда вернулась, заметила разбитую вазу на полу. Я начала звать Надю, но она не отзывалась. Нашла её в туалете. Надя сидела на коленях, возле унитаза, в который она засунула букет цветов, и плакала. Я спросила, почему она плачет, и Надя ответила: «Я испугалась, что убила цветы».

Она помолчала, тяжело дыша, а потом добавила:

– Надя неплохая девочка, ей просто не повезло. Она заслуживает счастья. Правда?

Тётя Марина посмотрела на меня, прищунив глаза, и поджав в нерешительности губы.

– Да, – ответил я. – Ваша дочь заслуживает счастья.

Тётя улыбнулась. Её взгляд смягчился, она сама вся обмякла и, опустив голову на подлокотник, быстро уснула.

Я подоткнул с обеих сторон одеяло и ушёл на веранду. Было холодно, закурить из-за ветра и дождя не удавалось, как я ни старался, но уходить не хотелось: прохлада отрезвляла затуманенный тревогой мозг. Чёрное небо время от времени озарялось молниями, и тогда можно было разглядеть плотные облака, грозно нависшие над городом.

Интересно, подумал я, если бы я не взял у Нади кольцо, попала бы она в больницу? И думала ли об этом тётя Марина, когда недавно с такой неприязнью глядела на меня?

Загромыхал гром, и вместе с ним загромыхало что-то во мне, и я вдруг с горечью осознал: слова тёти, назвавшей меня эгоистом, так ранили меня только потому, что это правда.

НАДЯ

Когда-то я была человеком. Я училась, принимала решения, у меня было достоинство. Когда-то я могла рассмеяться, и другие смеялись в ответ, даже если на то не было причин. Когда-то я могла плакать, и меня спрашивали: «Что случилось?». И утешали: «Это пройдёт. Ты молода, всё ещё впереди».

Теперь я – сумасшедшая. А это значит, что я не могу учиться: новая информация долго не засиживается в сломанной черепушке. Я не могу принимать решения, потому что заведомо на это не способна, а если и способна, никто не даст мне на это право; достоинство стёрлось, точно подстилка у двери: болезнь вытирала об него ноги слишком долго и слишком усердно.

Когда я смеюсь, другие уже не смеются в ответ, а настораживаются, и, если я заплачу, они не говорят ничего утешительного.

Сумасшедший смеётся? Это потому что он сумасшедший. Сумасшедший плачет? Это потому что он сумасшедший. Сумасшедший живёт? Это потому, что он больной и не понимает, что умереть легче, чем продолжать так мучиться. Сумасшедший покончил с собой? Что ж, не удивительно: он ведь сумасшедший!

Но были и те, кто понимал. Понимали смутно и не всегда, но все же понимали. Это были Дима и несколько медсестёр, врачей. Это были санитар и одна из уборщиц, мой второй психотерапевт, который погиб, попав в аварию. Но их понимание почему-то заставляло чувствовать собственную вину.

Стоило кому-то мне помочь, как Утонувшая Девочка начинала терзать меня, говорить, что я не достойна такого к себе отношения, что не оправдаю их надежд

и неизбежно разочарую. Я не такая, как мама и папа, я слабая и жалкая и заслуживаю всего того, что обрушилось на меня.

Хотелось рассказать о том, что я чувствовала, но стоило начать говорить, как слова терялись, их смысл искажался и то, что я сказала, воспринимали совсем по-другому. Бывало, получалось связать поток слов воедино, и я рассказывала обо всём, что со мной происходило, но потом выяснялось, что я не говорила, а просто думала об этом.

С тех пор, как оказалась в больнице, я не проронила ни слова. Меня напичкали таблетками, от которых тело стало медленным и непослушным, а мозг заторможенным. При любой возможности я ложилась спать и, будь моя воля, спала бы сутками напролёт. Другие пациенты пугали. Ночью я пряталась под кровать, чтобы они не добрались до меня. Я слышала их крики, стоны, ржание или вой. Иногда я сама оказывалась тем, кто кричит.

Как-то утром мне не хотелось пить таблетки, но язык не слушался, слова смешались в голове, и Утонувшая Девочка в знак протеста не разрешала говорить. Тогда я укусила санитаря, пытаясь об этом сказать. Он разозлился, подозвал кого-то, они повалили меня на кровать, зажали нос, чтобы нечем было дышать. Когда я открыла рот, запихнули таблетки и сжимали челюсть, пока я не проглотила лекарство.

Днём я не смотрела телевизор, как другие пациенты, не играла в шахматы и не читала. Я скучала по дому и, глядя в окно, представляла, что там сейчас делают мама и Дима. Каждый день я ждала, что мама зайдёт в палату и скажет, что забирает меня домой, но я знала, что этого не произойдет, пока мне не станет легче.

В один из таких дней, когда я сидела на подоконнике, постукивая пальцем по стеклу, ко мне подошла санитарка. Из всего персонала она нравилась мне больше всех: она была грубой и неразговорчивой, но я не видела, чтобы она делала кому-нибудь больно.

– Не хочешь прогуляться? – спросила санитарка. Она небрежно держала руки в карманах и покачивалась с пяток на носки, туда-сюда, нетерпеливо ожидая ответа. Я кивнула и спрыгнула с подоконника.

– Подожди секунду.

Санитарка подошла к кому-то из персонала и некоторое время о чём-то говорила, потом подозвала меня. Мы вышли во двор и не спеша двинулись вдоль здания. Она достала из кармана пачку сигарет и закурила.

– Как же меня достали все эти жмурики бешеные, – раздражённо сказала она. – Орут, кусаются, слюни пускают.

Санитарка обернулась ко мне, делая затяжку. У неё были белокурые волосы, завязанные в хвост, тонкие губы и раскосые глаза, с прищуром глядящие на меня.

– От тебя жутко воняет, ты знаешь об этом? – она рассмеялась, качнув головой. – Ты симпатичная, жалко, что сумасшедшая. А может, это и к лучшему.

Она опять рассмеялась, выдыхая со смехом дым. Некоторое время мы шли в тишине, потом присели на скамейку вдали от больницы. Мне особенно нравилось это место: из-за деревьев создавался обособленный уголок, где, казалось, можно было спрятаться не только от врачей, но и от болезни. Про себя я называла его секретным садом.

– Знаешь, – докурив, сказала санитарка, – в этой психушке получше, чем в той, в которой я работала раньше. Не то чтобы тут всё сладко, просто нет такого беспредела, как в бесплатной больнице, понимаешь?

Она пытливо заглянула мне в лицо и криво улыбнулась.

– А, ни черта ты не понимаешь, – раздражённо сказала она, отвернувшись и уставившись на больницу.

– Считает тебя безмозглой, непроходимой дурой, – заговорил Старик из недр черепушки. – Что ж, в этом я с ней согласен.

Я смотрела на свои руки и в какой-то момент увидела, что одна рука в несколько раз уменьшилась. Приподняла её, она показалась легче, чем обычно. Я посмотрела на санитарку, заметила ли она это моё движение, но та ничем не подавала виду, что удивлена.

Наверное, опять мне это всего лишь кажется, устало подумала я.

– В той психушке насильовали девушек, – вдруг заговорила санитарка, потупив взгляд. – Не только санитары, врачи тоже. Ты хорошенькая, если бы попала туда, тебя пустили бы по кругу, будь уверена.

Она посмотрела на меня и вздрогнула, словно ужаснувшись от собственных слов, потом достала сигарету и снова закурила.

– Ненавижу эту работу. Если бы у меня не было условия, устроилась бы в приличную больницу и охомутала бы какого-нибудь богатенького старикашку, пусть даже женатого.

Санитарка тряхнула головой, нервно затягиваясь, и почему-то горько рассмеялась.

– Каково это – сойти с ума? Иногда мне кажется, что я сумасшедшая, – она улыбнулась. – Ты хоть понимаешь, что сумасшедшая? Говорят, вы не понимаете.

Сейчас я понимаю, что со мной не всё в порядке, подумала я, но не всегда было легко себе в этом сознаться. Слишком страшно принять мысль о своём сумасшествии. Кажется, только подумав об этом, сойдёшь с ума ещё раз.

Я повыше застегнула куртку и поёжилась от холода. Кое-где лежал первый снег, грязный и наполовину растаявший. Глядя на него, вспомнила, как врачи между собой говорили, что зима обещает быть тёплой. Я представила, как к ним приходит Зима в голубой шубке, протягивает руку и, улыбаясь, говорит:

– Обещаю вам, я буду тёплой.

Представив это, я рассмеялась. Санитарка недоумённо взглянула на меня, но ничего не сказала.

Некоторое время мы молчали. Холод успел незаметно пробраться к нам под одежду. Санитарка начала топтать ногами, пытаясь согреться. Она сказала:

– Надеюсь, здесь никого не насилуют. Еще одного такого зрелища я не перенесу.

Она встала и уже собиралась идти назад, но я неожиданно для неё заговорила:

– Нас насилуют, – прошептала я.

Санитарка замерла, в ужасе открыв рот, и уставилась на меня.

– Нас насилуют, – повторила я. – Заставляют пить таблетки и ходить на трудотерапию.

Её лицо расслабилось, и вся она, словно была узлом затянута и вдруг развязалась. Она облегчённо вздохнула и, улыбнувшись дрожащими губами, села обратно. И, казалось, уже не слушала меня, но я продолжала говорить:

– Мы крутимся, как в колесе – от сна до сна. Нам говорят, что мы потом получим жёлудь, но это неправда. Мы крутимся в колесе, чтобы в итоге жёлудь получили они.

Я вспомнила Виталика, соседа по палате ещё с прошлой психиатрической больницы, считавшего себя журавлём.

Одна уборщица как-то заговорила с ним, и ещё долго пыталась ему доказать, что у него нет перьев, клюва и всего того, что есть у журавлей, что у него такие

же руки и ноги, как у неё, а она – человек. Но Виталик в ответ лишь улыбался и с гордостью говорил: «Я – журавль».

Одно время нас принуждали работать. Работать с утра до вечера, без продыху, называя это трудотерапией. От работы нам должно было становиться лучше, так мы отвлекались от сумасшествия и сосредотачивались на другом. Но невероятная усталость, недосып и голод не способствовали выздоровлению.

Виталик часто плакал, он не давал нам спать.

– Мне нужно летать, – рыдал он в подушку. – Мне нужно летать.

Иногда он и вправду пытался летать. Прыгал из одного конца палаты в другой, иногда разговаривал с птицами. Он говорил, что родился человеком, но дьявол вселил в него дух журавля. Я верила ему, пока однажды не услышала, как врач недовольно сказал про него: «Ещё один шизофреник», и впервые допустила мысль, что он, может быть, такой же, как и я, потерянный, испуганный.

Как-то Виталик подошёл ко мне и, улыбаясь, сказал, что улетает. Я видела, какой он счастливый, и тоже загорелась отблеском его счастья.

– Жалко, что ты не можешь взять меня с собой, – сказала я.

– Да, – грустно улыбнулся он. – Двоих мне не удержать. Но я буду тебя навещать, хочешь?

– Конечно, хочу! – воскликнула я, запрыгав от нетерпения.

Несколько пациентов начали громко разговаривать. Они играли в шахматы, но один вдруг опрокинул стол и набросился на другого. Поднялась суматоха, и Виталик прошептал:

– Тише. Пойдём, ты меня проводишь.

Мы незаметно вышли из комнаты и направились по коридору. Он завернул налево и открыл дверь.

– Откуда у тебя ключи? – спросила я.

Виталик не ответил. Мы зашли в просторное помещение. Я уже не помнила, куда именно мы зашли. В воспоминаниях осталось чувство простора и приятного волнения. Виталик подошёл к одному из окон и распахнул его. Здесь не было ни решеток, ни сеток, но мне не показалось это странным, словно так и должно было быть.

Он обернулся и спросил:

– Ты слышишь?

– Что?

– Меня зовут другие птицы. Слышишь их хор? Это Господь их отправил, чтобы они провели меня на небеса. Ты слышишь?

Я ничего не слышала, разве только Старика, который был раздражен из-за «тупоголовости» этого мужика, и Женщина плакала в голове, просила забрать меня отсюда.

– Я буду скучать.

Виталик забрался на подоконник и улыбнулся.

– Взаимно, – сказал он и, бросив напоследок ликующий, тёплый взгляд, прыгнул.

Я выглянула из окна. Доносились крики и визг, кто-то выбежал на улицу, пытаюсь понять, откуда он выпрыгнул. Я смотрела на распластанное тело Виталика, на увеличивающуюся лужу крови у его головы и улыбалась.

Он улетел, думала я, улетел к другим журавлям. И стало грустно, что он не взял меня с собой. А как было бы чудесно!

Тогда его тело не вызывало во мне никаких сомнений по поводу того, улетел он или нет. Оно мне ничего не говорило. Казалось, я даже не обратила на него внимания.

Но вспомнив это сейчас, я подумала, что Виталик всё-таки умер, и, осознав это, заплакала.

– Что с тобой? – взволнованно спросила санитарка. – То смеёшься без причины, то плачешь.

Она покачала головой и, обняв за плечи, подняла.

– Пойдём, – сказала она. – Тебе еще ванну надо принять, а то жутко воняешь. Ты в изоляторе сидела, что ли?

Санитарка ещё о чём-то говорила, но я не слушала её. Перед глазами стояла картина – последнее воспоминание о Виталике. О моём единственном друге.

ДИМА

Время шло, день за днём, текло, точно быстротечная река, и меня уносило его течением. Снег покрывал Москву, наметая горы, ветер выл, подгоняя домой; серое небо полотном нависло над городом. Незаметно, как подкрадывается охотник к оленю, наступили каникулы, и я уехал в Днепродзержинск повидать родителей.

Я был у них всего неделю, но все эти семь дней будто бы находился в другом месте. Брат о чём-то рассказывал, мама обхаживала, словно я приехал с войны, а не из России. С отцом мы много разговаривали, как бывало в детстве: он вырезал какую-то фигурку из дерева, а я сидел рядом с ним и говорил обо всём, что было на душе. Но мысли неизменно возвращались к Москве, к двухэтажному домику с задернутыми шторами и с беседкой во дворе. Я думал о Наде, о том, как ей там живётся в психиатрической больнице.

Я вспоминал наш с тётей визит к ней. Надя была особенно неразговорчивой, вялой и неучастливой. Её лицо застыло в равнодушии подобно маске, и ничто не выдавало её эмоций. Тётя Марина тоже молчала, держа Надину руку в своей. Я чувствовал себя неловко, словно был свидетелем чего-то личного.

Надя похудела и осунулась, но выглядела намного опрятней, чем обычно, только небольшие синяки на запястьях вызвали во мне беспокойство.

– Тебя здесь не обижают? – спросил я, и Надя посмотрела на меня таким диким взглядом, каким обычно смотрят на того, кто сказал какую-то ужасную глупость. Она промолчала, а тётя будто бы и не слышала и не видела ничего вокруг.

От этого воспоминания неприятно затрепетало сердце. Мне было жалко Надю, но снова и снова возникало желание убежать от её несчастья, чтобы оно не коснулось меня. Надино горе продолжало омрачать общее восприятие мира, делать его сложнее и безжалостнее. Хотелось помочь ей, но я понимал, что не в состоянии это сделать, и бессилие вызывало желание сбежать. Сбежать от чувства вины и жалости.

Я вернулся в Москву. Казалось, дом опустел без Нади. Тётя Марина всё чаще уходила на службу, пока не стала работать в полную смену. Когда старику становилось хуже, тётя оставалась с ним на несколько дней. Я следил за домом, готовил и убирал. В те моменты, когда я виделся с тётей, мы или пребывали в полной идиллии, или ощущали такую обоюдную неприязнь, что окна вибрировали от наших криков.

Надя была уже три месяца в больнице, когда наступил мой день рождения. Снег всё ещё падал с бездонного неба, изо рта шёл пар, точно из трубы паровоза, и всё словно бы отвергало приближение весны, только она уже чувствовалась в воздухе, и невидимым шлейфом тянулся запах тепла.

Я проснулся раньше обычного, и долго лежал в постели, глядя на потолок. Полоса света делила кровать надвое; я видел, как частицы пыли кружились в потоке воздуха: по кругу, вверх, вниз и снова по кругу. В это утро тишина казалась наполненной, она проникала в лёгкие с каждым вдохом, и после каждого выдоха оставляла вместо себя пустоту. Я чувствовал тишину на вкус, слышал её голос, а, может, мне это только казалось?

Время замерло, я сам замер вместе с ним, и весь мир словно сжался до размеров моей комнаты, и за её дверью не было ничего, кроме тьмы. На мгновение Вселенная была мной и комнатой и ничем больше, я лежал на кровати и дышал тишиной, и был бесконечен. А затем это мгновение прошло, и время продолжило стареть, и мир снова стал таких огромных размеров, что комната начала мне казаться песчинкой в океане.

На кухне пахло блинами, свистел чайник, выпуская струю пара, чуть слышно бубнили голоса в телевизоре. Тётя Марина сидела за столом и помешивала кофе, задумчиво и понуро оперев голову на руку. Заметив меня, она встала и улыбнулась.

– Доброе утро, – сказала она.

– Доброе утро, – ответил я.

Мы стояли друг напротив друга и молчали. Она отвернулась снять чайник с плиты.

– Сколько тебе сегодня? – спросила тётя, помолчав. – Девятнадцать?

– Да.

Она поставила тарелку с блинами на стол и достала из холодильника сгущёнку.

– Давай поедим.

За окном было солнечно, но я знал, что солнце ещё не греет, разве только душу. Мы молча ели, но мне почему-то было так приятно от этого завтрака, словно тётя Марина поздравила меня одним только своим присутствием. Эта мысль удивила и даже позабавила. Я невольно улыбнулся, и она, заметив, улыбнулась в ответ. Я обратил внимание на то, что тётя чем-то расстроена, но ничего не сказал.

Когда мы доели, она встала и ушла в гостиную. Я услышал, как хлопнули дверцы шкафа, и обернулся, когда тётя сказала за моей спиной:

– С днём рождения, Дима.

В руках она держала новенькую сверкающую гитару, ещё лучше моей старой. Я встал и, не зная, что сказать, просто стоял и глядел на подарок.

– Что рот разинул? Думаешь, мне так легко её держать?

Тётя Марина усмехнулась и нахмурилась, сделав вид, что рассердилась. Я виновато улыбнулся и взял гитару. Некоторое время я испытывал молчаливое восхищение, едва касался струн, гладких боков гитары, заглядывал в розетку, будто мог там что-то найти. Я присел на стул и начал наигрывать мелодию, потом остановился, покрутил колки, снова заиграл и снова покрутил. Когда я её настроил, сыграл мелодию до половины и только потом вспомнил, что не поблагодарил тётю Марину.

Она стояла у двери кухни, сложив руки на животе. Её улыбка дрожала на кончиках губ, и выражение лица, хоть и оставалось грустным, всё же было добрым. Я положил гитару на стул, где сидел, и подошёл к ней.

Тётя казалась маленькой, такой, какая она и есть на самом деле, едва достающая мне до плеча. Она запрокинула голову, чтобы заглянуть мне в глаза и улыбнулась. Мне показалось, что она сейчас заплачет, и я обнял её, прежде чем увидеть слезы.

– Спасибо, – прошептал я. – Спасибо.

Не отвечая, тётя обняла меня. Я смотрел на стену перед собой, и думал о том, какой же я эгоист. Это слово опять больно кольнуло. Было приятно, что тётя подарила именно гитару, и в то же время совестно.

– Надя не теряет кольца, – сказал я, не имея больше сил сдерживать комок вины, с каждой секундой растущий в горле, – я взял его.

Тётя отстранилась от меня и вытерла глаза. Я не заметил её слез, но знал, что она плакала.

– Я так и поняла.

Сначала смысл её слов не дошёл до меня, но, когда дошёл, вызвал ещё больший прилив чувства вины.

– Почему... почему вы не сказали?

Моё лицо пылало, и в комнате было так жарко, что стало нечем дышать.

– Зачем? – тётя улыбнулась. – Я хотела, чтобы ты сам признался.

– Поэтому вы подарили мне гитару? Чтобы мне стало стыдно?

– Нет. Я подарила тебе гитару, потому что ты любишь играть и потому что ты – мой племянник.

Она коснулась рукой моей щеки и сказала:

– Мы с Надей тебя очень полюбили, но если ты ещё раз что-нибудь подобное выкинешь, поедешь домой. Понятно?

– Понятно.

Тётя Марина улыбнулась, заметив, что я глажу гитару.

НАДЯ

Многие знают, что такое дежавю. Это странное чувство повторения, будто ты проживаешь отдельный кусок жизни во второй, а, может быть, в пятый раз. Но у этого понятия, этого состояния есть нечто противоположное – жамевю.

Когда лечащий врач подвёз меня до дома (что было очень мило с его стороны), когда я вышла из машины и впервые после четырёхмесячного отсутствия взглянула на дом, я ощутила щемящее, опустошающее чувство жамевю.

Точно незваная гостья, я стояла у ворот и не смела зайти. Казалось, это незнакомый мне дом, и это не моя мама поспешно сбегает с крыльца. Казалось, эта незнакомая женщина бежит ко мне целую вечность и ещё целую вечность держит меня в объятиях. Казалось, я заняла чьё-то место, заняла без спросу, и что сейчас я должна находиться не здесь, а там, в больнице, лежать на деревянной кровати и слушать крики больных или разговаривать с вечно курящей санитаркой.

Но это чувство быстро прошло, и я, наконец, поняла, что дома.

Мама не сказала ни слова, когда обнимала меня. Потом она отстранилась и посмотрела долгим горящим взглядом, который сказал мне куда больше слов. Этот взгляд кричал о том, как она скучала и как она сожалеет, и что я ни в чём не виновата.

– Виновата, – сказала Утонувшая Девочка.

– Нет, – подумала я.

Когда мы вошли в дом, Дима стоял у лестницы, держа руку на перилах. Наши глаза встретились, он выпрямился и улыбнулся. Его улыбка была радостной, без тени жалости и сожаления. Он тоже ничего не говорил. Так мы и замерли.

Я чувствовала горячую, влажную от вытертых слёз мамину руку, как она прижимала меня к себе, словно боялась, что я убегу или испарюсь, или меня заберут назад.

Когда я в последний раз была дома, за окном плакало небо, холод остужал землю и души, и вся природа была в каком-то хаосе. В моей голове тоже был хаос, и мысли так же хаотично кружились, как и сухие листья, сорванные ветром.

Сейчас на улице весна. Всё ещё переменчивая, беспокойная, но всё же весна. И впереди меня ждут не морозы, а палящее солнце и зелёные лужайки, карамельное мороженое, прогулки на велосипеде и, конечно же, солнечные зайчики.

Я улыбнулась, хоть мне и хотелось спать от таблеток, и всё тело было набито ватой.

На мгновение показалось, что я и вправду набита ватой, и улыбка сошла с моего лица, сменившись ужасом. Но, увидев, как Дима напрягся, следя за мной, я успокоилась.

Никакой ваты во мне нет, подумала я, только жизнь и сломанные надежды.

– Я приготовила тефтели. Ты всё ещё любишь тефтели? – спросила мама.

Я засмеялась, и слёзы выступили на глазах.

– Ну, наконец-то нормальная реакция, – засмеялся в ответ Дима. Мама хлопнула его по груди, и в этом жесте я заметила привязанность, которой раньше не было.

Жизнь вернулась в прежнее русло. Мне стало легче, и голоса практически не тревожили. Непривычная тишина в голове принесла покой, но иногда я принимала внешние звуки за галлюцинации и пугалась, что психоз возвращается. Потом это прошло. Я до сих пор была странной, как говорил Дима, но вполне адекватной. Почти всё время я проводила в беседке, разговаривала с цветами, просто потому, что привыкла с ними разговаривать. Я даже прибралась у себя в комнате под надзором мамы. Хомяка пришлось отнести в стирку, и я просидела возле стиральной машины весь цикл, глядя в барабан, как нос или глаза игрушки с цоканьем ударялись о стекло.

Прошло ещё несколько месяцев, голоса стали громче. Я всегда знала, что рецидив неизбежен, но расстроилась и опять замкнулась в себе. Утонувшая Девочка снова начала командовать.

Мама была на работе, когда я окончательно и бесповоротно поняла, что мне стало хуже. Мы с Димой сидели на крыльце. Ступеньки были тёплыми от солнца, летали бабочки около цветов, и небо такое голубое, что глядеть на него было больно глазам.

– Я в лабиринте, – сказала я Диме.

Он повернул ко мне голову, сощурился от солнца, и, улыбаясь, спросил:

– Что?

– В лабиринте. Я потеряла дом, а психоз знает, где он. Он найдет его, и мне придётся снова разговаривать с курящей санитаркой.

От воспоминаний о больнице я задрожала и обхватила себя руками. Дима перестал улыбаться. Он сцепил руки в замок и некоторое время молчал, прежде чем спросить:

– Почему ты заболела?

Этот вопрос удивил меня.

– Не знаю.

– Просто мне кажется, что должна быть какая-то причина, ведь так? Ангина появляется из-за холодных напитков, язва – от вредной еды. А шизофрения – болезнь души, и, может, ты довела себя до такого состояния из-за переживаний?

Я отстранилась от него и попыталась уйти, но Дима взял меня за руку и опустил на место.

– Прости, – он улыбнулся. – Я не хотел тебя обижать. Конечно, ты не виновата в этом. Но причина же должна быть?

Он коснулся указательным пальцем моей груди, там, где сердце, и сказал:

– Может, причина здесь, – затем коснулся головы, – а не здесь.

Я смотрела на Диму, пытаюсь заглушить голоса в голове, но Старик уже кричал во мне:

– Ох уж эти сосунки! Вечно строят из себя философов!

– Он прав, – сказала Утонувшая Девочка. – Ты виновата в своей болезни.

– Не виновата, – я покачала головой и закрыла лицо руками. – Не виновата.

Нет. Нет. Нет.

Дима коснулся моего плеча.

– Эй, – шепнул он. – Ты чего? Я не хотел тебя расстраивать, я не говорил, что ты виновата.

– Сказал. И Утонувшая Девочка сказала.

– Ты слышишь её голос сейчас? Скажи, что она неправа.

– Она права. Она всегда права. Я виновата.

Весь мир стал таким огромным, а я такой маленькой, что, казалось, он раздавит меня.

Я так устала, хотелось тишины, хотелось спокойствия, но безумие не знает покоя. А я, похоже, безумна.

Осознание этого принесло неожиданное умиротворение. Я безумна. Не нужно больше тратить силы на борьбу с самой собой.

– Я безумна, – сказала и улыбнулась, закрыв глаза.

Нет, тут же подумала я, не могу я быть безумной! Кем угодно, но только не сумасшедшей!

Утонувшая Девочка молчала, Старик тоже, только Женщина плакала:

– Устала! Как же я устала! Безумным полагается сон!

– Я не говорил, что ты безумна, Надя, – сказал Дима, обняв меня. Он положил подбородок мне на голову и прошептал:

– Расскажи, когда ты в первый раз почувствовала, что с тобой что-то не то.

– О своих чувствах лучше молчать.

– Почему?

– Мысль изречённая есть ложь. Чувства, обернувшись словами, теряют свою силу.

– И всё же?

Я закрыла глаза, пытаюсь вспомнить. Лицо горело от солнечной ванны, пахло розами и сиренью, и ещё чем-то тёплым и глубоким, как пахнет только в начале лета.

– Началось с того, что мама говорила мне: «Я люблю тебя», и я отвечала: «И я тебя», но в голове вдруг еле разборчиво, раздавался голос: «Лучше бы она умерла». Мне было обидно, ведь я люблю маму, но... «но лучше бы она умерла». Я не хотела её смерти, но слова разорвали поводок и стали неуправляемыми. Меня это злило и пугало...

Я рассказала Диме всё, что чувствовала, видела и слышала. Слова давались с трудом, часто он не понимал их смысл и переспрашивал. Тогда я замолкала и боялась говорить дальше, но Дима подбадривал, уговаривал продолжать.

Я даже рассказала ему, откуда появилась Утонувшая Девочка:

– Она была нашей соседкой. Мы с ней дружили, и она часто приходила к нам домой. Потом она утонула. Я играла сама, но постоянно думала о ней, даже представляла, что мы играем вдвоём. Иногда мне казалось, что я слышу её голос. Как-то я порвала мамины бусы, красные бусы. Они в моей крови. Железные красные бусы, острые, как лезвие...

– Надя.

Дима улыбнулся и кивнул, чтобы я продолжала.

– Бусы... бусы были ещё бабушкины, мама их любила, но носила редко. На годовщину свадьбы она решила их надеть, но не нашла, потому что я их выкинула. Я сказала маме, что это сделала Утонувшая Девочка.

– Как её звали на самом деле?

– Утонувшая Девочка.

Дима опять улыбнулся, на этот раз снисходительно, и сказал:

– Продолжай.

– Даже такой тупица, как он, понимает, что ты – тупица, – заворчал Старик.

– Мама поверила и не ругала. Но я-то знала, что это неправда. Этой же ночью я увидела Утонувшую Девочку с опухшим от воды лицом и белыми глазами. Она сказала, что я лгунья и что я – причина всех несчастий.

– Так оно и есть, – сказала Утонувшая Девочка.

– Это была первая галлюцинация, хотя тогда я подумала, что мне это приснилось.

Я рассказала ему о школе и одиночестве, о попытке сбежать и наркотиках, а Дима слушал и кивал, иногда хмурился, иногда улыбался. Время от времени голоса комментировали то, что я говорю, но в основном молчали, будто им тоже было интересно послушать.

Уже много лет я не говорила так долго и так связно. Я рассказала Диме то, что не рассказывала никому, а когда уходила в сторону, мысли путались и слова терялись, он помогал найти ниточку смысла, за которую я цеплялась и выбиралась в реальный мир.

Когда пришла мама, Дима сказал, что уезжает на месяц домой, в Днепропетровск, и попросил разрешение взять меня с собой. Мама была категорически против. От злости она покраснела и долго говорила о том, какая я беспомощная. Они поссорились, я слышала, как они кричат друг на друга.

– Ей двадцать два года! Она не маленькая! Надя не может всю жизнь быть с вами! – кричал Дима.

– Тебя вообще это не касается! Ты наивный, самодовольный, эгоистичный мальчишка и ты ничего не понимаешь! – кричала в ответ мама.

Их ругань пугала меня, и я спряталась под кровать.

Дима уехал вечером следующего дня, но я так и не вышла попрощаться с ним.

ДИМА

Я вернулся в Москву в самый разгар лета. В Днепродзержинске кожа успела заметно потемнеть, а губы обветриться, и выглядел я так, словно побывал на море.

Через день я выезжал за город купаться в канале Днепра. Я любил это место за уединённость: впереди, на небольшой возвышенности – деревья, темно-коричневый от ила берег огорожен пригорком, за которым красовалось ромашковое поле, а за ним – сосновый лес. Канал Днепра обычно бывал тёплым и чистым, и я любил прыгать в него с самодельной тарзанки. Со мной часто бывал брат, его звонкий детский голосок разносился по округе, и, казалось, на сотни километров никого не было, кроме нас.

По возвращении в Москву я боялся встречи с тётёй Мариной из-за слов, которых наговорили мы предостаточно друг другу перед отъездом. Но опасения оказались напрасными: тётя встретила меня довольно тепло, хоть и была немногословной, а Надя выглядела намного счастливее, чем месяц назад.

В тот же день после обеда я предложил Наде прогуляться. Тётя Марина отпустила её, но всё равно бросила на меня предостерегающий взгляд, когда мы уходили.

На улице было жарко, несмотря на то, что обед давно миновал. Ряды машин сверкали под оранжевым солнцем, небо, словно пролитый пудинг, окрасилось в несколько цветов радуги.

Мы сели в вагон метро и почти не разговаривали. Надя выглядела смущённой, даже немного виноватой. Когда мы подошли к Воробьёвым горам, она повернулась ко мне и сказала:

– Я... я тебя так и не поздравила.

– Ты о чём?

Мы стояли у ограды, откуда была видна «Москва-сити», поблёскивающая в закатных лучах.

– О твоём дне рождения.

Я махнул рукой.

– Не бери в голову.

– Нет, правда, не поздравила, но лучше поздно, чем никогда. Так что вот. Держи.

Надя достала из старой потрёпанной сумки, перекинутой через плечо, свёрток. Я взял его и улыбнулся. Надя нервничала, поправляла волосы и переминалась с ноги на ногу, избегая моего взгляда. Я развернул свёрток. В нём оказалась книга нот, на выцветшей обложке которой было написано «Юному гитаристу». Вряд ли я позже воспользовался бы этим подарком, но то, как Надя волновалась, понравится ли он, растрогало меня.

Я прижал книгу к груди, словно всю жизнь мечтал о такой, и, улыбаясь, поблагодарил.

– Тебе, правда, понравился подарок? Просто, если нет, я...

– Это очень хороший подарок, Надя. Правда.

Я обнял её и предложил пойти купить мороженое.

– Я хочу карамельное, – сказала она.

– Ненавижу карамельное.

– Мне всё равно.

Я засмеялся, Надя в ответ едва улыбнулась, и мы пошли в противоположную сторону от Воробьёвых гор.

Душевные разговоры с Надей стали обычным делом. Я пытался понять, в чём её проблема, почему она всегда напряжена, будто тугой узел в животе не даёт ей расслабиться. Мне казалось, ей станет легче, если она отпустит ситуацию, поймёт значение каждой галлюцинации; почему голоса в голове говорят именно это, может, в их обвинениях кроется причина её болезни?

Я верил, что у Нади есть шанс на выздоровление. Тётя Марина не поддерживала меня. Она злилась и ругалась, когда слышала наши разговоры. Однажды она расплакалась и попросила меня не лезть в Надину душу, не оставлять росток надежды, который обречён на гибель. Но я проигнорировал её просьбу и в тот же день заговорил с Надей о её болезни.

– Ты постоянно осуждаешь себя, – сказал я ей. – Это неправильно.

– Я виновата, – сказала она. Мне показалось, что это не её слова, а Утонувшей Девочки. Как заезженную пластинку, она повторяла их, пока Надя в них не поверила.

– Ты считаешь себя виноватой?

– Да.

– Почему?

Надя посмотрела на меня, потом опустила глаза, разглядывая руки.

– Потому что из-за меня все несчастья. Я показала маме фальшивую монету и сказала, что она настоящая. Я ткнула пальцем в Утонувшую Девочку и сказала, что это она виновата. Папа умер, потому что он переживал за меня. Он был штангой, а я – нет. Но он был не настолько большой штангой, чтобы выдержать нас обоих. Мама несчастна и я несчастна, и Утонувшая Девочка во мне несчастна. Я виновата.

Я помолчал, обдумывая её слова, а потом сказал:

– Может, тебе стоит извиниться?

– Прости, – не раздумывая, ответила она.

Я рассмеялся.

– Не передо мной.

Мы сидели в беседке, среди цветов. Пахло дождём, оттого, что тётя полила тропинку. От этого было свежо, и все запахи обострились. Лето ещё сильнее заиграло во мне, и я улыбнулся, сощутив глаза от солнца.

– Может, тебе надо извиниться перед мамой? – произнёс я, не отрывая от Нади глаза.

– Нет.

– Тебе станет легче.

– Нет.

– Да.

Она качнула головой, отрицая, но я взял её за руку и ещё уверенней повторил:

– Да. Потому что так делают обычные люди, Надя. Они ошибаются и извиняются, а их взамен прощают. Чувство вины нас подталкивает, побуждает извиниться, но не портит жизнь. Оно не должно съедать тебя изнутри. Понимаешь?

– Нет, – Надя расплакалась, закрыв лицо руками. Она вся сжалась, плача, словно только сейчас осознала, что ей нужно что-то делать для того, чтобы вылечиться.

Вдруг я посмотрел на неё как в первый раз. Я увидел её вздрагивающие худые плечи, блёклые волосы, собранные в хвост, покусанные до крови ногти. Надя дрожала, её глаза, устремлённые куда-то мимо меня, были красными и уставшими, а рука, которую я снова накрыл своей, – потная и холодная.

– Мама плачет каждую ночь, – прошептала она сквозь слёзы. – Мама молит Бога забрать её и сделать меня здоровой. Она не верит в Бога, зачем она это делает? Зачем она умоляет его на коленях? Она хочет, чтобы я выздоровела, но не верит в это.

– Я верю.

Надя улыбнулась, сначала несмело, но потом её улыбка стала шире, и она расхохоталась. Мне не понравился этот смех: слишком громкий, отдающий горечью в груди.

– Успокойся, – сказал я.

Надя засмеялась ещё сильнее, откинувшись на спинку скамейки в беседке. Мне стало не по себе, я схватил её за запястье и тряхнул, повторив:

– Успокойся!

Надя замолчала и снова заплакала.

– Теперь ты разочарован во мне, – сказала она едва слышно.

– Нет, – я замолк, потом сказал, повернувшись к ней:

– Твоя мама как-то сказала мне, что я эгоист. Она не права. Я был эгоистом. Я был эгоистом, когда приехал к вам. Я был эгоистом, когда жил у вас первые месяцы, и когда попросил у тебя кольцо. Я был эгоистом, когда не волновался по поводу твоей болезни.

Сначала я думал, что смотрю на тебя без жалости и предубеждения из-за рассудительности, но на самом деле мне было просто всё равно. Но я изменился. Я стал меняться, когда увидел твою боль от потери кольца, когда увидел раскаянье в глазах тёти, когда, пройдя через муки совести, обрёл успокоение в её прощении.

Чувство вины помогло мне измениться, но я отпустил его, когда оно стало ненужным. Ты должна научиться отпускать ситуацию, прощать себя, когда другие не прощают, и верить в себя, когда другие не верят. Но тебя простит мама, когда ты извинишься, я же в тебя верю и буду верить, если мама уже не способна на это.

Надя закрыла глаза и замотала головой, закрыв уши руками. Она начала бить себя по затылку и плакать – то ли от боли, то ли от сказанных мною слов.

– Я извинюсь перед ней, – заплакала она, сползая на пол. – Я извинюсь, обещаю.

Она свернулась в клубок, но больше не плакала. Когда я попытался её поднять, она оттолкнула меня и попросила оставить её в покое.

НАДЯ

Безумие. Оно пожирает тебя, оно преследует, не оставляет ни на минуту. Ежесекундная борьба за разум выматывает и ещё больше сводит с ума. Миллионы мыслей водоворотом проникают в сознание, путают эмоции, доводят до изнеможения, пока в какой-то момент ты не перестаёшь что-либо чувствовать. Ты просто не в состоянии ощущать любовь или раздражение, любопытство или желание. Горечь, страсть, мечтательность, нетерпение, злоба, зависть, агрессия, радость – всё это пропадает, утонув в беспробудной апатии.

Потом тебе становится легче. Это как поток свежего воздуха, ворвавшийся в душную комнату. Кажется, сумасшествие ослабляет хватку, и где-то в затуманенном от таблеток и морального истощения сознании загорается огонёк надежды, что этот срыв – последний. Но безумие возвращается. Всегда. Однажды захватив твой разум, оно никогда не оставит тебя. Так мне говорили с шестнадцати лет – с тех пор, как я в первый раз попала в психиатрическое отделение.

Хроническая шизофрения. Какой страшный диагноз. И какой циничный.

Что есть шизофрения? Психическое расстройство, характеризующееся рядом признаков, заметив которые, можно, не задумываясь, покрутить пальцем у виска? Или это болезнь души, как и болезнь тела? Когда человек ломает ногу, все его чувства, желания и мечты остаются при нём, как бы больно ему ни было. Почему же безумцы, сойдя с ума, должны потерять всего себя?

Даже самый потерянный человек, каким бы невменяемым он ни казался внешне, продолжает оставаться самим собой. Он может смеяться, рычать, кусаться, испражняться в собственную тарелку, но – мечтать стать художником, если раньше он об этом мечтал, и всем сердцем любить свою семью настолько же сильно, насколько он любил её до болезни.

В больнице я часто слышала, как при мне обсуждают мой внешний вид и поведение.

– Она ничего не понимает, – говорили они, и порой были правы. Но бывали дни, когда разум был при мне.

Если бы они разговаривали со мной так, как разговаривал Дима, разговаривали каждый раз, в большинстве случаев я бы их не услышала, но в какой-то момент я бы поняла их. Так же, как это было с Димой.

Он говорил со мной. Говорил каждый день, до университета и после. Он разговаривал со мной как с полноценным человеком, терпеливо ожидая, когда я услышу его. Он не считал меня беспомощной, как считала мама, не считал безмозглой, как прочие родственники, не считал опасной, как все остальные. Он считал меня Надей. Просто Надей.

В больнице давали лекарства, проводили терапию, и это временно помогало, но не приносило излечения. Мама дарила любовь и заботу, опекала, следила за каждым шагом, и это помогало, но тоже не приносило выздоровления. Дима просто пытался понять меня, и это помогало больше всего. А когда я начала принимать лекарства, ходить на терапии, при этом получая мамину любовь и Димино понимание, я почувствовала, наконец, облегчение.

Я продолжала слышать голоса, но не так настойчиво. Я уходила в себя, но теперь была в состоянии вернуться. Мысли всё ещё не были приручены, но уже удавалось сократить их поток. Шаг за шагом, я училась разговаривать. Выбирать из океана мыслей чашу здравого смысла и облекать раздумья в слова.

Я всё ещё безумна. Бесспорно. Но теперь мне не так больно, одиноко и страшно. Я стала чуточку счастливее. А не это ли самое главное? Стать чуточку счастливее, чем был вчера.

После разговоров с Димой я начала лихорадочно думать. Думать о своих голосах и галлюцинациях, и впервые поняла, что вижу их не просто так.

Я поняла, что слышу Скелета, когда мне страшно. Сердце бьётся так сильно, что, кажется, вот-вот выскочит из груди. Тогда приходит Скелет, олицетворение моего страха, и вырывает его из того места, откуда оно выскакивает. Осознав это, я услышала, как он кашляет за спиной, и потребовала, чтобы он убирался.

– Мне надоел твой кашель, – закричала я. – Проваливай! Проваливай и оставь моё сердце в покое!

Я плакала и смеялась от чувства облегчения, зная, что больше не услышу его.

В комнате было темно, но я видела каждую вещь в свете луны, что замерла напротив окна. Я видела шкаф и несколько тумбочек, большого хомяка в углу,

прямоугольное в мой рост зеркало справа от кровати. Раньше моё отражение пугало меня, но сейчас я не испытывала страха. Он ушёл вместе со Скелетом. Я прогнала его.

Мама, сонная и взъерошенная, ворвалась ко мне в комнату и села на кровать, тяжело дыша.

– Что опять, Надя? Что такое? – спросила она.

Не отвечая, я смеялась. Смеялась не оттого, что безумна. Нет. Смеялась от переполняющих меня эмоций и, если это и выглядело безумно, на самом деле таковым не являлось.

Я хотела рассказать об этом маме, но слова снова куда-то попрятались, испарились, утонули в водопаде испытываемых мною чувств.

– Господи, Надя, только не говори, что опять началось. Сейчас не время, ты понимаешь? Только не сейчас.

Мама схватила меня за руку и сжала так сильно, что стало больно. Я не хотела, чтобы она волновалась из-за меня. Утонувшая Девочка уже явилась со своими обвинениями в голове.

Пытаясь успокоить маму, я выдохнула:

– Всё хорошо. Дима сказал покопаться в себе, и я покопалась. Я нашла свои страхи.

Мама отстранилась от меня, словно я оттолкнула её.

– И часто он просит тебя об этом? – спросила она холодным, каким-то отрешённым голосом.

– Каждый раз.

Не говоря ни слова, она встала и вышла из комнаты. Я услышала, как хлопнула дверь, и как мама начала что-то кричать. Я поняла, что она ругала Диму, потому что в следующее мгновение уже его голос раздавался из коридора. Мама кричала, но он отвечал спокойно и равнодушно. Через пять минут крики прекратились.

– Надя, ложись спать, – устало проговорила мама. Она замерла в проходе. В темноте я не видела маминого лица, но её сгорбленная фигурка вызвала во мне беспокойство.

– Всё нормально? – спросила я.

– Да. Ложись спать.

Мама закрыла за собой дверь. Я уснула, когда луна медленно уплыла из моего поля зрения.

ДИМА

Утром я проснулся с какой-то глубокой и не понятной мне тяжестью в груди. Я сидел на кровати, мысленно прокручивая причины этих неприятных ощущений, пока не вспомнил ночной визит тёти Марины. От злости, которую принесло воспоминание, заныли кости на руках, так всегда бывает, стоит мне не на шутку разозлиться.

– Ты надоел мне, поганый мальчишка! – кричала она. – Убирайся, слышишь?! Чтобы утром тебя не было! Я устала, чёрт тебя дери! Оставь её в покое!

Я закрыл глаза, сжав зубы до скрежета, и несколько раз вздохнул. Тётя Марина не раз бросалась обидными словами, о которых, я знаю, потом жалела. Не нужно принимать близко к сердцу всё, что она говорит, но и испытывать её терпение тоже не стоит.

И всё же, раздраженно подумал я, какая же тётя упрямая! Не понимает, что Надя должна разобраться в себе. Как же она вылечится, если не будет ничего для этого делать?

От терзающих меня чувств я передёрнул плечами и неровно выдохнул. Сердце билось в конвульсиях. Казалось, всё тело мучается из-за злобы и раздражения – вечных моих попутчиков.

К счастью, тётя Марины не было дома, и к обеду я смог полностью успокоиться. Чувство собственного достоинства теперь не требовало собрать вещи и уехать первым же поездом.

– Надя, что такое?

Сумерки к тому времени уже начали сгущаться, обесцвечивая природу, покрывая всё серо-голубым блеском, какой появляется перед тем, как солнце окончательно скроется за горизонтом.

Надя стояла у окна, дёргая головой и судорожно жестикулируя руками. Она вытянула губы и шевелила ими, как шевелят лошади или жирафы; изо рта у неё текла слюна, глаза были навывкате, из горла доносились нечленораздельные звуки и нервные смешки. Время от времени Надя втягивала шею в плечи и вертела глазами из стороны в сторону, будто за кем-то наблюдала.

Раньше, когда я видел подобное, меня бросало в холод, и сердце учащало темп. Было стыдно себе признаться, но я в такие минуты пугался её, хотелось вскочить и уйти подальше. Обычно за мной наблюдала тётя Марина, и я делал вид, что меня это совершенно не волнует, но после каждого резкого движения Нади, я дёргался и отходил на шаг назад. От неё можно было ожидать чего угодно, и именно это пугало.

Сейчас её вид не произвёл на меня никакого впечатления: прошло время, и я привык видеть Надю в таком состоянии.

– Что такое? – повторил я, подойдя к ней.

Она проигнорировала вопрос, продолжая глядеть в окно.

– Ты принимала лекарство?

Я принёс ей несколько таблеток и дал запить водой.

– Поговори со мной.

– Я не умею.

Надя отошла от окна и села в кресло. Она облокотилась на колени, закрыла лицо руками и заплакала. Я так и стоял неподвижно у окна, засунув руки в карманы, и молчал.

К приходу тётя Марины Надя успокоилась. Тётя зашла с пакетами, набитыми продуктами. От тяжести её лицо покраснело и покрылось испариной. Я взял их у неё и отнёс на кухню. Тётя молчала и почему-то не смотрела мне в глаза. Она пошла за мной следом, села за стол и, кивнув на него, сказала:

– Присядь, Дима.

Когда я сел напротив неё, она положила руки рядом с моими, словно хотела накрыть их, но не решалась. Её лицо было осунувшимся, серым и безразличным.

– За время, что мы провели вдвоём с Надей в этом доме, – помолчав, начала тётя Марина, – мы изрядно отвыкли от общества, одичали, понимаешь?

Она посмотрела на меня, но в её глазах не было ожидания ответа, и я промолчал.

– Нам оно и не нужно. Этот дом я купила после смерти мужа, вдали от суеты. Я хотела, чтобы Надя была как можно счастливее и спокойнее. Раз... другого ей не дано.

Голос тётки дрогнул, и она откашлялась, потом отвернулась, пытаясь скрыть свою уязвимость. Я почувствовал жалость к ней, но сомнение прокралось ко мне в душу и я, грубее, чем хотел, спросил:

– К чему вы клоните?

Надя замерла у входа. Она смотрела на тётку, сложив руки перед собой. Мне показалось, она поняла, о чём та собиралась сказать.

– На счёт денег не волнуйся. Я договорилась с Иннокентием. Он найдет тебе бесплатное место в общежитии.

– В общежитии? – от досады я выплюнул это слово и не заметил, как встал.

– Общежитие хорошее, не волнуйся. Оно новое, со всеми удобствами.

– А я не волнуюсь.

Видимо, на моём лице отобразилось всё, что я чувствовал, потому что тётка тоже встала и подошла ко мне. Она казалась уставшей и озабоченной проблемой, которая встала перед ней, но мне уже не было жалко её. Злость сдавила горло так, как не сдавливала очень давно.

Тётка коснулась моего плеча, но я отпрянул и рассмеялся, рассмеялся так, как когда-то смеялась Надя: слишком громко и слишком горько.

– Ты можешь приходить к нам, когда захочешь, но нам, правда, будет легче, если ты уйдёшь. Дима, пожалуйста, поведи себя как настоящий мужчина, а не эгоистичный мальчишка, и не устраивай сцен.

Тётка Марина улыбнулась такой тёплой улыбкой, что меня затошнило. Некоторое время я не двигался, не зная, что делать со всеми своими эмоциями. Досада, злость, обида, унижение, сожаление – слишком много всего для меня.

Я провёл рукой по лицу, пытаясь стереть с него всё то, что выдало бы, как сильно меня задела её слова.

– Понятно, – мой голос на удивление прозвучал равнодушно. Я прошёл мимо Нади, поднялся по лестнице, переступая сразу через несколько ступенек, зашёл в комнату и рывком поднял чемодан из-под кровати.

– Тебе не обязательно сейчас уезжать, Дима! – пытаясь докричаться до меня, воскликнула тётка с первого этажа.

Я не ответил ей, кидая вещи в чемодан с такой силой, что начало ныть плечо.

Не устраивать сцен, с усмешкой подумал я, кто бы говорил!

Вещи летели из шкафа на кровать, а затем с кровати – в чемодан и уже через пять минут он был доверху наполнен. Я еле закрыл его: руки вспотели и дрожали, и мне никак не удавалось схватиться за застёжку.

В комнате было темно и очень жарко. Заметив в углу гитару, я замер, затем подошёл и схватил её за гриф, собираясь отдать тётке. Сначала желание кинуть её прямо с лестницы было таким жгучим, что всё тело свело судорогой, но оно быстро поубавилось, и уже у прохода я замер, выдыхая последние остатки ярости. Я вернулся к кровати, сел, не выпуская гитары из рук, и закрыл глаза.

Вдох. Выдох. Вдох.

Я снова подскочил и ринулся с лестницы, два раза стукнувшись коленями о гитару, которую держал перед собой.

– Дима, ты успокоился? – тётка встала из-за стола. Её внешний вид казался ещё более удручённым.

Я повертел головой в поисках Нади и, заметив её через окно на крыльце, вышел на улицу.

– Хочешь, я сыграю тебе на гитаре?

Надя вздрогнула от неожиданности а, может, оттого, каким резким и даже диким был мой голос. Она посмотрела на меня и еле заметно кивнула. Её глаза были заплаканными.

Я сел справа от неё, и некоторое время пытался найти наиболее удобное положение. Сердце колотилось в груди, руки отчего-то дрожали, и на улице, казалось, похолодало.

– Странно, что я тебе ни разу не играл.

Я прокашлялся и поёрзал, прежде чем начать. Когда же мелодия полилась под моими пальцами, волнение прошло, и умиротворение, которое мне всегда приносит игра на гитаре, волной накрыло напряжённое тело и расслабило каждую мышцу, каждый нерв.

Все летние вечера похожи друг на друга и в этом их прелесть. Кажется, ты уже вечность сидишь на крыльце, смотришь на звёзды, ощущаешь еле уловимый запах дыхания цветов, а время всё тянется или не движется вовсе. Несмелый ветер остужает нагретое тело и ярость, что всё еще теплится где-то внутри, навевает романтическое настроение, которое днём вызывает насмешку, но в такие вечера кажется частью тебя.

Некоторое время я играл, не глядя на Надю, но её голос, так неожиданно зазвучавший, заставил поднять на неё глаза.

До этого я не слышал, чтобы она пела, и даже не догадывался, какой красивый у неё голос. Иногда он дрожал, иногда срывался, но было в нём что-то душевное, закрадывающееся в самое нутро. Надя пела тихо, и, кажется, всё вокруг притихло, вслушиваясь в каждое её слово.

Я знал эту песню и очень скоро подстроился под её голосок. Опустив глаза, она запела:

*Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.*

На мгновение Надя замолчала, закрыв лицо руками, и плечи её задрожали. Я прекратил играть, но она подняла голову, качнув ею, и продолжила петь:

*Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждёт.
Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.*

В окне я заметил тётю Марину. Она смотрела на Надю, поджав губы и хмурясь, словно ей было больно от этих слов. Тётя не двигалась и будто бы не дышала, но было видно, как сильно она напряжена.

Надя пела не о войне. А впрочем, подумал я, она сейчас как раз на войне, на войне с самой собой. Иногда Надя уходит в водоворот безумия, на фронт, и, кажется, что уже не вернётся, но, если её ждут и понимают, она приходит в себя. И пусть никто не верит, но Надя вылечится, надо только подождать.

*Жди меня, и я вернусь
 Всем смертям назло.
 Кто не ждал меня, тот пусть
 Скажет:- Повезло.
 Не понять, не ждавшим им,
 Как среди огня
 Ожиданием своим
 Ты спасла меня.*

Надя подняла на меня глаза и улыбнулась. Я улыбнулся в ответ, и мы оба запели:

*Жди меня, и я вернусь.
 Жди меня...*

Она рассмеялась, вытирая лицо рукавом. Тётя Марина вышла к нам на крыльцо и села рядом с Надей.

Некоторое время мы молчали, потом я снова начал играть совсем другую мелодию, весёлую и лёгкую, и мы следили за самолётом, пролетающим над нашими головами.

НАДЯ

Я сидела за столом, напротив мамы с Димой. Джинсы были мокрыми от того, как часто я вытирала о них вспотевшие ладони. Пахло курицей и зеленью, с окна порывами дул свежий прохладный ветер.

Я коснулась керамической тарелки перед собой, провела рукой по её блестящему круглому боку. Сердце колотилось в груди, голоса кричали, их нетерпение передалось мне, и я заёрзала.

– Надя, – сказала мама, но когда я подняла на неё глаза, она замолкла и, кивнув, улыбнулась.

Железная вилка из-за непривычки казалась тяжёлой и холодной. Мама взяла мою тарелку, но я схватила её за руку, испугавшись, что она заменит посуду на пластмассовую.

– Всё хорошо, я положу лапшу.

Я кивнула и отпустила её.

– Сейчас ты возьмёшь этот стакан, разобьёшь его и порежешь руку, поняла? – сказала Утонувшая Девочка.

Я дёрнула головой, наблюдая, как мама накладывает лапшу.

– Если ты не сделаешь это, она умрёт, ты хочешь этого?

– Будешь салат? – спросила мама.

– Да, – я улыбнулась, но снова заёрзала.

– Всё хорошо? – спросил Дима. Он посмотрел на меня таким пронзительным взглядом, словно слышал настойчивые указания голосов.

– Твоя мама жива, потому что ты всегда делала, как мы говорим, но сейчас ты не слушаешься! – взревела Утонувшая Девочка. – Ты хочешь проверить, умрёт ли она?!

– Да что ты с ней сюсюкаешься? – заговорил Старик. – Мы её сами накажем. Она же неумеха, со своим собственным телом справиться не может. Мы возьмём, да и сами прикончим эту старуху!

Дима всё ещё смотрел на меня, но его лицо расплывалось из-за пелены слёз.

– Прости, – сказала я, прежде чем схватить стакан, стукнуть им о стол и поднять самый большой осколок. Я успела порезать руку, но не достаточно сильно, и хотела порезать ещё сильнее, но Дима встал передо мной, и прошептал:

– Надя, посмотри на меня.

Я замотала головой, отводя глаза в сторону.

– Посмотри на меня.

– Надя...

– Подождите, оставьте её пока.

Дима обернулся к маме, взволнованно глядящей на меня, потом снова посмотрел мне в глаза и сказал:

– Я не знаю, почему ты это делаешь, но... может, не стоит?

– Стоит.

– Разве?

– Да.

– А если ты этого не сделаешь, что будет?

Я не решалась ответить, но при этом хотела, чтобы Дима не так сильно разочаровывался во мне. Я хотела, чтобы он понял, что я не просто так предала его доверие, и сказала:

– Мама умрёт.

– Понимаю, – кивнув, ответил он. – Это очень благородно, что ты спасаешь маму. Но ты больше поможешь ей, если не будешь этого делать. Ты веришь мне?

– Она умрёт.

– Я этого не позволю.

– Ну как же, не позволит! – захохотал Старик, стало так противно от его голоса, что я решила больше никогда его не слушать.

– Хорошо, – сказала я, протянув Диме осколок. Он взял его, улыбнувшись, и в его улыбке было столько одобрения и гордости, что я невольно улыбнулась в ответ.

– Что вы делаете? – спросил Дима у мамы.

– Меняю посуду на пластмассовую, не хочу, чтобы Надя опять порезала себя.

– Нет, – Дима покачал головой. – Мы будем есть из обычной посуды. Я доверяю Наде.

Некоторое время мама колебалась, но потом кивнула и оставила всё, как было.

Когда я села за стол, сердце снова ускорило темп, и руки стали холодными и липкими.

– Ты виновата перед ними. Ты столько горя принесла им, а они, – голос Утонувшей Девочки задрожал от отвращения, – они до сих пор верят в тебя. Ты должна как можно раньше развеять их иллюзии!

Я почувствовала усталость от нескончаемых, необоснованных – наконец-то я это поняла! – обвинений, и сказала:

– Я порвала те бусы, твои любимые, помнишь? Прости меня за это, мама. И за то, что сделала тебя несчастной. И за то, что убила папу, и за то, что мы обанкротились, тоже прости. Прости за всё, а то я больше так не могу.

– Почему ты извиняешься?

– Устраните причину, тогда пройдет и болезнь.

– Что?

– Так говорил Гиппократ. Я думаю, он прав.

Мама посмотрела на Диму, пытаясь понять, что я имею в виду.

– Просто простите её, – ответил он.

В эту секунду я со всей ясностью поняла, насколько всё это время нуждалась в прощении, не только в мамином, но и в собственном. Ещё с детства, видя, какие сильные у меня родители, я выставила планку, до которой была не в состоянии дотянуться, и обвинила себя в этом. Одноклассники только подливали масло в мой огонь самобичевания.

– Ты сама виновата, что тобой пользуются парни, – сказала как-то давняя подруга, и я ей поверила.

– А кто, как не ты, виновата в том, что все считают тебя высокомерной и бессердечной, – говорили другие, и я верила.

– Это ты виновата во всём, – говорила Утонувшая Девочка, и я соглашалась с ней.

– Тебе надо бы покончить с собой, – велел Старик, и я верила и ему тоже. Я верила всем, кто говорил, что я виновата и не слушала тех, кто твердил, что это не моя вина. Но я устала обвинять себя во всех грехах и хочу получить прощение.

– Конечно, я прощаю тебя, – сказала мама, глядя мне в глаза. Она помолчала, а потом шёпотом добавила:

– Девочка моя, конечно, конечно, я тебя прощаю.

За последние семь лет я впервые сидела за столом с нормальной посудой, и мне больше не хотелось порезать себе руки. Впервые за эти годы я ела как нормальный человек.

Очень часто я просыпалась среди ночи из-за голосов, из-за беспричинного страха, от того, что шея уменьшилась настолько, что не могла выдержать голову, набитую голосами. Я просыпалась по разным причинам, и все они превращали ночи в ещё одно поле боя.

В эту ночь я тоже проснулась, но не по какой-то причине, а по привычке. Долгое время я лежала в постели, пытаясь уснуть, прислушивалась к непривычной тишине, считала звёзды за окном. После нескольких неудачных попыток, я вышла на улицу, окончательно забыв про сон.

Я знала, что на улице прохладно и взяла с собой плед. Устроившись в беседке, я легла на спину и уставилась в небо.

Где-то за горизонтом уже светало. Луна замерла над домом, улыбаясь каменной улыбкой, и её глаза-кратеры смотрели куда-то вдаль. Шелестела листва, повинуясь ветру. Природа была наполнена звуками, но при этом в ней господствовала тишина.

– Что ты здесь делаешь? Всё хорошо?

Я обернулась на голос и увидела Диму.

– Да. Тебе тоже не спится?

Он сел рядом со мной и укрылся пледом.

– Я спускался воды попить и увидел в окне тебя.

Незаметно небо окрасилось в серый цвет, на периферии смешавшись с рыжими солнечными лучами. Звёзд поубавилось, и мне удалось их сосчитать: всего семнадцать штук. Мне было шестнадцать, когда все звёзды для меня погасли, и на сознание обрушилась мгла.

– Кем ты мечтаешь стать? – спросила я.

– Не знаю, – подумав, ответил Дима. – Раньше знал, а теперь не знаю.

– Почему?

Он пожал плечами, попросил подождать и ушёл, вернулся с пачкой сигарет и заговорил уже, когда закурил.

– Раньше я хотел преподавать детям богатых. Заниматься музыкой, которую люблю, и при этом получать хорошие деньги. А сейчас, – он поджал губы, потом грустно улыбнулся, – сейчас не знаю.

– Я хотела путешествовать по миру. Хотела жить в Африке, – улыбнувшись, я посмотрела на Диму. – Постоянно читала Жюль Верна, мечтала побывать в тех местах, о которых он писал. В Африку захотела после того, как в сотый раз перечитала «Пятнадцатилетнего капитана». Ещё я хотела стать врачом, как мама. Бесплатно лечить тех, у кого нет денег на хорошее лечение в больницах. Я столько побывала среди врачей, что стала понимать, какие подвиги они совершают каждый день, и как люди рассчитывают и надеются на них.

– Это же здорово. Ты можешь поступить в медицинский.

Я покачала головой и отвернулась, испугавшись, что сейчас заплачу.

– Как же я поступлю в университет, если еле закончила школу?

– Ты видела сейчас себя? Ты выздоравливаешь, Надя! У тебя всё лучшее ещё впереди.

Я посмотрела на Диму, пытаюсь понять, шутит ли он. Дима казался искренним, как и всегда.

– Ты вправду думаешь, что я выздоравливаю?

– Ну, насколько я могу судить. Это надо уже у тебя или у врачей спросить. Вот ты, как сама чувствуешь?

Я закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на ощущениях. Голоса молчали, и, если я и слышала мимолётом какие-то звуки, то не прислушивалась к ним, и они замолкали. Я коснулась лица; оно не казалось маскообразным, наоборот, – живым и подвижным. Грудь не разрывалась от пустоты, и голова не раскалывалась. Я чувствовала себя обычной до кончиков пальцев.

– Я всё ещё болею, – произнесла, открыв глаза, – я это чувствую. Но мне лучше. Определённо лучше.

– Вот видишь, – Дима потрепал меня по голове, точно младшую сестрёнку, и отвернулся, задрожав от порыва ветра.

– Знаешь, – сказал он, – сегодня год, как я к вам приехал. Кажется, прошла целая вечность.

– Ты сказал это как-то уж совсем грустно. Ты жалеешь?

Он резко обернулся ко мне и покачал головой, сначала медленно, но потом более решительно.

– Нет. Конечно, я не жалею. Просто, – Дима поджал губы и почесал горбинку носа. Впервые он выглядел таким растерянным и даже несчастным, – просто я теперь не знаю, что же мне нужно? Раньше я был в этом уверен, или думал, что уверен, но теперь всё перевернулось.

– Мне кажется, ты знаешь, что тебе нужно.

– И что же?

Я пожала плечами и сказала:

– Сыграй мне.

Он рассмеялся, оглядываясь.

- Сейчас? Тётя проснётся.
- Ну и пусть. Пусть просыпается. Сыграй мне, Дима.

ДИМА

Ещё мальчишкой я слышал родительские разговоры о Наде, в которых сквозила тревога и какое-то отчуждение, словно они говорили совсем о чужом человеке, но которого им было жаль. Я понимал, что моя двоюродная сестра болеет чем-то ужасным и необратимым, но не испытывал при этом никаких чувств, и обманывал себя, когда, хмурясь, говорил, что мне очень жаль.

Кто бы мог подумать, что эта далёкая, даже призрачная родственница, сошедшая с ума, станет так безразлична моему сердцу? Кто бы мог подумать, что, глядя на то, как она с улыбкой начинает танцевать под мелодию, что я играю, во мне проснутся какие-то глубокие, неведомые раньше переживания, искреннее желание счастья кому-то другому, кроме себя?

Надя встала со скамейки в беседке, как только я прикоснулся к гитаре. Я замер, пытаюсь понять, что она хочет сделать, но та лишь сказала:

– Продолжай.

Я начал играть, и Надина улыбка стала ещё шире. Она вышла на середину двора и принялась плавно размахивать руками, вертеть головой и топтать ногами, пытаюсь попасть в ритм музыки.

Её волосы в утреннем солнце казались не такими бледными, скорее просто лишёнными здорового блеска; глаза смотрели не сквозь меня, а отвечали на мой взгляд, может, даже глядели вовнутрь, в самую глубь, прожигая тысячелетней мудростью, какую обретают люди, увидевшие смерть за спиной.

Надя рассмеялась, и смех этот был совсем ребяческим.

– Смотри, как я умею! – воскликнула она, делая мостик, но качнулась в бок и упала.

Она обернулась ко мне и запыхавшимся голосом спросила:

- Тебе нравится играть, Дима?
- Да, – ответил я.
- И делаешь ты это не ради денег?
- Нет.

Надя улыбнулась и кивнула, будто узнала всё, что ей нужно было знать, а потом улыбнулась ещё раз, но эта улыбка уже предназначалась не мне.

– Мама, – нежно сказала она, – потанцуй со мной.

Она потянула тётю за собой, которая некоторое время противилась, но как только я заиграл, закружилась в танце с дочерью.

Я играл, не вставая, и глядел, как тётя Марина неуклюже наступала на ноги Нади, и как та задорно смеялась, отпрыгивая в сторону.

Я попытался вспомнить их в тот вечер, когда впервые увидел, но не смог. Словно разглядывая фотографию в темноте, я прокручивал в голове картину нашей встречи, но, кроме тёмных отблесков времени, ничего не мог разглядеть.

И снова, как уже несколько раз бывало, я почувствовал к тёте с Надей такую нежность и привязанность, что стало не по себе. Потом чувство неловкости прошло, и я улыбнулся, признавшись себе, что полюбил их.

- Что же тебе ещё надо? – спросил я себя. Но внутренний голос сразу зашептал:
- Много чего.

И тут же, как обычно бывает, когда находишь вещь, которая лежала у тебя под носом, и которую ты всё никак не замечал, я вдруг нашёл ответ на вопрос, так отчаянно мучавший меня в эту ночь. И найдя его, я успокоился и заиграл ещё отчаянней, еще более страстно, чем обычно, потому что всё, что требовалось душе, я уже получил, и Надя – тоже.

Ведь что нужно каждому человеку, сумасшедшему, бессердечному, меркантильному? В конечном итоге нам всем нужны всего две вещи: любовь и понимание, даже если мы не догадываемся об этом.

Я кончил играть. Надя обернулась ко мне, не выпуская руки матери, и улыбнулась. Я улыбнулся в ответ, видя, как меняется её взгляд, встретивший мой.

– Ты понял, что тебе нужно? – спросила она.

– Да.

Я помолчал некоторое время, вспоминая вечер, когда она пела песню, смысл слов которой воспринимала совсем иначе, затем прошептал:

– С возвращением. Мы тебя, похоже, дождались.

Она долго смотрела на меня, а потом улыбнулась:

– Спасибо, что ждали.

Но как только Надя произнесла это, её взгляд затуманился, а губы что-то зашептали. Она отпустила руку тётки Марины, которую всё это время не отпускала, и, пригнувшись, побежала в дом, на ходу отмахиваясь от видимых только ей демонов.

С её уходом исчезло что-то во мне, и я беспомощно опустил руки, продолжая глядеть на дом, словно ожидал, что Надя вернётся и скажет, что пошутила.

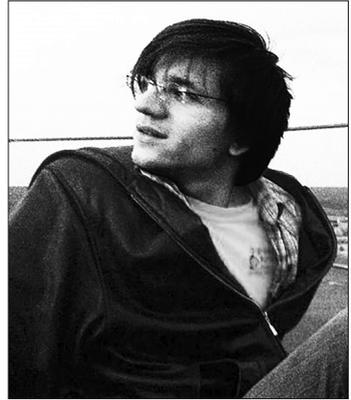
– Всё нормально, Дима, – сказала тётка Марина.

Тётка приблизилась ко мне и похлопала по плечу, потом медленно пошла по каменной тропинке, мимо гномов и зайцев и обернулась, поднявшись на крыльцо.

– Она ещё вернётся, – сказала она, – вот увидишь. Она всегда возвращается.

Алиса ЧОПЧИК начала писать в одиннадцать лет. Участвовала в конкурсах «Твоя первая книга», «Белая скрижаль-2012», «Сон», а также в фестивале «Бессарабская осень» (2014). Участница «Международного литературного фестиваля молодых писателей из России и стран зарубежья». Несколько её рассказов опубликованы в журналах «Интеллигент», «Южная звезда», в альманахе «Aesthetoscope».

Павел Полищук – победитель Литературного молодёжного конкурса «Взлётная полоса» в номинации «Поэзия». Лучший поэт 2015 года по итогам Республиканского конкурса «Творческая молодёжь – будущее русского мира Молдавии», организованного Российским центром науки и культуры совместно с общественными организациями соотечественников, при поддержке Посольства Российской Федерации в РМ.

ПАВЕЛ ПОЛИЩУК

«ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ ДОМОЙ...»

Мокрый асфальт – ржавое полотно металла,
 Лужи блестят, как после наждачки.
 Капель дождя на землю упало немало,
 Стирают серые облака
 неаккуратные небесные прачки.
 Отбиваю с подошв ржавчину,
 что прилипает и прилипала.
 Дорога вибрирует эхом машинных сигналов.
 Нелепый мир, сшитый по левым лекалам,
 И я – нелепый. В него одетый,
 Как после маскарадного бала,
 Бреду по чужим улицам
 в поисках автовокзала.
 За спиной рюкзак, там тёплый свитер и книга.
 Как маракас с каждым шагом звучит «Тик-так».
 Осталось полпачки.
 На столбах
 объявления, реклама фильма
 про монголо-татарское иго.
 Кот прошмыгнул в подъезд.
 Мну зубами безвкусный кусок жвачки.
 Дома и дороги одинаковые, как копипаста.
 От этого усталый глаз
 говорит: «Всё, баста!»
 И тело подтверждает: «Баста!
 Я пас!».
 Больше ни шагу.
 Собираюсь упасть.
 Подхожу к оврагу.
 Глубоко вдыхаю осеннюю влагу
 И вдруг
 вспоминаю
 о нас.

Все дороги ведут не в Рим.
Не ври! Все дороги ведут домой.
Это то, что живёт внутри,
Это то, что всегда с тобой.

Золотая монета с оттиском «Солнце»
Сползала в карман горизонта.
Так День расплавивался
за восемь-девять часов отдыха
С вступающей на смену Ночью.
Облака потёртой джинсой рвались
И клочками валялись нам на головы,
Пропадали в темноте.
Неведомый Бог опускал чайный пакет
в жидкий космос,
И с каждым разом небо становилось всё темнее,
Как заваривающийся
чёрный и терпкий чай.
Смотреть сквозь него –
Как пытаться смотреть сквозь веки.
Хотя, может быть, только это и имеет смысл,
Так как теперь каждый шорох – это
Удар торовского молота,
И бледная свеча в далёком окне
Ярче десяти сияний гелиосовской колесницы.

Нет, вы не правы, я не просто сон!
И вы не правы, я не пробужденье!
Будильник я, я – дерзкий звон,
Трясущий, не давая откровенья.

Я не пророк. Порок в груди бичом
Терзает душу, вызывает жженье.
Я спрятал боль, и морда кирпичом
Не выражает зла и сожаленья.

Нет, я не север и не путь к нему,
А только стрелка компаса. Я – символ
И узкий след, протоптанный в снегу
Ногами шедших к цели пилигримов.

Нет, я не пламя и не ураган,
Ни звук, ни тишина, ни танец,
А только тот, кто этот балаган,
Слывущий миром, чёрный смалец,
Старается хоть как-то раскачать,
В надежде тщетной, что когда-то может,
Восстанет изо тла святая рать
И выбелит его и смысл вложит.

В эпоху тотального распада,
Когда одни говорят: «Смерть рядом!»,
Другие возражают: «Не правда!»,
Кто там застыл во главе парада?
Это философ вдруг понял Сартра.

Во времена массового молчания,
Когда живые молчат в отчаянье,
А мёртвые, в тишине остыв,
Кто там бубнит, игнорируя замечания?
Это композитор придумал мотив.

В эпоху невнятного застоя,
Когда одни кричат: «Построим!»,
А другие вопят: «Разрушим!»,
Кто там блюёт, за трибуной стоя?
Это поэт изливает душу.

Во времена приближения к катастрофе,
Когда забывают массово о Голгофе,
Когда религия – культ зрелищ и хлеба,
Кто это пальцем развозит кофе?
Это художник рисует небо.

В эпоху вселенского разлада,
Когда не верят в ворота Ада
И Золотого Града,
кто там застыл во главе парада?
Это философ забыл про Сартра.
Это Пророк, он услышал Голос.
Голос сказал одно слово: «Завтра».

Участница Литературного молодёжного конкурса «Взлётная полоса» Руфина Попович награждена Поощрительным дипломом.

РУФИНА ПОПОВИЧ

РАЗГОВОР НА БАЛКОНЕ

– И ты меня не понимаешь! Никто меня не понимает! Была бы жива мама! Ты знаешь, а ведь всё это было для неё. Почему она не дождалась? Почему? Я хотел, чтобы она пожила «по-настоящему», хотя бы на склоне лет. И когда она ушла, я думал, что она даже не успела пожить как человек. Как же я ошибался! Думал, что высокая должность, слава, деньги, превращают жалкое существование в жизнь. Нет, наоборот, они жизнь, настоящую жизнь, губят, превращая нас в жалких людишек, вечно куда-то торопящихся, суетливых, жаждущих только славы и денег, денег и славы. Сестра, знаешь, что самое страшное?.. Мы стали такими же.

– Что с тобой сегодня? Мне кажется, ты не в себе. О каком жалком существовании ты говоришь! Да мы, наконец, стали людьми. Посмотри туда, возле дерева, видишь? Обыкновенный бомж, без денег, без жилья, вот это он – «людишка», влачащий жалкое существование, а мы ЛЮДИ! Понимаешь, ЛЮ-ДИ!

– А сама не помнишь, как была такой же, как он? Как мы все такими были! Давно живёшь в собственной квартире и едешь на машине? А ты изменилась, сестра! Очень изменилась!

– И я изменилась, и ты изменился, но разве это плохо?

– Это очень плохо! Мы перестали ценить мелочи, мы начали забывать о главном. Когда в последний раз ты была у отца? А к маме часто ездила, пока она была жива? А со мной – когда в последний раз разговаривала? Ты приходишь, просишь денег, я тебе даю, ты уходишь. Мы не спрашиваем о чувствах друг друга. Сегодня, например, знаешь, где я был, что делал, кого видел, что чувствовал? Нет, и я не знаю того же о тебе. Сестра, пять лет прошло с тех пор, как наша жизнь изменилась. Ты хочешь сказать, что она изменилась к лучшему? Да я эту жизнь ненавижу! Я завидую этому бомжу возле дерева. Он свободен, а я – нет! Ему плевать, что кто-то сейчас с балкона богатого дома смотрит на него и насмехается! А мы – я, ты – постоянно думаем, что о нас скажут. Туда нужно пойти – чтобы не обидеть, сюда – чтобы быть в курсе событий, а для чего всё это? Скажи, только честно, показы мод, вечеринки, магазины, клубы – всё это тебе не надоело?

– Братик, я очень тебя люблю, но почему именно сегодня, когда я тороплюсь на показ, к которому готовилась полгода, именно сегодня, тебе захотелось излить душу?

– Показ... показ... показ... Сестра, в кого ты превратилась? Где та Анечка, которая любила своего брата, всегда выслушивала его, поддерживала, где она? Каждый день ты бегаешь по магазинам. Показы мод, дорогие тряпки, знакомства. Вспомни, как сама шила себе наряды. Помнишь то платье мамино, в белый горошек, шёлковое, как мама его любила! Помнишь, тебе было 16, в школе выпускной бал, вы с мамой всю ночь не спали, придумывали тебе наряд, мама перешила для тебя своё любимое синее платье в белый горошек. Как ты была счастлива тогда!

Вы шили, а я читал вам стихи. На следующий день ты была самой красивой на балу, и никто даже не догадался, что двадцать лет назад, в этом платье наша мама встретила нашего папу, и с того самого момента они больше никогда не расстались. А ты на выпускном балу встретила Мишу, и вы полюбили друг друга. Как думаешь, в том платье была какая-то магия?

– Магия? Знаешь, наверно, ты прав. Только оно не любовь дарило, а неудачников притягивало: мама прожила в нищете, и я бы с Мишкой, кроме нищеты, ничего не узнала.

– В бедности... Но они были счастливы!

– Большое счастье – не знать, чем накормить детей, во что их одеть, на какие деньги отправить в школу. Для своих детей я такого счастья не хочу!

– Чем накормить детей? Так ведь находили чем! Помнишь, как мы любили вермишель «Мивину»? Это же был для нас праздник. Помню, мама дала мне один лей и 50 банов и отправила в магазин купить один пакет той самой «Мивины». Я побежал в магазин. А ты сказала, что вскипятишь воду. Я положил деньги в карман, а когда пришёл в магазин заметил, что потерял 50 банов. Тогда я начал плакать, выбежал на улицу, осматривал каждый метр, где я проходил, я уже отчаялся, что не найду эту монету, боялся идти домой, и вдруг, чудо, я увидел её у наших ворот. Не было предела тогда моему счастью! Помнишь, чтобы было больше, мы налили много воды! Это было наше лакомство! Сестра, вспомни, как счастливы мы тогда были! А потом мама дала нам липового чаю и по одной конфете! Конфеты были разные, и мы с тобой поделили их, чтоб каждый попробовал обе! Почему ты молчишь? Помнишь?

– Нет, не помню. И вспоминать не хочу! Ни платье синее в белый горошек, ни Мишку, ни «Мивину», ни липовый чай, ни конфету – ничего! Скажи, разве ты хочешь такой жизни для своих детей?!

– Нет, не хочу...

– Тогда зачем говоришь, что в этом счастье?

– Я говорю о том, что мы изменились! Не ценим то, что у нас есть!

– Ты стал слишком сентиментальным после смерти мамы.

– Да, потому что была она – было счастье в нашем доме, поддержка, понимание. Она ушла – и всё ушло. Я не хочу больше так жить: дом – работа – развлечения. Когда в последний раз мы были в храме? Вчера отец попросил меня отвезти его в собор, исповедаться. Мы подъехали, отец вышел. А я остался ждать его в машине. Я думал о работе, об отчёте, который должен быть готов через неделю, и вдруг... Во мне всё перевернулось! То был звон церковных колоколов: «Бом-бом-бом-бом!» Я увидел много людей, тот звон был похоронным. Неведомая сила как будто порезала мне сердце. Ведь настанет день, и меня вот так будут нести, и никто не знает, когда придёт этот день. А если завтра, или через неделю, или через месяц? Оглянусь тогда я на свою прошедшую жизнь и что увижу? Грязь, пустоту. Нет, этого не должно произойти! Сестра, бросим всё, купим дом в деревне, будем жить там, работать в огороде, ходить в церковь! Посмотри в небо, здесь даже звёзд не видно, а в деревне оно не такое... Будем ночами смотреть в небо, искать созвездия. Сестра, ты согласна? Ты со мной?..

Но никто ему не ответил, сестра уснула. Звёзд не было видно ещё и потому, что тучи затянули небо, блеснула молния, и закапал мелкий тёплый дождь.

– А ведь это знак свыше, – сказал он, закрыл дверь на балкон, укрыл пледом сестру и ещё долго сидел у её изголовья, глядя её волосы и счастливо улыбаясь.

ГОД РОССИЙСКОГО КИНО 2016

ЕЛЕНА РОЙТБУРД

ПО-ПРЕЖНЕМУ ВАЖНЕЙШЕЕ

Когда-то плакаты с цитатой этого не модного нынче автора висели в каждом кинотеатре и даже в каждом сельском клубе. «Из всех искусств для нас важнейшим является кино» – ещё в первые послереволюционные годы заметил Ленин. И сегодня, почти столетие спустя, это утверждение актуальности своей не утратило. Ярчайшее тому свидетельство – Фестиваль российского кино «Свидание с Россией». Минувшей осенью он состоялся в Молдове уже в третий раз. Значение этого события трудно переоценить.

В ноябре 2016-го у нас снова пройдут Дни российского кино, ставшие уже традиционными. Кинофестиваль состоится вновь, благодаря инициативе Министерства культуры Российской Федерации, правительства Москвы, генерального продюсера Владимира Пирожка и всемерной поддержке Посольства Российской Федерации и Российского центра науки и культуры в Республике Молдова. Жителей Кишинёва и других крупных городов на правом и левом берегу Днестра ожидают встречи с лучшими новыми российскими кинолентами и любимыми артистами – легендами советского кино и творческими личностями современной России. В преддверье очередного фестиваля хочется вспомнить наиболее яркие моменты прошлогодней встречи.

В Кишинёве два государственных кинотеатра и несколько частных – многозальных. В некоторых крупных городах республики по одному кинотеатру. В большинстве же районных центров, не говоря уже о сёлах, смотреть кино негде. И даже там, где такая техническая возможность есть, у подавляющей части зрителей отсутствует возможность материальная: билеты стоят дорого. Конечно, есть телевидение и Интернет (правда, доступ к нему имеют далеко не все), но всё-таки большой экран – это совсем другие впечатления. Одна-

Зинаида Кириенко в гостях у кишинёвцев

ко государственная система кинопроката отсутствует, а частные прокатчики делают ставку в основном на западные блокбастеры. Никому из них в здравом уме и в голову не придёт приобрести для показа, скажем, фильмы для детей или мультики (как теперь принято называть их, анимационные), не говоря уж об артхаусном или документальном кино – на таких лентах денег не сделаешь.

Именно поэтому показы Фестиваля «Свидание с Россией» неизменно пользуются огромной популярностью: вход на все сеансы свободный, а в программе – только самые новые работы российских кинематографистов. Пустых мест в залах не бывает. Между прочим, от блокбастеров в восторге далеко не все зрители.

В состав делегации российских кинематографистов уже традиционно входят люди, чьи корни здесь, в Молдове. В наших краях родились генеральный продюсер фестиваля Владимир Пирожок, продюсер Наталья Мокрицкая, актриса Светлана Тома, композитор Евгений Дога, писатель Ион Друцэ. На прошлых фестивалях бывал выдающийся

режиссёр Алексей Учитель, чей отец, знаменитый советский режиссёр-документалист, народный артист СССР, родился в Тирасполе (где и был торжественно отмечен столетний юбилей выдающегося мастера, совпавший с проведением фестиваля российского кино). Приезжали к нам и писатель Аркадий Инин, перу которого принадлежит сценарий музыкальной комедии «Между небом и землёй», снятой в 1975 году на киностудии «Молдова-филм»; Алексей Рязанцев, директор кинокомпании «Каро Фильм», официально представляющей американскую студию «Worner Brothers» и в течение десяти лет сотрудничавшей с молдавскими прокатчиками, позволяя нашему зрителю увидеть такие знаменитые картины, как «Гарри Поттер», «Властелин колец», «Двенадцать друзей Оушена» и многие другие. С момента основания киностудии «Молдова-филм» здесь много лет работал оператор и режиссёр Вадим Дербенев. Не раз в советские времена бывала в республике прославленная Зинаида Кириенко.

Фестиваль год от года приобретает всё больший размах. На этот раз афиша включала около двадцати лент, выпущенных в 2014-2015 годах – мультипликация и художественные фильмы для детей, кинодокументалистика, картины для взрослых. В их числе «Битва за Севастополь», «Weekend», «Белые ночи почтальона Алексея Тряпицына», «Класс коррекции», «Вий 3D», «Развод по собственному желанию», «А зори здесь тихие...», «Милый Ханс, дорогой Петер», «Чародей равновесия. Тайна Сухаревой башни», «Зелёная карета» и другие. Были ленты и кассовые, и артхаусные – на любой вкус. Многие картины из программы

Участники фестиваля общаются с журналистами

*Ион Друцэ и Вадим Дербенев – авторы фильма
“Последний месяц осени”*

фестиваля – лауреаты престижных мировых кинофорумов. Некоторые фильмы молдавский зритель увидел раньше, чем они появились на экранах российских кинотеатров.

Важно, что фестиваль вышел за пределы Кишинёва: показы состоялись в северной столице республики Бельцах, южной столице Кагуле, главном городе Гагаузии Комрате и небольшом городке Твардица с преимущественно болгарским населением. И везде интерес к продукции российских кинематографистов и к членам делегации кинематографистов России был необычайно высок. Ведь, скажем, если бы не Дни кино России, где бы нам удалось увидеть, например, фильм «Поддубный» о великом русском борце? Или «Битву за Севастополь» (совсем недавно картина получила Национальную российскую кинопремию «Золотой орёл» как лучший фильм 2015 года), или экранизированную Верой Глаголевой повесть Тургенева «Месяц в деревне», или интереснейшие документальные ленты о выдающемся русском актере Владимире Зельдине и о великом танцовщике Рудольфе Нуриеве?

В 2015 году российский кинодесант возглавлял генеральный директор Госфильмофонда РФ Николай Бородачёв. На него большое впечатление произвело то внимание, с которым зрители отнеслись к фильмам фестивальной программы: ещё до официальной церемонии открытия на первом детском сеансе в зале яблоку негде было упасть. Интерес и внимание вызваны не только тёплыми дружескими чувствами жителей Молдовы к России, с которыми ничего не могут поделать, как ни стараются, многие страдающие русофобией молдавские политики. Подкупает, что фильмы российских кинематографистов дают пищу для ума и сердца, направлены на пробуждение в человеке лучших чувств.

Ещё одна важная миссия Дней российского кино – возвращение молдавскому зрителю... молдавского кино. Уже традиционно публике предлагают ретроспективу картин производства киностудии «Молдова-филм» из коллекции Госфильмофонда России, которые сегодня, к сожалению, негде увидеть. Старшее поколение любителей кино их не

Фестивальные встречи

помнит, а молодое просто не знает. Так, нам выпала редкая возможность увидеть первый молдавский фильм – экранизацию поэмы Емелиана Букова «Андриеш», сделанную великим Сергеем Параджановым, посмотреть знаменитый фильм «Дмитрий Кантемир», 40-летие со дня выхода на экраны которого было торжественно отмечено в 2014-м, а в 2015-м вспомнить замечательный «Последний месяц осени» по случаю полувекового юбилея создания картины.

Функция Николая Бородачёва была не только протокольной. Одним из важных моментов в программе фестиваля стало вручение министру культуры Молдовы Монике Бабук переведённых в цифровой формат трёх картин, снятых в своё время на киностудии «Молдова-филм» – «Сергей Лазо», «Где ты, любовь?» и

«Большая малая война». Фильмы были оцифрованы специалистами Госфильмофонда РФ. Передавая этот подарок главе молдавского культурного ведомства, генеральный директор Госфильмофонда выразил надежду, что теперь картины в новом качестве будут показаны по Национальному телевидению, чтобы их смог увидеть как можно более широкий круг зрителей.

В.Е. Рыбицкий, В.В. Пирожок, Л.А. Лацёнова, ведущий фестиваля Эвклид Кюрдзидис

После церемонии генеральный директор Госфильмофонда России Николай Бородачёв ответил на несколько вопросов журналистов.

— Как родилась идея перевести фильмы киностудии «Молдова-филм» в цифровой формат?

— Толчком стали политические события последнего времени. Политики делают всё, чтобы как можно дальше развести народы бывших советских республик. А культура должна сближать. Вот я и подумал, что нужно напомнить людям, что в своё время молдавская киностудия была одной из лучших в Советском Союзе, её фильмы славились и за рубежом. В коллекции Госфильмофонда хранятся работы всех киностудий СССР, в том числе и «Молдова-филм», включая прекрасную молдавскую мультипликацию. К сожалению, за последние двадцать лет эта коллекция ничем не пополнилась. В прошлом году мы в порядке эксперимента оцифровали картину «Дмитрий Кантемир». Опыт оказался удачным, и решено было идти дальше.

— Сколько стоит перевод одного фильма в цифровой формат? Сколько времени на это требуется?

— У нас очень хорошее современное оборудование. К тому же в фонде хранятся не копии, каждая из которых рассчитана максимум на 500 показов (те, что остались в Молдове, этот лимит давно исчерпали), а исходные материалы, негативы, с которых и печатались в своё время копии. На основе этих исходных материалов (при необходимости предварительно отреставрированных высококвалифицированными специалистами Госфильмофонда) и производится оцифровка. В среднем на один фильм уходит полтора-два месяца, и оценивается эта кропотливая работа в 20-25 тысяч долларов.

— В общей сложности оцифровали уже четыре картины. Кто финансировал?

— Пока всё делалось за счет средств Госфильмофонда. Это наш подарок Молдове. Но в дальнейшем, если молдавская сторона заинтересована в получении цифровых копий картин киностудии «Молдова-филм», она сама должна позаботиться о том, чтобы найти на это средства. Так мы работаем со всеми постсоветскими странами, включая Прибалтику и Грузию. Даже Украина, несмотря на происходящие там события, выделила деньги. Все стали интересоваться своим кино, своей историей. И это радует.

– Обсуждался ли уже этот вопрос с нашим Министерством культуры?

– Пока нет, но я обязательно специально приеду в Молдову для переговоров. Мы хотели бы заключить взаимовыгодное соглашение о сотрудничестве. Но инициатива должна исходить от молдавской стороны, а мы готовы пойти навстречу и предоставить скидки по оплате. Помимо этого, Госфильмофонд намерен подарить кинопередвижку – современную машину со специальным оборудованием, чтобы можно было показывать картины в районных центрах и сёлах республики.

– Когда-то именно так начинался кинопрокат.

– И эту практику необходимо возродить. Я и сам в своё время начинал помощником киномеханика, прошёл все ступени по лестнице кинопроката. С кино связана вся моя жизнь. И я точно знаю: ни один вид искусства не сближает народы так, как кино. Где бы мы ни устраивали показы российских фильмов, залы везде полны. И я очень рад, что и сегодня кинозал в Кишинёве был переполнен. Какие светлые, счастливые лица у людей! Я в Молдове впервые, но сразу почувствовал: здесь живёт очень близкий России народ, встречающий нас с открытым сердцем. Это убеждает, что российское кино востребовано здесь, это добавляет нам желания и энтузиазма восстанавливать утраченные, некогда очень тесные наши связи.

Инициатива Госфильмофонда ничего, кроме благодарности, вызвать не может. А вот оптимизм Николая Бородачёва разделить, к сожалению, трудно. Практически сразу после завершения Дней кино России правительство было отправлено в отставку, а новое получило в наследство пустую казну. К тому же правящий в Молдове альянс испытывает прямо-таки патологическую ненависть ко всему советскому и страдает открытой русофобией. В этой ситуации рассчитывать на то, что власти найдут деньги на оцифровку шедевров, созданных в советское время, да ещё в России, приходится едва ли. Не у Запада же просить! А вот подарки приносите – берём!

Захочет ли Россия после всех недружественных выпадов молдавских властей продолжать делать подарки – большой вопрос. Но то, что новое «Свидание с Россией» состоится в Год российского кино, было обещано твёрдо. Будем ждать с нетерпением!

Елена РОЙТБУРД окончила филологический факультет Кишинёвского госуниверситета. Работала в газетах – «Аргументы и факты в Молдове», «Труд-Молдова», «Кишинёвские новости». В настоящее время – заведующая отделом социально-экономических проблем еженедельника «Московский комсомолец» в Молдове. Публикуется также в газете «Русское слово» и ряде других изданий, в том числе электронных. Лауреат нескольких журналистских премий.

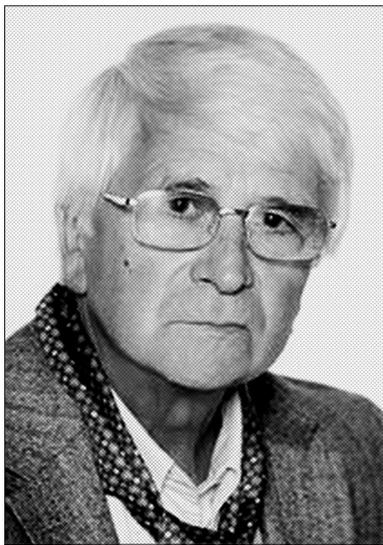
Эхо XX века

В прошлом году исполнилось 50 лет шедевр киностудии «Молдова-филм» – картине «Последний месяц осени», поставленной по сценарию Иона Друцэ. Фильм, снятый Вадимом Дербенёвым, занявшим в ленте преимущественно российских актёров, потрясающе точно и ёмко отобразил душу молдаванина – человека, живущего родной землёй; крестьянина, вросшего корнями, всем сердцем в неё – щедрую, радостную и печальную землю Молдовы. В кинотеатре «Одеон», в рамках фестиваля, о котором шла речь в корреспонденции Елены Ройтбурд, состоялся юбилейный просмотр картины, удивившей и очаровавшей зрителей своим лирико-философским, притчевым содержанием и профессиональным совершенством. Свет, ракурс, каждый кадр, продуманный, выверенный и одухотворённый, «авторский» голос Иннокентия Смоктуновского, повествующего об истории одной семьи, музыка композитора Эдуарда Лазарева, искреннее воплощение особенного «запаха», графики пейзажа, теплоты и мудрости народного характера – всё в совокупности оставило впечатление удивительного, непревзойдённого, небесного света.

В архиве Ольги Тиховской, ведущей рубрики «Эхо XX века», сохранился давний монолог мастера, воплотившего этот свет, режиссёра фильма Вадима Клавдиевича Дербенёва, который представлял своё произведение на фестивале. Предлагаем его размышления вниманию читателей.

ОЛЬГА ТИХОВСКАЯ

ОСЕННИЕ РАЗДУМЬЯ ВАДИМА ДЕРБЕНЁВА

Телефон долго не отвечал. Так долго, что припомнилась вдруг строчка из монолога № 1 всех времён и народов: «...погибают замыслы с размахом, вначале обещавшие успех...». Правда, никакого особого размаха не предвиделось. Замыслы – тоже громкое слово. Моим скромным планам было далеко до шекспировских масштабов. Намерения же были такие: дозвониться до Вадима Клавдиевича Дербенёва и попросить о встрече, чтобы записать воспоминания о ветеране студии «Молдова-филм» Ольге Петровне Улицкой. В сотрудничестве с этим кинорежиссёром – на съёмках фильма «Атаман кодр» в 1958 году – начиналась творческая биография Дербенёва.

К тому времени, когда я называла ему в середине 1990-го, Вадим Клавдиевич был уже на-

стоящим мастером кино, известным оператором, сценаристом и режиссёром, автором замечательных фильмов. Захочет ли он, спустя почти три десятилетия после своего кинодебюта выуживать из памяти «преданья старины глубокой»? Что вспомнит и чем – из незабытого – поделится со мной, если встреча всё-таки состоится? Эти негамлетовские вопросы тут же улетучились, когда я, наконец, дождалась – и ответа по телефону, и назначенной встречи.

После блужданий по коридорам, лабиринтам и закоулкам студии «Мосфильм» я оказалась в маленькой комнатке, где рабочий перерыв режиссёра Дербенёва, завершившего новую картину, превратился из обеденного – в мемуарный. Превращений не избежала и тема нашей беседы. Воспоминания об Ольге Петровне, о фильме «Атаман кодр» стали коротким вступлением к рассказу о другой картине, столь дорогой для Вадима Дербенёва, что ему было необходимо – пусть даже с таким случайным собеседником, как я, – вновь побывать в поэтическом мире, где на календаре – последний месяц осени¹. И месяц этот будет продолжаться до тех пор, пока Старик-отец на закате жизни идёт по свету в поисках ответного тепла.

Герой рассказа Иона Друцэ «Последний месяц осени» в отцы годился и самому писателю, и кинематографисту Вадиму Дербенёву, воссоздавшему историю молдавского крестьянина в чёрно-белой киноленте, полной поэзии, мудрости, духовного света. Возраст паспортный и возраст таланта – нет между ними прямой связи, не может быть уравнения.

В оригинале – на молдавском² – и в русском переводе рассказ Друцэ остаётся не стареющим и не устаревшим «маленьким» шедевром. Образы его современные и вневременны. Как в глубоком колодце вдруг замечаешь солнце, так и в этих пятидесяти книжных страницах формата 84×108 можно увидеть и небо, и землю, и прошлое, и будущее, и вечное, и настоящее.

«Ултима лунэ де тоамнэ» – певучая графика молдавской кириллицы сегодня рождает неизбежные ассоциации с тем, что нами утрачено; с тем, что нами – уничтожено.

...И с горчинкой хорошо распробованной мною бесприютной гастарбайтерской жизни перечитываю я теперь эти строки:

«Ушла осень, а вместе с ней кончилась пора гостей в Молдавии. Теперь уж, когда зайдёт речь о нас, уехавших, наши близкие задумчиво улыбнутся и подумают вслух: «Даст бог, будущей осенью свидимся...»³.

А тогда, на старте «лихих девяностых», почти за год до катастрофы – уничтожения нашей Родины, разрушения Советского Союза – я слушала и записывала вот эти осенние раздумья Вадима Клавдиевича Дербенёва:

– Когда Ион Друцэ писал для меня сценарий, я уже настроен был на то, чтобы работать с таким особым материалом. Сначала я прочитал рассказ «Последний месяц осени» и долго жил под впечатлением этой темы, образа Старика, осенней молдавской природы, какого-то жизненного итога. Я, конечно, понимал, что такая вещь может не сложиться, не получиться... Бессмысленно к ней приступить,

¹ «Последний месяц осени». Киностудия «Молдова-фильм», 1965. Автор сценария И. Друцэ. Режиссёр-постановщик и главный оператор В. Дербенёв. Оператор Д. Моторный. Художник-постановщик А. Матер. Композитор Э. Лазарев.

² Друцэ И. Ултима лунэ де тоамнэ: Нувелэ // «Нистру», 1964. № 1. П. 27–56.

³ Друцэ И.П. Последний месяц осени // Избранное: В 2-х т. Т. 1. Рассказы и повести. М.: «Молодая гвардия», 1982. С. 304.

если не будет найден исполнитель главной роли – Старика-отца. Было ясно, это должен быть человек, обладающий тонкой пластикой, владеющий мельчайшими нюансами мимической игры. Актёр, который может работать в документальной, высоко достоверной манере и сливаться с окружением, с массовой, с неактёрами. Актёр такого уровня, чтобы можно было его помещать в подлинную среду и даже снимать скрытой камерой. Вот это было эталоном, такого хотелось найти исполнителя на главную роль.

И, конечно, поиски актёров заняли основное время, хотя, надо сказать, что довольно быстро я вышел на Евгения Алексеевича Лебедева⁴. В итоге он один пробовался из всех кандидатов, о ком я думал и с кем вёл переговоры. Лебедев – единственный, в ком я не сомневался. Здесь, на «Мосфильме», я дал почитать сценарий Ольге Владимировне Шульгиной, с которой был знаком по своей первой постановке – фильму «Путешествие в апрель»⁵. Я уже с ней советовался о подборе актёров, зная её опыт. Она работала в качестве второго режиссёра, потом в картотеке актёрского отдела. Помню, когда я рассказал, какого хотелось бы найти исполнителя, она мне назвала ряд кандидатов. Особенно советовала съездить в Ленинград и посмотреть артиста Евгения Алексеевича Лебедева в нескольких товстоноговских⁶ постановках: «Поднятая целина» (дед Щукарь), «Варвары», «Карьера Артуро Уи». Первая информация от Ольги Шульгиной была такая: «Он молод (ему всего 46 лет). Но это удивительный актёр! Он малоизвестен, хотя у него были роли в кино. Он играл капитана Ромашова в старой постановке «Поединок»⁷. И за ним с тех пор закрепилось амплуа острохарактерного персонажа с отрицательным обаянием».

Это за Лебедевым тянулся такой «шлейф»! И сам он после нашей работы писал, оценивая её, что роли ему предлагали именно такие – негодяев, людей с мерзопакостной изнанкой.

Как мы с ним встретились? Я уже собрался отправиться в Ленинград, но тут узнаю, что БДТ приедет в Москву на гастроли. А я в Москве вёл подготовительную режиссёрскую работу, поиски исполнителей на все роли по картине. Гастроли проходили в Театре имени Вахтангова. Я посмотрел две постановки с Евгением Алексеевичем: «Поднятую целину» и «Карьеру Артуро Уи». Когда я увидел его в этих спектаклях, понял: это, бесспорно, талантливый, разнообразнейший актёр очень острого внешнего рисунка. Но мне нужна была встреча с ним. Надо было, чтобы он почитал сценарий. Я дал ему «Новый мир»⁸ с рассказом Друцэ. Евгений Алексеевич прочитал, и мы встретились с ним в номере гостиницы «Москва», где он жил во время гастролей. И вот эта беседа для меня стала окончательно

⁴ Евгений Алексеевич Лебедев (1917–1997) – актёр театра и кино. Народный артист СССР (1968). С 1956 года – в Большом драматическом театре (БДТ) в Ленинграде. Снимался в кино с 1952 года.

⁵ «Путешествие в апрель». Киностудия «Молдова-фильм», 1962. Авторы сценария Д. Василиу, Л. Рутцкий, А. Бусуйок. Режиссёр-постановщик и главный оператор В. Дербенёв. Операторы Д. Моторный и В. Калашников. В ролях: А. Збруев, Р. Недашковская, К. Константинов, Р. Быков, И. Унгуриану.

⁶ Георгий Александрович Товстоногов (1915–1989) – выдающийся театральный режиссёр. Работал в Тбилиси и Ленинграде. С 1956 года – в Большом драматическом театре им. Горького (БДТ), которым руководил в течение тридцати лет.

⁷ Роль отрицательного героя Михаила Ромашова Е. Лебедев сыграл в фильме «Два капитана» (1957).

⁸ Первая публикация на русском языке в ведущем советском литературном журнале: Друцэ И. Последний месяц осени // «Новый мир», 1964. № 4. С. 68–97.

определяющей. Я больше не сомневался: это мой исполнитель! Передо мной сидел без всякого грима довольно сильный коренастый мужчина с крупным носом и большими залысинами. Полный энергии человек с кругловатыми плечами, широкой разлапистой ладонью, с крепкими пальцами. Я подумал: «Как это далеко портретно от того, что хотелось бы». Но когда мы начали беседовать о рассказе Друцэ, Евгений Алексеевич

Кадр из фильма “Последний месяц осени”

объяснил, как он это произведение почувствовал. Ему рассказ очень понравился, и он проникся интересом к моему предложению сыграть главную роль. Я слушал и вдруг увидел в глазах актёра – глаза героя. Глаза, которые начали жить под влиянием литературного произведения! Когда он заговорил о Старике-отце, что-то особое произошло в Евгении Алексеевиче, изменился внутренний настрой: актёр говорил, и его глаза в какие-то минуты становились прищуренными, со слезинкой. Именно такие моменты всё решили во время нашей беседы. Я понял, что нужно найти внешнюю экипировку для портрета, сосредоточить всё внимание на этих совершенно по-стариковски настоящих глазах Отца. Важно было добиться, чтобы грим не «вылезал», чтобы всё оказалось органично, по-кинематографически.

Обнадёживающим было то самое настроение глаз, которое появилось, когда Евгений Алексеевич говорил о своих чувствах. И для меня в этот момент стало ясно, что надо только его пробовать.

Я поехал в Ленинград, чтобы найти гримёра высокой квалификации. И таким явился для меня Василий Петрович Ульянов⁹ – гримёр на «Ленфильме», которого я знал по работе в картине «Горизонт» (я участвовал как оператор – с режиссёром Хейфецем¹⁰). Я знал, что это мастер высокого класса, и именно к нему приехал, чтобы вместе поискать грим Лебедеву. Надо было решить главную проблему: как подогнать возраст так, чтобы это не «выпирало», не казалось слишком театрально. Василий Петрович Ульянов очень помог мне: мы ставили опыты, искали варианты. Мне всегда казалось, что у Старика должна быть короткая жёсткая стрижка, которая дала бы округлость голове и сосредоточила внимание на глазах. Хотелось выстроить выразительный графический портрет. Попробовали короткий седоватый жёсткий «бобрик». Убедились: должно получиться, если идти в этом направлении.

Там же, в Ленинграде, я посмотрел ещё несколько спектаклей с участием Лебедева. И убедился, что это актёр грандиозный – для кинематографа! Когда я приглашал его на кинопробы в Молдавию, я ему говорил: «Это не пробы для Вас, а эскизы к роли, чтобы закрепить грим, поискать пластику, костюм». Я помню, мы снимали в Кишинёве, на Рышкановке. Район ещё строился, не весь сформировался. И где-то на краю леса нашли какой-то сарай. И там, на завалинке, я снял

⁹ Василий Петрович Ульянов (1910–1979) – художник-гримёр. С 1939 года – на киностудии «Ленфильм». Кинофильмы с его участием: «Золушка» (1947), «Овод» (1955), «Дон Кихот» (1957), «Дама с собачкой» (1960).

¹⁰ Иосиф Ефимович Хейфец (1905–1995) – известный кинорежиссёр. Его фильм «Горизонт» (1961) снимали три оператора: В. Дербенёв, В. Карасёв, А. Чиров.

Майя Булгакова в картине Вадима Дербенёва

сцену Старика со Старухой-женой (её играла Валентина Сперантова¹¹). Он плетёт корзину, а она что-то толчёт в ступке. Я использовал в картине этот эпизод, снятый на пробах.

На остальные роли было и по два-три кандидата. Подбирая актёров, я исходил из ансамблевых соображений, мне хотелось какого-то разнообразия. Николая Дмитриевича Тимофеева¹² я знал по фильму «Колыбельная». И пригласил его на роль тракториста. Пробовался ещё артист Авдюшко¹³ на эту роль – и тоже очень хорошо смотрелся. Но мне Тимофеев казался органичнее, хотя и Авдюшко был убедителен. В Тимофееве был особый такт, немногословность, выразительное молчание.

На Майю Булгакову¹⁴ я вышел довольно быстро. Я знал, что это актриса высокого драматического накала, очень яркая. Я знал её по ВГИКу, она до меня заканчивала актёрский факультет (на курсе Бибикова и Пыжовой¹⁵). Я запомнил её по студенческим работам, видел на каких-то показах. Она мне очень нравилась. Актриса яркая такая! Когда я узнал, что она «в положении», это только укрепило мои намерения пригласить её. Всё соответствовало роли: многодетная мама!

Валя Смирнитский¹⁶ – молодой актёр, который был знаменит в ту пору по фильму «Двое», был приглашён на роль Серафима. У него тоже были довольно удачные пробы.

Понсова¹⁷ моё внимание привлекла, наверное, благодаря Ольге Шульгиной. Когда я с ней встретился, сомнений не было.

С ролью лесника была большая проблема. Я долго взвешивал, колебался.

¹¹ Валентина Александровна Сперантова (1904–1978) – актриса театра и кино. Народная артистка СССР (1970). С 1944 года работала в Государственном центральном детском театре (Москва).

¹² Николай Дмитриевич Тимофеев (1921–1999) – актёр театра и кино. В фильме «Колыбельная» (1959) играл лётчика Лосева.

¹³ Виктор Антонович Авдюшко (1925–1975) – киноактёр. Народный артист РСФСР.

¹⁴ Майя Григорьевна Булгакова (1932–1994) – популярная киноактриса. Народная артистка РСФСР.

¹⁵ Борис Владимирович Бибиков (1900–1986) и его жена Ольга Ивановна Пыжова (1894–1972) – актёры кино и театра, педагоги. С 1949 руководили актёрской мастерской во Всесоюзном государственном институте кинематографии.

¹⁶ Валентин Георгиевич Смирнитский (г.р. 1944) – популярный актёр театра и кино. Народный артист России. В кино с 1963 года. Короткометражный фильм «Двое» снят режиссёром М. Богинным на Рижской киностудии в 1965 году.

¹⁷ Елена Дмитриевна Понсова (1907–1966) – актриса Театра им. Е.Б. Вахтангова. Народная артистка РСФСР. Преподавала в Высшем театральном училище им. Б.В. Щукина. В кино играла характерные и комедийные роли.

Сначала пригласил Иннокентия Михайловича Смоктуновского¹⁸, но он был занят, не мог приезжать на съёмки. Тогда я предложил ему сделать закадровый рассказ – от лица сына-писателя. И эта его актёрская работа много значила для всей картины. Образ сына-лесника важный. В центре – композиционно – новелла о леснике. Образ молодого, рано овдовевшего человека. Одинокого, со своим сложным духовным миром. Поиски продолжались долго. В итоге я вышел на студента филфака кишинёвского университета Виталия Фадеева. Важно было, чтобы он не «играл», а остался таким, каким я его увидел в жизни, каким почувствовал его. У него был тихий, затаённый голос, срывающиеся интонации. Когда я снимал, думал: «Ну ладно, кем-то озвучу, в конце концов». Но когда всё сложилось, я понял: озвучивать он сам себя должен.

Знаю, что его снимала в Одессе Кира Муратова¹⁹ в конце 1960-х. Картину свою я возил на Одесскую киностудию. Кира Муратова хорошо отзывалась о ней и заинтересовалась этим исполнителем. Я знаю, что он снимался у неё, у Радомира Василевского²⁰; этих картин я не видел. Виталий Фадеев был очень интересен в роли лесника. Но дальнейшей его судьбы я не знаю.

Весь этот актёрский ансамбль собирался вокруг Лебедева. Вокруг его персонажа, этой сутуловатой фигуры, с согнутыми в коленях ногами, с вязкой походкой, в костюме «за 40 рэ в полосочку», который мы, кстати, подобрали «живьём». Мы просто отдавали новые вещи людям и брали у них старые, поношенные. Кушма, корзинка, сапоги – все вещи для Лебедева мы собрали у людей. Евгений Алексеевич сам бродил по Кишинёву, заходил на базар, мы ездили с ним в сёла. Он наблюдал, слушал, смотрел, выпитывал. Изучая среду, много взял для себя – актёрски, пластически.

Я по первой профессии – оператор, поэтому для меня важна всегда изобразительная сторона, изобразительный камертон картины. «Последний месяц осени» – широкоэкранный чёрно-белая лента. Главный её рефрен: Старик и Земля. Мне очень важно было сочетание общих планов ландшафта и фигурки человека, которая «бороздит» эти пространства. Важно было остановиться на определяющих, лейтмотивных кадрах. В картине есть несколько таких моментов – визуально кульминационных.

Это когда Старик отправляется в путь и на дороге встречается с всадниками, которые приглашают его на свадьбу. Старик отведал вина, и тут же (от лица сына-рассказчика), за кадром говорится о том, что «осень – время свадеб в Молдавии, и, как говорит наш отец, умершие в конце лета теперь пожалеют». Ослепительная солнечная дорога, всадники в тёмных костюмах, Старик, который остановился между двумя конями, – он как бы причастился и прикоснулся к жизни, которая вокруг него, – и ушёл дальше.

Сцена у колодца, когда он вспоминает свою молодость, любовь, историю кувшина, от которого началась жизнь пятерых детей. Колодец я снимал где-то по дороге в Котовск. Всё было настоящее, и всё по крошечкам было собрано в разных районах Молдавии. Долина над деревней снята в Черновицкой области, там же снята и домушка на отшибе деревни – она стояла под горой и была на отлёте. Деревня – как ячейка огромного поселения людей.

¹⁸ Иннокентий Михайлович Смоктуновский (1925–1994) – великий русский актёр XX века.

¹⁹ Кира Георгиевна Муратова (г.р. 1934) – режиссёр и сценарист, создавшая значительные работы в современном кино.

²⁰ Радомир Борисович Василевский (1930–1998) – кинооператор и режиссёр. Снимал на Одесской киностудии. Поставил девятнадцать художественных фильмов, в том числе «Дубравка» (1967), «Шаг с крыши» (1970).

В этом мире, на этой Земле живёт Отец, который почувствовал, что семья распадается, уходят сыновья. Трагедия одиночества, разобщённости близких душ. Сама тема «Последнего месяца» давала возможность рассказать – через историю молдавской семьи – вообще о семейных взаимоотношениях, о нашем вечном не оплаченном долге перед родителями. Мало таких счастливых случаев, когда дети до конца сделали всё для своих постаревших родителей. Всё делают родители для детей, а вот чтоб дети отдали до конца свой долг – это бывает не часто. Человек так захлестнут своими заботами, так погружается в свой собственный мир, что не остаётся сил и души на родных стариков, когда они ещё живы. И это извечная драма человеческой жизни. Тем более, для нас, в России.

В 1966-м я показывал картину в Швеции. Для меня это была ценная поездка. Нас пригласили в Стокгольм, и «Последний месяц осени» смотрели студенты Шведского института кинематографии. Они понимали картину, она им нравилась, но для них эта тема была чужда. Сама тема для Западного мира не очень близкая. Там дети выходят из поля жизни своих родителей в 16-18 лет, живут самостоятельно, родители не вмешиваются в их жизнь. Нет для них обострённого чувства или драматизма в отношениях родителей и детей, не стоит так остро эта проблема. Там в психологии иное. А у нас эта традиция жива, мы так воспитаны.

Через драму молдавской семьи, которая распалась и теряет традиции, мне хотелось показать общечеловеческую утрату современной семьи, когда движение цивилизации стирает патриархальные устои, разобщает близких людей, отчуждает их друг от друга.

В Аргентине²¹ картину хорошо приняла аристократическая публика. После просмотра картины в зале началась овация, продолжалась пять минут. Зал встал, и жюри встало. Мы были потрясены, ведь фильм шёл без прямого перевода, только с субтитрами, где тексты были минимальны – просто одной строчкой на испанском языке. Но зрители всё равно почувствовали глубину, прониклись этой драмой.

Если проследить по картине, – это, конечно, лесная новелла, когда Старик стоит посреди леса и зовёт сына. Мощный пятисотлетний бук, который я снял под Черновцами, – огромное разветвлённое дерево. Дерево-символ.

Полёт Старика на самолёте – в какой-то мере, итог всей картины. И, конечно,

Афиша к фильму
«Последний месяц осени» (1965 г.)

²¹ В 1966 году, на VIII Международном кинофестивале в Мар-дель-Плата (Аргентина) фильм «Последний месяц осени» получил премию «Большой Южный крест», «Премии критики» и «Премии-симпатию» Актёрской ассоциации Аргентины.

финальные кадры, когда он проходит по уже знакомым нам местам – и снег белым саваном укрывает и Кишинёв, и колодец.

Вот это были камертонные, рефренные кадры. Человек и Земля – их неразрывность, их единство. И мне было важно, чтобы в картине прозвучала тема финала, тема жизни, прожитой так, что в ней выявляется глубокий смысл.

Старик-отец выполнил своё предназначение. Каждый из его детей унаследовал одно из его замечательных многообразных качеств. Лесник Антон – любовь к природе, сын-тракторист – ответственность перед землёй. Младший сын Серафим, который учится на ветеринара, унаследовал юмор Отца и его жизненную энергию. И наконец, сын-писатель – преемник духовного богатства Старика. Лирическую «долю наследства» получила от Старика и дочка Марина, женщина с какой-то невысказанной драмой в лице. Её трогательно сыграла актриса Маша Кремнева²². По-человечески это очень глубокая роль.

Драматичен и мотив прощания. Потому что последний месяц осени – это предпоследняя ступенька человеческой жизни, дальше – Жизнь уйдёт в космос, растворится в белом саване.

Съёмки закончились весной 1965-го. Я помню, именно в тот день, когда мы сдавали с Друцэ наш фильм на студии, в Кишинёве выпал сильнейший снег, хотя был май. Это было похоже на знамение – вдруг всё стало белым-бело! Хлопьями шёл снег и тут же таял. Всё вокруг белое. Потом сразу же сделалось тепло. И медленно оседал рыхлый, пушистый снег...

Нам хотелось, чтобы картина была тёплой и грустной – как наша жизнь, которая, сама по себе, полна противоречий, контрастов совершенно полярных: тепло и холод, жестокость и добро, бессмысленность и высокий смысл.

Серьёзность и глубина темы собрала и объединила нас всех, буквально окрылила. И каждый человек в съёмочной группе ощущал, что это не просто фильм – сняли и забыли. Каждому хотелось что-то своё личностное привнести, чтобы осталось определённое размышление о жизни, пусть камерное, частное, но такое, которое не утратит значение и через год, два, три, пять.

Фильм этот всегда был мне дорог. Я считаю, что он по сути своей не устарел, мне кажется, и сейчас мог бы жить. Мне больно и досадно, что картина на союзном экране, практически, завершила свою жизнь тогда же, в 1965-м году, когда была показана. Плохо была «прокручена», в летние месяцы, очень неудачно был дан ей прокат. И в итоге – на этом её экранная жизнь кончилась. Был ещё один показ по телевидению – в 1973 году или в 1974-м, с купюрами двух ключевых сцен, которые подверглись критике со стороны ЦК Компартии Молдавии и были вырезаны добросовестной цензурой, державшей нос по ветру. С тех пор эту ленту не показывали ни на телевидении, ни в кинотеатрах по стране. Состоялся показ в 1987 году в Молдавии, больше она нигде не демонстрировалась.

«Последний месяц осени» сняли с республиканской премии, потом фильм подвергался всяким обструкциям на разного рода идеологических совещаниях, а в 1970 году его уже вообще перестали показывать. Запрет на картину так сработал, что все копии куда-то исчезли из проката. Это горькая досада, потому что нравственный запас, который есть в этом произведении, мог бы, мне кажется, и сегодня приносить пользу.

²² Мария Николаевна Кремнева (1932–2012) – киноактриса. После окончания ВГИКа (1955) работала в кино и на телевидении, играла в Театре киноактёра (Москва). Снималась в фильмах «Шквал», «Аннушка», «Баллада о солдате», «Ехали в трамвае Ильф и Петров», «Вечный зов».

Я показывал отдельные фрагменты на творческих встречах, и всегда появлялся интерес к этому фильму. Он оставлял след в душах людей в те годы, но хочется, чтобы он нашёл своего зрителя и сейчас. Картина достойна иной судьбы. Не иссяк её нравственный клад. Я надеюсь, что она ещё будет жить на экране.

У меня есть и «Гончарный круг», по сценарию русского писателя Владимира Ионова. Там тоже герой типа моего Старика из «Последнего месяца». Это сельский гончар, живущий в согласии с окружающим миром. Но когда к мастеру пришло признание его таланта, он был уже стар и физически истощён. Я делал «Гончарный круг» в телевизионном объединении «Экран», и это картина счастливой судьбы: она раз шесть была в эфире. А съёмки в 1974 году шли у меня на родине, под Ярославлем.

И ещё один фильм этого направления – по повести Тендрякова «Шестьдесят свечей». Но он вообще, практически, не шёл на экране. Трагедия учителя, который празднует семидесятый день рождения (это третий мой семидесятилетний герой). Он живёт в маленьком российском городке, преподаёт историю. А в день юбилея получает письмо с угрозой убийства, подписанное «Ваш бывший ученик». Его обвиняют в том, что он «очаг общественной заразы» и его надо уничтожить. Понять такое трудно, и происходит суд человека над самим собой, подводятся итоги семидесятилетней жизни. Эту картину я сделал в 1988 году. И она была просто задавлена, почти нигде не шла.

У меня есть и три фильма-балета: «Спартак», «Балерина», «Грозный век». Я люблю детективы, поэтому снял «Тайну чёрных дроздов», остросюжетную «Загадку Эндхауза» и фильм о торговой мафии – «Змеелов». Мне неинтересно работать в одном и том же направлении. Я сознательно меняю творческие маршруты, чтобы потом возвращаться к какой-то знакомой стезе, но уже через определённый прожитый, пережитый этап.

Последняя моя картина «Охота на сутенёра»²³ – только сейчас окончена. Сделал я её на мосфильмовской базе, в маленькой хозрасчётной студии от Московского отделения Фонда культуры. Студия называется «Латерна Магика». За основу взята подлинная история, случившаяся в Москве. Сценарий писали совместно со следователем Московской прокуратуры Александром Львовичем Шпеером. Видел я всех прототипов своих персонажей на скамье подсудимых, посещал заседания суда. А потом фильм построил без суда и следствия. Просто рассказал о том, как происходит одно из типичных преступлений наших дней. Самая ординарная, обычная преступность. Разбойное нападение группы преступников на преступника другого рода – сутенёра, валютчика, фарцовщика.

Это жёсткая современная история. Я постарался рассказать её так, чтобы не было сплошной «чернухи», хотя там и нет ни одного положительного персонажа. В картине есть элементы юмора, сарказма. В целом, это похоже на фарсовый спектакль: такую возможность давала драматургическая основа. Разбойное нападение совершают преступники против преступника и знают, что он не может заявить, потому что сам «в бегах», сам вне закона.

Я постарался ввести некую альтернативную линию, не связанную с сюжетом. Игорь Тальков – очень известный певец и композитор – исполняет несколько пе-

²³ «Охота на сутенёра». Студия «Латерна Магика», 1990. Авторы сценария Вадим Дербенёв и Александр Шпеер. Режиссёр Вадим Дербенёв. Оператор Евгений Корженков. Композитор Игорь Тальков.

сен. Представьте – концертный зал, публика, и Тальков обращается к своим современникам. Его песни создают контраст с отвратительной сюжетной историей, создают своеобразные разрядки.

Мне кажется, сложился очень хороший актёрский ансамбль: молодые актёры, заявившие о себе, но ещё не замусоленные на нашем экране. Андрей Соколов (из «Маленькой Веры»), Игорь Волков (молодой Ломоносов), Аристарх Ливанов (играет директора рынка), актёр МХАТа Игорь Верник, одесский артист Яша Левинзон, московский актёр Сергей Векстер, Екатерина Кмит (дочь той самой Кмит²⁴), Вера Сотникова. Актёрская группа мобильная, живая, убедительная. Мы говорим об отвратительном. Но хотелось бы, чтобы наша история прозвучала предостережением. Мы обращаемся к зрителю мыслящему, к человеку, который способен – ещё способен – анализировать жизнь и контролировать свои поступки.

Эта картина о незащищённости людей в наших социальных условиях. Настолько обыденным стало отступление от норм нравственности: ничего нормально не сделаешь, ничего нормально не приобретёшь, нормально не заработаешь. И это всё вместе порождает плодотворную почву для беззакония. И каждый может оказаться либо соучастником, либо преступником.

К разговору об Ольге Петровне и романтическом «Атамане кодр» мы так и не вернулись. Странички с записью этой беседы временно пристроились в одной из моих папок с материалами о режиссёре Улицкой.

И всё казалось, что в другой раз получится договорить, довоспоминать...

А другого раза не случилось. Случилось – иное.

Мир, отразившийся в этих страничках, вдруг стал на двадцать пять лет старше. На четверть века дальше от того самого дня, когда на студии «Мосфильм», в небольшой рабочей комнатке, звучали раздумья художника, неуспокоенной души, человека, не предавшего свой талант даже в самые волчьи времена.

«Угль превращается в алмаз...». «Последний месяц осени» – в бесценный объект общего молдавско-русского культурного наследия.

«Ултима лунэ де тоамнэ» – наше неотчуждаемое наследство. Неоспоримая для любых разрушителей «улика» нашего духовного братства. В неделимой вотчине, в едином культурном пространстве Молдавии и России полувековой юбилей фильма, отмеченный прошлой осенью, – рубеж не предельный. Продолжение следует...

²⁴ Инна Алексеевна Кмит (1932–1996) – актриса театра и кино, режиссёр телевидения. Сыграла Иустинью в фильме «Атаман кодр» (1958) – первой самостоятельной операторской работе В. Дербенёва на киностудии «Молдова-филм».

Ольга ТИХОВСКАЯ родилась в Кишинёве. Тем, что знает и умеет, обязана своим учителям – Виктору Семёновичу Герману, Лидии Исаковне Кройтореску, Маргарите Борисовне Цвик, Людмиле Васильевне Лобзовой, Наталье Дмитриевне Алхазовой, Михаилу Григорьевичу Хазину. Работала в газетах – «Кишинёвские новости», «Железнодорожник Молдавии», «Зеркало». Сотрудничала с изданиями – «Советская Молдавия», «Вечерний Кишинёв», «Молодёжь Молдавии», «Деловая газета», «Славянский вестник», «В мире книг». После 1991 года участвует в образовательных и культурных проектах в Молдове, России, Украине, Германии, Польше, США, Испании в качестве переводчика, преподавателя иностранных языков. Занимается исследованиями в области прагматической лингвистики, истории культуры и биографики.

ОЛЬГА ГАРУСОВА

«ТРУДНАЯ У НЕГО ЖИЗНЬ, МУЧИТЕЛЬНАЯ...»

Имена журналистов, поэтов, беллетристов, печатавшихся в русскоязычной прессе межвоенной Бессарабии, в большинстве своём канули в Лету. Незнакомы современному читателю и кишинёвские авторы литературного журнала «Золотой петушок», среди которых особый интерес вызывает Владимир НЕДЗЕЛЬСКИЙ, близкий знакомый Буниных. Благодаря этому знакомству, в первом номере «Золотого петушка» был опубликован рассказ великого русского писателя «Третий класс» – случай для провинциального издания невероятный.

Кто же он такой, Владимир Осипович Недзельский, чья фамилия часто упоминается в одесской части дневниковой книги «Устами Буниных», а в примечаниях петитом сообщается, что он входил в одесское окружение Ивана Бунина? К сожалению, мы не располагаем даже фотографиями Недзельского. О нелепой гибели его личного архива рассказал в своём очерке Александр Огушевич («Русское поле», 2015, № 2(14)). Некоторые факты его биографии, содержащиеся в материалах следственного дела, приведены Юрием Колесником в очерке «Vladimir Nedselschi» («Basarabia pecunoscută», 2005 г., т. 6). Собственно говоря, это дело, хранящееся ныне в Национальном архиве Молдовы в фонде НКВД, и является основным источником биографических сведений о Недзельском.

Родился Владимир Недзельский в 1883 году в городе Бендеры в польской семье. Его отец служил бухгалтером на железной дороге. В детские годы с семьёй он переезжает в Одессу, где учится в Третьей гимназии; по окончании четвёртого класса оставляет «по бедности» учёбу и поступает на службу в страховое общество. В 1905 году женится на Елене Васильевне Боскович, дочери коммерсанта. Вскоре Недзельские уехали в Швейцарию, где прожили два года. Там Владимир Осипович овладел английским и в совершенстве – французским языком. Знание языков впоследствии выручало его в трудных жизненных обстоятельствах. Вернувшись в Одессу, вновь служил в страховом обществе, а с 1911 по 1920 годы – контролёром по народному образованию в городской управе. У Недзельских было двое детей – Сергей 1908 года рождения и Ирина – 1915-го.

Жена Недзельского, сохранившая девичью фамилию в качестве псевдонима, родилась в Одессе в 1881 году. Елена Боскович писала рассказы, была близка литературному кругу популярного до революции писателя А. М. Фёдорова. На даче Фёдорова на Большом Фонтане под Одессой часто гостил Иван Алексеевич Бунин, собирались местные и приезжие литераторы, художники, актёры. Бунины, бежавшие от большевистской власти, летом 1918 года поселились на Большом Фонтане, на так называемой даче Ковалевского. Там же жили и Недзельские. Они часто встречались и в городе, вместе переживали трагические события тех лет.

В начале 1920-го года Бунины навсегда покинули Россию. Недзельские остались, надеясь, что большевики долго не удержатся. В дневниковой записи Веры Николаевны Буниной от 24 января по старому стилю, в день отъезда, отмечено: «Утром был Недзельский, который уверял, что англичане оккупируют город, и что мы напрасно эвакуируемся». С утверждением Советской власти в Одессе сделали свой выбор и Недзельские.

В 1921 году они нелегально в районе Григориополя переходят Днестр, ставший советско-румынской границей. В просьбе о помиловании Владимир Осипович причину бегства из Советской России объяснял желанием спасти заболевших цингой детей и бедственным положением семьи во время пребывания в Григориополе, куда он получил «назначение». Однако, судя по всему, Недзельские изначально уехали из Одессы с целью перебраться в Бессарабию.

В Кишинёве Владимир Осипович работал подметальщиком улиц, затем – переводчиком в частной нотариальной конторе, давал уроки иностранных языков. С 1930 по 1938 годы он – штатный сотрудник «Бессарабского слова», самой популярной у местной русскоязычной интеллигенции газеты, один из самых деятельных участников литературной жизни Кишинёва 20-30-х годов. Елена Васильевна писала рассказы о людях ушедшей России, публиковалась в качестве театрального рецензента. Пробовал себя на литературной стезе и Сергей: в «Бессарабском слове» печатались отрывки из его романа «В старой усадьбе»; Ирина окончила здесь Художественное училище.

В 1928 году в Кишинёве гастролировала Пражская группа Московского Художественного театра, состоявшая из актёров-эмигрантов. Среди многих и разных откликов на спектакли выделялись ярко выраженной авторской интонацией и довольно профессиональным разбором постановок рецензии Владимира Недзельского в «Бессарабском слове». Последующий приезд Пражской группы в 1929 году им освещался подробно и обстоятельно.

В.Н., как он чаще всего подписывал свои статьи, предпочитал писать о гастролёрах. Посещения Кишинёва артистами из русского зарубежья им расценивались как события театрального сезона, «праздник для истинных знатоков, любителей и ценителей театра и искусства». Приехавший из театрального города, каким всегда слыла Одесса, Недзельский хорошо знал многих актёров-эмигрантов. Дарившие яркие художественные впечатления, они напоминали о прошлой, «безвозвратно утерянной» жизни. Сложный комплекс личных переживаний, радостные и ностальгические чувства «узнавания» критик пытался передать в откликах на спектакли «пражан» и Рижской Драмы, большой трагической актрисы Елены Полевицкой, Григория Хмары, Осипа Руничя...

С приходом Недзельского в «Бессарабское слово» жизнь русской сцены занимает значительное место на страницах газеты. По убеждению В.Н., смысл театра – «открывать человеческую душу» и потому он играет, не сравнимую с кинематографом, роль в «машинизированной» повседневности: произведения великих писателей или «горячие отклики современных авторов на современные недуги, волнения, недоумения», дают возможность «на миг хотя бы сосредоточиться на человеке, на себе, на внутреннем, на истинных родниках жизни, вечно и неизменно бьющих в душе человека, о которой так основательно забыли все».

Недзельский, ведущий театральный критик 30-х годов, внимательно следит за деятельностью русских трупп, поддерживает начинания осевших в Бессарабии

бывших одесских, московских, петербургских актёров и антрепренёров. Когда Василий Вронский, Елена Маршева, Михаил Муратов, Александр Вернер организовали осенью 1933 года театр «Драма и комедия», в газете открылась специальная рубрика «Театр». Рецензии с развёрнутым описанием ролей и редкие по тому времени проблемные статьи театрального обозревателя «Бессарабского слова» отличались глубиной авторских суждений о сценическом искусстве. Именно публикации Недзельского позволяют понять, каков был русский театр в Бессарабии конца 1920-х – 1930-х годов, и какие ожидания с ним связывала интеллигентная публика.

Газетная деятельность Владимира Недзельского не исчерпывалась театральной критикой. Журналист и редактор, он писал передовицы и статьи на экономические и политические темы, переводил романы и детективы. В «Бессарабском слове» был сильный литературный отдел, в котором печатались художественные произведения писателей русского зарубежья, а также советских авторов, рецензии на русские фильмы. Газета давала то, что хотели знать читатели. Однако ориентация на русскую культуру, наглядно выраженная на её страницах, говорила не столько о коммерческих интересах владельцев издания, сколько о принципиальной позиции Недзельского. Именно В.Н. определял культурную составляющую газеты. Как отмечает Елена Васильевна в письме Буниным, «у него вечная борьба с издателями газеты, приходится отстаивать каждую мысль. Трудная у него жизнь, мучительная». «Русофил», по аттестации сигуранцы, Недзельский не отделял свою жизнь от общей эмигрантской доли. До конца 1930-х годов он сохранял российское подданство, оставался гражданином исчезнувшей страны.

Его взгляды на русскую эмиграцию отражены во многих статьях на литературные темы и особенно рельефно – в посвящении Бунину. В юбилейной публикации о Тургеневе Недзельский подчёркивал, что писатель «был не только европейцем», но «прежде всего русским» и потому тургеневские произведения «для русского человека в его современном рассеянии – великое утешение и неложное обещание лучшего будущего».

После закрытия в 1938 году русскоязычных газет Владимир Осипович зарабатывал частными уроками иностранных языков. По его словам, «ждал прихода своей родины и встретил с энтузиастом приход Красной Армии».

С образованием МССР начались поиски и аресты «врагов народа». В августе 1940 года Недзельский был арестован вместе с бывшим издателем «Бессарабского слова» С. Судитом и ответственным редактором М. Орештером. Их обвинили в том, что «состоя работниками реакционной газеты «Бессарабское слово», субсидируемой либеральной партией финансового капитала, подсудимые \...\ на территории оккупированной Бессарабии, защищая интересы бояр, вели борьбу против рабочего класса и революционного движения». По постановлению Верховного Суда МССР В.Н. Недзельский был приговорён к высшей мере наказания, а Судит и Орештер – к разным срокам заключения. Отягчающим для Недзельского обстоятельством, усугубившим его «социальную опасность», явилось нелегальное бегство из СССР. Согласно классово-идеологическому подходу, эмигранты в первую очередь подлежали ликвидации. Владимир Осипович, как показывают материалы следствия, на допросах вёл себя очень достойно; в отличие от проходивших с ним по тому же делу, никого не оговорил, вину свою признал «формально», мотивируя написание антисоветских передовиц требованием хозяев газеты, без-

выходным, в случае отказа, положением. В просьбе о помиловании Недзельский говорил, что смерти не боится, но, думая и заботясь о близких людях, не хотел бы уйти из жизни как враг народа: «У меня семья и это тенью ляжет на неё». Ему не дали шанс «работой искупить свои ошибки». 21 января 1941 года приговор был приведён в исполнение.

Согласно информации одесского краеведа С. Лущика, в 1944 году Елена Недзельская и её дочь Ирина, в замужестве Ширяева, были арестованы и получили большие сроки заключения в ИТЛ. Елена Васильевна умерла в лагере в 1944 или 1945 году. Ирина Владимировна после освобождения «приезжала на трамвайную станцию бывшей дачи Ковалевского, разыскивая знакомых – бывших соседей по даче». Удалось ли ей встретить знавших и помнивших её родителей, неизвестно.

О безвозвратно ушедшем русском мире межвоенной Бессарабии нам и напоминают предлагаемые вниманию читателей статья Владимира Недзельского «Театр и искусство в Кишинёве» и беллетризованный очерк Елены Боскович «Из воспоминаний», опубликованные в «Золотом петушке».

Ольга ГАРУСОВА – научный сотрудник сектора «Этнология русских» Института культурного наследия Академии наук Молдовы. Родилась в Казахстане. По окончании театроведческого факультета Ленинградского Государственного института театра, музыки и кинематографии (ныне – СПГАТИ) получила направление в Кишинёв в Дом актёра Союза театральных деятелей Молдавии. С 1982 года работает в Академии наук. Публиковалась в различных кишинёвских газетах и журналах, в научных изданиях по вопросам современного театрального процесса Молдовы; истории театра, культурной и общественной жизни Бессарабии, русской эмиграции. Автор монографии «Карл Шмидт. Городской голова Кишинёва 1877-1903».

Театръ и искусство въ Кишиневѣ.

Кишиневъ отнюдь не бѣденъ мѣстными художественными и артистическими силами.

Здѣсь имѣются значительныя группы профессионаловъ, есть много лицъ, интересующихся искусствомъ и горячо ему преданныхъ. И все таки художественная и театральная жизнь Кишинева чуть теплится.

У насъ есть художники и притомъ несомнѣнно талантливые, но наши выставки картинъ представляють зрѣлище необыкновенно печальное.

У насъ есть консерваторія и очень хорошіе музыканты, но у насъ совершенно нѣтъ музыки, не бываетъ почти концертовъ, во всякомъ случаѣ, ихъ не было въ истекшемъ 1933-мъ году.

Наконецъ у насъ есть крупныя и талантливыя актеры, но нѣтъ театра. Вѣрнѣе, нѣтъ театра на русскомъ языкѣ. На государственномъ румынскомъ языкѣ есть прекрасный Национальный театръ, получающій огромную субсидію и этой субсидіей живущій, дающій прекрасныя постановки, имѣющій большую и отлично составленную труппу. Но и этотъ прекрасный театръ живетъ не своими силами и средствами. Своими силами никакое художественное предпріятіе въ Кишиневѣ существовать не можетъ, потому что, кажется, нѣтъ талантовъ, которые могли-бы побѣдить сонную индифферентность и непреодолимое равнодушіе не только широкихъ массъ кишиневской публики, но и кишиневской интеллигенціи. Поэтому, всякое художественное начинаніе, съ какимъ бы энтузіазмомъ за него ни принимались, замерзаетъ подъ ледянымъ дыханіемъ равнодушія кишиневской публики, съживается, принимаетъ самыя печальныя формы и кончается крахомъ.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительна борьба, которую ведетъ съ непробуднымъ сномъ кишиневской публики группа актеровъ, рѣшившая

основать въ Кишиневѣ театръ на русскомъ языкѣ. Группа эта состоитъ изъ такихъ опытныхъ, талантливыхъ и заслуженныхъ артистовъ, какъ Тамара Дуванъ, А. Маршева, В. М. Вронскій и М. Я. Муратовъ. Вокругъ нихъ собрались почти всѣ русскіе артисты Кишинева, среди которыхъ несомнѣнно есть способные и опытные работники сцены. Всѣ эти лица пошли на всѣ жертвы ради осуществленія своей идеи. Цѣны были назначены не общедоступныя, а просто смѣхотворно низкія. Артисты отказались отъ заработка, прекрасно обставляли пьесы, давали порой очень интересныя декорации, работали не покладая рукъ, дали исключительно интересный репертуаръ — но пока разбудить дремлющую кишиневскую публику не смогли.

А между тѣмъ прошелъ цѣлый рядъ очень интересныхъ пьесъ. Наибольшій матерьяльный и художественный успѣхъ имѣлъ „Ревизоръ“ съ блестящимъ Хлестаковымъ—Вронекимъ, отличнымъ городничимъ Муратовымъ и прекрасными городничихой—Маршевой и Маршей Антоновой—

Е. Маршевой и Т. Дуванъ.

Кромѣ того, отлично были разыграны „Касатка“, „Старый закалъ“, „Льсь“, „Екатерина Ивановна“, „Дѣти Ванюшина“ и многія другія пьесы. Наконецъ, былъ приглашенъ и гастролеръ г. Юрій Яковлевъ, изумительно сыгравшій рядъ ролей, изъ которыхъ несомнѣнно лучшей надо считать Лазаря въ „Биржевикахъ“.

Люди, любящіе театръ, затаивъ дыханіе, слѣдятъ за этой дуэлью настойчивости, талантовъ и любви къ искусству съ дремучимъ равнодушіемъ кишиневской публики.

Впрочемъ, въ этомъ году невезло и заѣзжимъ гастролерамъ. Огромнымъ художественнымъ успѣхомъ и соответствующимъ матерьяльнымъ пользовалась только еврейская артистка, талантливая Севила Пасторъ.

Потерпѣла матерьяльную неудачу, впрочемъ,

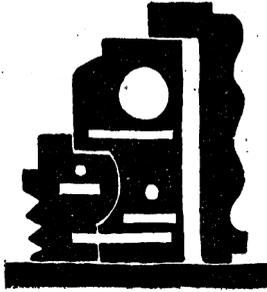
по причинамъ совершенно постороннимъ искусству и прекрасная русская артистка Е. А. Полевицкая, блестяще сыгравшая рядъ ролей, создавшая много прекрасныхъ образовъ, глубоко запавшихъ въ душу зрителя.

Изъ состава ея труппы выдѣлился талантливый Всеволодъ Орловъ, оставшійся на амплуа рассказчика въ театрѣ миниатюръ А. Н. Вернера. Вс. А. Орловъ сталъ любимцемъ кишиневской публики и, кажется, одинъ, кромѣ Севиллы Пасторъ, дѣлалъ или, вѣрнѣе, давалъ возможность антрепренеру дѣлать блестящія дѣла.

Конечно, кромѣ кишиневского вѣковѣчнаго и непробуднаго сна, въ бѣдности и неудачахъ нашей театральной жизни игралъ роль и тяжелый экономическій кризисъ.

Теперь въ экономикѣ чувствуется какой-то почти неуловимый сдвигъ къ лучшему, и поэтому будемъ надѣяться, что усилія артистовъ, преданныхъ театру, увѣнчаются успѣхомъ, и въ наступившемъ 1934 году у насъ будетъ театръ на русскомъ языкѣ.

В. Н.

Елена Босковичъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Въ эти дни, когда такъ много говорить и писать о Бунинѣ, не разъ вспоминалась мнѣ наша старая няня. Было лѣто восемнадцатаго года. Мы жили съ Буниными въ близкомъ и тѣсномъ сосѣдствѣ въ Одессѣ, на Большомъ Фонтанѣ, у моря.

Наша дача выходила на дорогу, ведущую къ морю, къ трамваю, въ городъ. И черезъ нашъ садъ, мимо нашего дома Бунинымъ ходить было и ближе и удобнѣе.

Иногда по нѣсколько разъ въ день пройдетъ Иванъ Алексѣевичъ мимо нашей террасы, скажетъ нѣсколько словъ и идетъ дальше.

— Гулять вечеромъ пойдемъ? Чувствуете какой неприятный вѣтеръ сегодня? Это—юго-западный. Лучше итти внизъ, къ морю.

Нянька съ маленькой Иринкой тутъ же вернется, на Ивана Алексѣевича смотреть съ обожающимъ.

Нянька была коротенькая, широкая въ плечахъ, рябая, безъ профиля, безъ возраста, съ маленькими веселыми глазками, любопытная и говорливая.

Говорила она быстрымъ говоркомъ, чисто по русски и каждую фразу сопровождала смѣшкомъ, ежели бывала весела, что случалось почти постоянно.

Мы часто развлекали нашихъ гостей, показывая какъ нянька спитъ. Подушекъ много, голова на самой верхней, ноги въ средину кровати упираются, а руки на животѣ сложены. Совсѣмъ стоитъ.

Душа и умъ ея были невинны, какъ у младенца.

Прибѣжала она какъ то ко мнѣ въ комнату встревоженная и говорить:

— Нѣтъ, барыня, какъ вы себя хотите, а Сереженьку наказать необходимо. Такое говорить, такое говорить, что слушать страшно.

— Надерзилъ вамъ?

— Хуже, дерзость снести можно. Никогда на

дѣтей не жалуясь. Чего на ребенка обижаться? А тутъ грѣхъ большой, настучите на него хорошенько, чтобъ не смѣлъ болтать пустое.

— Ну что же онъ такое сказалъ?

— Мало что сказалъ, еще и божится, что это правда,

Упрямый такой.

Она заглянула въ сосѣдную комнату нѣтъ ли тамъ когонибудь и, приблизившись ко мнѣ, понизила голосъ:

— Говорить, что море конецъ имѣть и что тамъ тоже берегъ есть и города стоять, а въ городахъ люди живутъ.

Она отошла на прежнее мѣста и уже громче добавила:

— Услышитъ кто чужой — пачетлѣніе ужасное.

— Ну, а что же, няня, за моремъ? Ну, вода вода, а тамъ что?

Съ укоромъ въ голосѣ няня отвѣтила: — Господь одинъ знаетъ, намъ этого знать не дано.

Не всѣхъ, кто бывалъ у насъ, нянька любила, не со всѣми бывала одинаково любезна. По тому, какъ она здоровалась можно было судить о степени ея симпатіи. Людямъ, которыхъ мало почитала, кланялась коротенькимъ поклономъ и здравствуйте говорила, тѣмъ, кого почитала больше — добраго здоровьяца желала и кланялась ниже, у частыхъ и симпатичныхъ ей посѣтителей освѣдомлялась, какъ ихъ Господь милуетъ.

Ивану Алексѣевичу кланялась въ поясъ радостно, весело и почтительно. Обращаться никакъ не рѣшалась. Какъ только Иванъ Алексѣевичъ мимо пройдетъ, няня непременно сообщитъ:

— Турецкій святой гулять пошли — веселые такіе.

Или:

— Турецкій святой въ городъ собрались, нынче какіе то озобоченные, здоровы ли?

— Отчего турецкій святой?

— А развѣ вы не видели ихъ въ халатѣ, какъ они по саду утромъ гуляютъ? Совсѣмъ, какъ естъ турецкій святой.

— Смотрите, няня, услышитъ Иванъ Алевсѣвичъ — обидится.

— И—и ни Боже мой, они сами смѣются любить.

Сегодня идутъ мимо насъ, а Ириночка стоитъ, ножками въ землю упирается, а головку наклонила, чтобы солнышко головку пригрѣло, а они остановились, съ минуточку постояли, посмотрѣли и спрашиваютъ:

— Что это ты, Ириночка, дѣлаешь? А она подняла на нихъ глазки, важно такъ посмотрѣла и отвѣчаетъ: — сохну голову. А они говорятъ: —ну, сохни, сохни!

Сами сурьезные, а глаза веселые да ласковые, и на меня взглянули весело такъ: „моль дитѣ малое“ и пошли дальше. Все бѣгомъ, за ними и не поспѣешь.

Какъ-то за ужиномъ рассказывалъ Иванъ Алексѣвичъ о своемъ давнишнемъ разговорѣ съ полицейскимъ приставомъ на какомъ-то литературномъ вечерѣ. Присутствующіе смѣялись такъ, что мѣшали Ивану Алексѣвичу рассказывать, а нянька, стоя у двери дѣтской, вытирала слезы передникомъ, уже плача отъ смѣха.

На другой день спрашиваю:

— Смѣшно вчера Иванъ Алексѣвичъ рассказывалъ?

— Очень смѣшно.

— А вы поняли о чемъ онъ рассказывалъ?

— Зачѣмъ понимать? И такъ смѣшно. Очень они занятно рассказывали, слушать очень интересно.

Какъ то передъ обѣдомъ я сидѣла въ саду на дальней скамейкѣ. Нянька появилась изъ за куста.

— Ищу васъ, ищу.

— А что, няня, пришелъ кто-нибудь?

— Нѣтъ, вертута готова. Я пришла спросить, не прикажете-ли Ивану Алексѣвичу отнести кусо-

чекъ, они ее очень любятъ, вертушкой зовутъ. У нихъ какъ разъ обѣдъ къ концу подходитъ, на закуску будет. Прошедшій разъ я имъ снесла, а они говорятъ: что это, няня, вертушка? А животь отъ нея не заболитъ?

— Ой, няня, вы что-то больно объ Иванѣ Алексѣвичѣ хлопочете, очень ужъ вы его любите. Отчего не вздумали Вѣру Николаевну вертушкой угощать?

— И то правда, я ихъ дѣвствительно уважаю.

— А за что?

— Какъ за что? Ихъ не уважать, ихъ не любить?! Да они такіе...

И замолчала.

— Ну какіе?

— Сами вы знаете какіе.

— Ну, все же, нянька, милая, скажите, за что вы Ивана Алексѣвича любите?

— За что, да за что? ну, за то, что они такіе.

Тутъ она разсердилась, покраснѣла и уже сердито объяснила:

— Ну, идугъ они по саду, а навстрѣчу имъ червякъ ползеть. Такъ и тотъ, небось, понимаетъ какіе они, чувствуетъ. А вы хотите, чтобы я не понимала. Сказать только не умѣю.

Она смущенно на меня посмотрѣла, боясь не разсердилась ли я за ея горячность, и уже со своимъ обычнымъ смѣшкомъ добавила:

— Одно слово, турецкій святой, дай имъ, Господи, здоровья на многія лѣта.

Нянькѣ не было дано знать, что за моремъ дѣлается, но ей было дано почувствовать, что тотъ, кого она любовно окрестила турецкимъ святымъ—человѣкъ необыкновенный, что „они такіе, ну такіе“ какого и червякъ ползущій по землѣ долженъ чувствовать.

Елена Таскович

ПЁТР ШОРНИКОВ

1990 г.

В Молдавии в «лихие 90-е» борьба общества за сохранение пространства русского языка, за свободу его использования во всех сферах деятельности оказалась тесно связанной с борьбой за правду истории. В эпицентре этих тревожных событий был историк Пётр Михайлович Шорников, тогда – председатель Республиканского совета Движения за равноправие «Единство» и депутат Парламента РМ. Очерки, предлагаемые вниманию читателей «Русского поля», – это научное исследование важной страницы новейшей истории Молдовы.

(Окончание. Начало в №1(15) 2016).

ЗАЩИТА РУССКОЙ РЕЧИ И МОЛДАВСКОЙ ИСТОРИИ

Главной потерей народов в период системного кризиса могла стать утрата исторической памяти. «Национализация» массового сознания в конце 80-х, в 90-е годы, политическое обособление бывших советских республик, курс на построение собственных идентичностей привели к возникновению «ощетинившихся» историографий¹. Реанимируя межэтнические счёты былых времён, обосновывая территориальные притязания, некоторые историки внесли свой пагубный вклад в провоцирование гражданской войны в Таджикистане, армяно-азербайджанской войны, войн между Абхазией и Южной Осетией с одной стороны и центральной властью Грузии – с другой, попыток официального Кишинёва вооружённым путём ликвидировать Гагаузскую автономию и Приднестровскую государственность².

Свою чёрную работу по одурачиванию нового поколения ложным изложением истории Молдавии историки-ревизионисты выполняли вполне сознательно. Не ограничиваясь пересмотром ключевых событий и фактов, они взяли на вооружение историческую концепцию румынизма, государственную идеологию Румынии. Противостояние историков-молдавистов с авторами, работающими в русле курса «История румын», стало неизбежно.

¹ Национальные истории в советском и постсоветских государствах. Под ред. К. Айермахера, Г. Бордюгова. М., «АИРО-XX», 1999.

² Шорников П. Поля падения. С.132-144.

Обвинение государства Российского в проведении в XIX – начале XX-го века политики русификации стали в Молдавии, как и в других союзных республиках, ритуальными задолго до кризиса СССР³. Они были продолжением большевистского курса на «обличение» «царизма».

В конце 80-х годов лишь актуализирована их относительно новая функция – исторического «обоснования» притязаний Румынии на Бессарабию. Начался новый этап идеологического противоборства учёных-молдавистов и политических конъюнктурщиков-румынистов.

В 1988-1989 годах историки Н.Бабилунга⁴, В.Гросул, А. Антосяк, В.Стати⁵ и, на первых порах, старейшина молдавских филологов академик Н. Корлэтяну⁶ опубликовали цикл статей, в которых, опровергая тезисы румынистов, доказывали: молдаване – самобытный народ, обладающий собственным национальным сознанием, самоназванием «молдовень», языком и лингвонимом «лимба молдовеняскэ» («молдавский язык»); **молдавская государственность на 500 лет старше румынской**, созданной в 1859 году. Молдавистам удалось доказать научную несостоятельность публикаций филологов-румынистов И. Думенюка и Н. Маткаша, пытавшихся обосновать перевод молдавской письменности на латинскую графику историческими и даже «техническими» аргументами: якобы набор молдавского текста латинскими буквами позволяет экономить газетную площадь.

Н.В. Бабилунга.

Однако страна переживала период концептуальной неопределённости, и на сознание политического класса научные аргументы определяющего воздействия не оказывали. В августе 1989 года смена графики молдавского языка была узаконена 13-й сессией Верховного Совета МССР, и молдавская национально-культурная идентичность утратила одну из своих опор. Была закреплена в Законе также ориентация литературного молдавского языка на стандарты румынского. Разрушительное воздействие на этногосударственные отношения в Молдавии оказал и продолжает оказывать другой закон злополучной 13-й сессии – «О функционировании языков на территории Молдавской ССР».

Фальсификация унионистами положения Бессарабии в системе государства Российского в 1812-1918 годах и тематика голода 1946-1947 годов, якобы спровоцированного сталинским режимом, побудили молдавистов к специальному изучению этих вопросов. Николай Бабилунга, сотрудник академического Института истории, подготовил краткую монографию «Население Молдавии в прошлом веке: миграция? ассимиляция? русификация?»⁷. Три вопроса в названии были призваны пробудить мысль читателей. Автор на фактах выявил несостоятельность чёрных

³ Подробнее см.: Бабилунга Н.В. Повторение пройденного: феодализм как светлое будущее Республики Молдова. – Тирасполь. Изд-во ПГУ. 2012. С.6-9.

⁴ Бабилунга Н. Наука – не игра в кубики. // «Советская Молдавия», 1988, 17 декабря.

⁵ Гросул В., Антосяк А. История с историей. // «Советская Молдавия», 1989, 20 июня. Гросул В., Стати В. Латиница: вымысел и правда. // «Рыбницкий металлург», 1989, 30 июня.

⁶ Корлэтяну Н.Г. Этапы развития молдавского языка. «Советская Молдавия», 1988, 9, 10 января.

⁷ См.: Бабилунга Н.В. Население Молдавии в прошлом веке: миграция? ассимиляция? русификация? Кишинёв, «Штиинца», 1990.

мифов о положении Бессарабии в составе Российской империи: в действительности губерния располагала едва ли не всеми возможными в то время привилегиями, её экономика, образование, культура развивались, а молдаване пользовались такими же правами, как и другие православные подданные. Спекулятивный характер тезиса о русификации молдаван автор опроверг данными статистики. За 106 лет пребывания Бессарабии в составе России численность молдавского этноса увеличилась в 6-7 раз.

Румынисты по-своему оценили книгу Бабилунги. Почти весь её тираж, 3855 экземпляров, был ими скуплен и, видимо, уничтожен. Вероятно, потому ликвидирован, что автору удалось раскрыть объективные причины неурожая и голода 1946-1947 годов в Молдавии и опровергнуть пропагандистские преувеличения действительного числа его жертв, показать основные меры, принятые правительством СССР в целях спасения голодающих. Быстро исчезла из продажи и брошюра другого сотрудника Института истории Бориса Бомешко «Засуха и голод в Молдавии»⁸. Однако издание книг Н. Бабилунги и Б. Бомешко осложнило компрадорам эксплуатацию двух ключевых тем их антигосударственной пропаганды: темы национальной политики России и темы послевоенного голода.

Сборник документов «Голод в Молдове»⁹, опрометчиво изданный унионистами с целью разоблачения «сталинизма», естественно, включал комплекс документов и материалов о мерах помощи голодающим, осуществлённых правительством СССР. На презентации тома в Институте истории литераторы Николае Дабижа и Григоре Виеру обвинили его составителей и авторов предисловия И. Шишкану и даже А. Царана, члена Совета НФМ, в пропаганде «сталинизма». Я пришёл на заседание с намерением «дать бой», но с этим прекрасно справились составители сборника и другие историки. Они деликатно разъяснили поэтам, почему нельзя подделывать исторические документы. В продажу книга не поступила, но и пропагандистская эксплуатация темы голода сошла на нет.

В 1990 году министр образования Молдовы Н. Маткаш без парламентского постановления или правительственного решения заменил в программах учебных заведений преподавание истории Молдавии курсом «История румын». Это был решающий акт идеологической оккупации республики иностранным государством, покушение на традиционную восточную геополитическую ориентацию молдавского народа. Методологически установочной для румынизаторов Молдавии стала книга румынского историка-националиста Петре Панаитеску «История румын»¹⁰, впервые увидевшая свет в Румынии в 1943 году, во времена нацистской диктатуры и войны против СССР, уже в 1990-1991 годах переизданная в Кишинёве. С той же целью появилась здесь и книга эмигранта, бывшего сотрудника Института истории партии при ЦК КПМ М. Брухиса, «Россия, Румыния и Бессарабия: (1812, 1918, 1924, 1940)»¹¹. По этим образцам молдавские авторы-румынисты подготовили в 90-е годы серию учебников, изданных в Кишинёве на румынском и русском языках. Аппарат Министерства образования РМ следил за учителями, добиваясь перестройки преподавания истории в унионистском духе. И всё же большинство учителей продолжали читать курс истории Молдавии. Их следовало снабдить научной литературой.

⁸ Бомешко Б.Г. Засуха и голод в Молдавии. 1946–1947. Кишинёв, «Штиинца», 1990.

⁹ Голод в Молдове, 1946–1947: сборник документов. Кишинёв, «Штиинца», 1993, 766 стр.

¹⁰ Panaitescu P. Istoria romanilor. Chişinău. 1990; Панаитеску П.П. История румын. Кишинёв, 1991.

¹¹ Bruhis M. Rusia, România și Basarabia: (1812, 1918, 1924, 1940). – Chişinău, 1992.

Первыми откликнулись на эту потребность историки и филологи-молдависты. В 1991 году ректор Приднестровского университета В.Н. Яковлев организовал издание в Тирасполе брошюры В.Я. Гросула «О терминах «молдавский народ» и «молдавский язык», а в 1993 году – двух брошюр давнего лидера молдавистов профессора-филолога И.Д. Чобану¹². Авторы отстаивали право молдаван на суверенитет в языковом строительстве и напоминали, что традиционная графика молдавского языка – кириллическая. Часть тиража трёх брошюр участники молдавского движения распределили по общественным и школьным библиотекам Молдовы.

После краха Советского Союза фронт идеологического сопротивления румынизму выстраивали историки старшего поколения, а также исследователи, сформировавшиеся в 80-е годы. Научному обоснованию положения о том, что Молдавия – изначально полиэтничное государство, были посвящены труды И.А. Анцупова¹³, И.Ф. Грека и Н.Н. Червенкова¹⁴.

В.И. Пасат¹⁵ раскрыл действительный характер и масштабы массовых перемещений населения, осуществлённых властями СССР в 40-е годы XX века, опровергнув сформулированный ещё пропагандистами режима И. Антонеску тезис унионистов о том, что жертвами депортаций являлись исключительно молдаване. В.Н. Стати¹⁶ выпустил монографию, посвящённую истории расселения молдаван к востоку от Днестра, и справочное издание «История Молдавии в датах», в которых раскрыл эволюцию молдавской этнокультурной идентичности, начиная с XIV века, а также межэтнические отношения молдаван и валахов, отношения Молдавского княжества и Валахии. В.И. Царанов¹⁷ разо-

В.Я. Гросул. 1991 г.

И.Д. Чобану. 1975 г.

¹² Чобану И.Д. Родной язык в моей судьбе. Тирасполь, 1993; его же. Слово о судьбе родного языка. Тирасполь, 1993.

¹³ См.: Топузлу Г.Н., Анцупов И.А. Очерки истории гагаузов в XIX в. Кишинёв, 1993; Анцупов И.А. Крестьяне Левобережного Поднестровья в дореформенный период. Кишинёв, «Штиинца», 1990; его же. Русское население Бессарабии и Левобережного Поднестровья в конце XVIII-XIX в. (Социально-экономический очерк). – Кишинёв, 1996; его же. Казачество российское между Бугом и Дунаем. Кишинёв, 2000.

¹⁴ См.: Грек И., Червенков Н. Българите от Украйна и Молдова: минало и настояще. София, «Христо Ботев», 1993.

¹⁵ См.: Пасат В.И. Трудные страницы истории Молдовы. 1940-1950. М., «Терра». 1994; его же. Суровая правда истории: Депортации с территории Молдавской ССР 40-50 гг. – Кишинёу, «Моментул», 1998.

¹⁶ См.: Stati V. Moldovenii din stînga Nistrului. Chisinau. 1991; Moldovenii la răsărit de Nistru. Chisinau. 1995; Istoria Moldovei in date. Elaborata: Vasile Stati. – Chişinău. 1998.

¹⁷ См.: Царанов В.И. Операция «Юг». О судьбе зажиточного крестьянства Молдавии. Кишинёв, 1998.

блачил измышления унионистов по поводу методов, использованных при высылке «кулаков» в 1949 году, и показал, что она была осуществлена по инициативе руководства Коммунистической партии Молдавии. И наконец, Л.Е. Репида¹⁸ опровергла ещё один пропагандистский тезис унионистов – о том, что в конце 40-х – 50-х годов правительством СССР проводилась экономическая политика, направленная на сокращение доли молдаван среди населения Молдавии.

Не располагая аргументами, позволяющими оспорить положения и выводы учёных-молдавистов, румынисты постарались не привлекать общественного внимания к их трудам, прибегнув к тактике замалчивания. Однако для некоторых работ они были вынуждены сделать исключение. Первая кампания очернения была развязана против автора труда «Молдаване в истории», изданного в 1993 году¹⁹. Писатель-историк использовал псевдоним идеолога румынизма Петре Панаитеску, подписавшись Петре П. Молдован. Книга была целиком составлена из выдержек из трудов классиков молдавской литературы, подтверждающих этнокультурную самобытность молдавской нации, раскрывающих её отношения с формирующейся румынской нацией, и не подлежала критике по определению. Но румынский гражданин Ифтене Поп, юрист по образованию, фактически популяризируя творение молдавского автора, выпустил книгу критики, по объёму превосходящую критикуемую работу²⁰. Ему удалось доказать несоответствие догматов румынизма правде истории. В научном сообществе Молдовы книга вызвала смех.

Приближалась 50-я годовщина окончания Великой Отечественной войны. У меня накопилось много неопубликованных архивных материалов, и я взялся за написание монографии «Цена войны»²¹ – о политике разрушения системы здравоохранения и санитарной безопасности, проводимой Бухарестом в оккупированной Молдавии в 1941-1944 годах и её социальных последствиях. Мне удалось выяснить факторы, масштабы и отчасти структуру демографических потерь, понесённых республикой в годы войны. Председатель Конгресса русских общин Молдавии В.И. Клименко изыскал средства и вовремя, в декабре 1994 года, издал работу.

Книга стала предметом ажиотажного спроса. Однако Клименко заподозрил, что имеет место организованная её скупка унионистами. Отказавшись от намерения покрыть расходы на издание, часть её тиража он завёз в штаб «Единства». «Цена войны» разошлась среди депутатов Парламента, активистов Движения за равноправие и учителей, членов Ассоциации работников просвещения и науки. Три десятка школьных историков, включая работающих в русле курса «История румын», получили эту книгу от автора.

Мера эта себя оправдала. В январе 1995 года сотрудник академического Института истории Вячеслав Ставилэ представил на обсуждение диссертацию о «конструктивной работе» румынской администрации по организации здравоохранения в оккупированной Бессарабии. Заседание шло своим чередом: со-

¹⁸ См.: Репида Л.Е. Население Молдовы в интеграционных процессах. (40-50-е гг. XX в.) Кишинёв, 2000.

¹⁹ Moldovan P.P. Moldovenii în istorie. – Chişinău. 1993; Молдован П.П. Молдаване в истории. – Кишинёв, 1994.

²⁰ Pop I. Basarabia din nou la răscruce. Replica la falsul grosolan “Moldovenii în istorie” semnat de Petre P. Moldovan, și altele asemanătoare. Ed. DEMIURG. 1995.

²¹ См.: Шорников П.М. Цена войны: Кризис системы здравоохранения и демографические потери Молдавии в период Великой Отечественной войны. Кишинёв, 1994.

искатель выступил с докладом о содержании работы, аудитория была настроена снисходительно. И тут доктор истории Л.Е. Бульмага, бывший член Совета Народного Фронта Молдовы, задал невинный вопрос: знаком ли соискатель с работой Шорникова «Цена войны»? Ставилэ выдавил: «Да!». «Почему же она не упомянута в диссертации? – продолжал Бульмага. – Почему вы не опровергли его измышления?». Присутствующие книгу прочитали и знали, что опровергать в ней что-либо окажется себе дороже. Соискатель молчал. Аудитория, состоявшая из людей, отрабатывающих румынские гранты, но – молдаван, разразилась хохотом. Обсуждение диссертации на этом закончилось.

Издание фальсификаторской книги было предотвращено, соискателю учёной степени пришлось писать диссертацию на другую тему. Наличие «Цены войны» в научном обороте сорвало целый ряд пропагандистских диверсий румынистов. Несколько других авторов, готовивших публикации по заказам из Румынии, вынужденные «опровергать» факты из книги «Цена войны», от заведомо провальных попыток сделать это отказались, и их работы изданы не были. Волну фальсификации истории Молдавии периода Второй мировой войны, подготовленную официальным Бухарестом на 1995 год, удалось сбить. Ни одного критического замечания по поводу «Цены войны» опубликовано не было. Правда, некоторые авторы позволили себе позаимствовать содержащиеся в ней факты и статистические данные без упоминания книги, прямо ссылаясь на приведённые в ней архивные фонды²².

«Научный» ответ румынистов последовал только в 1997 году, когда увидела свет монография А. Петренку «Бессарабия в годы Второй мировой войны»²³, написанная в целях оправдания оккупационной политики Румынии. Перечислив «мероприятия» румынской администрации, направленные на организацию экономической эксплуатации области, автор обошёл вниманием ключевые аспекты этой темы: бесправие и нищету населения, борьбу патриотического подполья и партизан, массовое вооруженное сопротивление крестьян и рабочих оккупационному режиму, политический террор и даже геноцид евреев и цыган. Книга вызвала в Молдавии резкую критику²⁴ и оказалась забытой. Возможно, не вполне заслуженно: треть её объёма составляют документы оккупационной администрации, содержание которых опровергает тезис автора о «конструктивном» характере политики румынских оккупантов.

После завершения вооружённой фазы Приднестровского конфликта «Единство» – инициированием, предоставлением исходной документации, организацией компьютерного набора машинописных текстов, выделением бумаги, спонсорскими средствами на оплату полиграфических услуг – способствовало написанию и изданию ряда печатных работ, направленных на разоблачение насаждаемой в Молдавии идеологии румынизма и антиславянского шовинизма. В их числе работы:

Какие судьбы готовят нашим детям? Документы и материалы о политике в сфере образования в Республике Молдова. 1991, май 1993 года. Кишинёв, 1993;

Лисецкий А.М. Право на самобытность. Брянск, 1993;

²² См.: Ангели Ф. Очерки истории гагаузов–потомков огузов (середина VIII – начало XXI вв.). Кишинёв, 2007.

²³ Petrencu A. Basarabia în cel de al doilea război mondial. 1940-1944. Chişinău, 1997.

²⁴ Рецензии на работу А. Петренку см.: Антиистория. // Glasul Moldovei. 2000, 28 martie; Технология забвения.// – «Кишинёвские новости», 2000, май.

Яковлев В.Н. Тернистый путь к справедливости. Тирасполь, 1993;

Человек труда, рабочий класс и современность. Материалы научно-практической конференции. Кишинёв, 1996;

Левит И. Движение за автономию Молдавской республики. Кишинёв, 1997;

Шорников П.М. Покушение на статус: этнополитические процессы в Молдавии в годы кризиса. 1988-1996. Кишинёв, 1997;

История Республики Молдова с древнейших времён до наших дней. Кишинёв, 1997. (На молдавском и русском языках);

Национальные отношения в Республике Молдова и пути их оптимизации. (Материалы «круглого стола»). Кишинёв, 1999;

Млечко Т.П. Быть или не быть? Русский язык в системе образования Республики Молдова. 1989-1999. Кишинёв, 1999.

Руссу И.Г. Заметки о смутном времени. Кишинёв, 1999.

Все эти издания вызвали интерес общественности, тиражи их были быстро распроданы, а их материалы вошли в научный оборот. Однако по степени воздействия на законодательную деятельность пальма первенства принадлежит брошюре «Какие судьбы готовят нашим детям?». Её раздали депутатам 13 июня 1993 года, в день голосования по проекту закона «Об образовании», брошюра способствовала осознанию ими национально-дискриминационного характера этого проекта, уже принятого в первом чтении. Даже оппоненты не посмели высказать каких-либо претензий составителю. Законопроект, не предусматривающий сохранение учреждений образования, функционирующих на русском языке, не был принят.

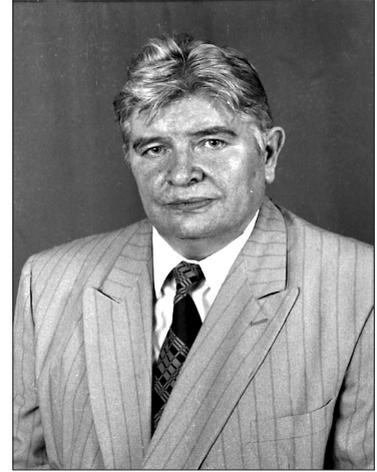
Книга «Покушение на статус», подготовленная как одна из мер, призванных предотвратить проведение языковой аттестации и национально-политической чистки в государственной администрации Молдовы, разошлась среди активистов Движения, депутатов Парламента и специалистов и повлияла на их взгляды по вопросам национальной политики, проводимой согласно «законам 13-й сессии». Она остаётся главным источником сведений о национально-политических гонениях в Молдове и наиболее цитируемой из работ, посвящённых этнополитическим процессам в республике в 90-е годы прошлого века. Используя её материалы, ряд сотрудников Института этнографии и этнополитики Российской академии наук²⁵ издали монографии, посвящённые событиям в Молдавии.

Наибольший общественный резонанс получила в республике попытка патристических сил вырвать из-под контроля унионистов преподавание идеологических дисциплин. Осенью 1994 года нам с В.Б. Сеником удалось договориться с В.Д. Чеканом и другими аграриями левых убеждений о мерах по возврату в программы учебных заведений курса «История Молдавии». В начале 1995 года при ведущем участии Валерия Борисовича в руководимой им Комиссии по образованию, культуре и науке была разработана «Концепция изучения в школах истории Молдовы молдавского языка и молдавской литературы». Затем Сеник переговорил с министром образования Я.И. Поповичем, своим давним знакомым. Министр был готов поддержать идею, но признал очевидное: в аппарате Министерства образования РМ преобладают румыны. Чтобы переломить ситуацию и подготовить общественное мнение, он предложил начать с создания при мини-

²⁵ Субботина И.А. Стратегия поведения русской молодёжи в странах нового зарубежья: Молдавия. М., ЦИМО, 1998; Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские Молдавии: миграция или адаптация? М., ЦИМО, 1998; Савоскул С.С. Русские нового Зарубежья: выбор судьбы. М., «Наука», 2001.

стерстве специальной комиссии учёных, призванной изучить вопрос о целесообразности возврата в программы учебных заведений этих курсов.

Сеник передал мне запрос министра на кандидатуру председателя этой комиссии: это должен был быть авторитетный учёный и, главное, человек твёрдых убеждений. Я назвал члена-корреспондента Национальной академии наук профессора-историка К.В. Стратиевского. Министр принял рекомендацию. Большинство членов комиссии составляли конъюнктурщики, опасаясь занять гражданскую позицию, тем не менее, Кириллу Васильевичу удалось настоять на представлении министерству положительного заключения по всем трём пунктам – об истории Молдавии, молдавском языке и молдавской литературе. Под давлением министра Я. Поповича коллегия министерства образования приняла решение о возобновлении преподавания названных дисциплин.

В.Б. Сеник. 2002 г.

Однако посольство Румынии располагало средствами на подрывную работу и сеть «некоммерческих» организаций, готовых взяться за выполнение заказа. Связанные с ними преподаватели учебных заведений Кишинёва вывели на улицы студентов и школьников. Организаторов манифестации следовало призвать к ответу за вовлечение несовершеннолетних в уличные беспорядки, но М.И. Снегур не желал ссориться с Бухарестом и местными «румынами». Президент наложил мораторий на выполнение Концепции. Полтора года спустя национально-политические метания стоили ему президентского кресла, но после неудачи 1995 года лидеры АДПМ отказались от попыток вернуть историю Молдовы в программы учебных заведений. Нам они объясняли свою позицию отсутствием учебника по истории Молдавии.

Что было делать? Этот вопрос мы не раз обсуждали с бывшим директором Института истории членом-корреспондентом Национальной академии наук профессором В.И. Царановым, и пришли к заключению: необходим новый синтез молдавской истории. В конце 1995 года я предложил Сенику организовать написание такого труда – при условии, что он найдёт деньги на издание книги. Переговорив с Я.И. Поповичем, Валерий Борисович согласился. Сформировать коллектив авторов и возглавить его я попросил Царанова. Владимир Иванович разработал план коллективной монографии и обязал меня написать три политически наиболее острые главы, посвящённые периоду Великой Отечественной войны и современным политическим процессам.

О гонорах, как и прежде, речи не было: учёные опасались гонений. Один из авторов, доктор истории В.Н. Поливцев, представил текст, но настоял на анонимности, его фамилия появилась в выходных данных только третьего издания этой книги в 2015 году. Но исследователи воспользовались концептуальной свободой. К концу 1996 года учебник «История Республики Молдова с древнейших времён до наших дней» был написан и сведён В.И. Царановым воедино. Содержание книги подтверждало вновь: **молдаване – самобытный народ, у Молдавии есть собственная история, отличная от «истории румын»**, на всём её протяжении они были на стороне России. Договорившись с Я.И. Поповичем об оплате поли-

графических расходов из фондов министерства, Сенник обеспечил издание книги на молдавском и русском языках.

Узнав о выходе «Истории Республики Молдова», румынисты из аппарата министерства образования фактически арестовали её тираж. Позднее книгу, всё же распространённую по каналам министерства, они постарались изъять из школьных библиотек. В.И. Царанову позвонил некий «бизнесмен» и выразил желание купить весь тираж книги с целью сжечь его. Но нарастающий в обществе спрос на правду истории стал очевиден политикам. Партия коммунистов предоставила средства на издание дополнительного тиража на русском языке (1000 экземпляров). Книга была передана библиотекам русских школ, а часть тиража поступила в торговую сеть.

Оппоненты попытались создать прецедент наказания должностных лиц за патриотическое деяние. 26 декабря 1997 года Ассоциация историков Молдовы (АИМ) направила по поводу выхода в свет однотомника «История Республики Молдова с древнейших времён до наших дней» Президенту РМ Петру Лучинскому и премьер-министру РМ Иону Чубуку «Меморий», в котором осудила «СНГ-овский феномен» и потребовала «отставки министра образования, молодёжи и спорта г-на Якова Поповича и заместителя министра г-на Влада Чубукчу, как лиц, блокирующих реформы в школе, в том числе изучение – преподавание истории»²⁶. Затем «с особым беспокойством приняло к сведению [...] действия по игнорированию научной истины о румынском языке и истории румын» собрание писателей²⁷, а вице-председатель снегуровской «Партии возрождения и согласия» Н.С. Андроник высказал в Парламенте мнение, что «некоторые государственные функционеры запятнали себя изданием учебника Шорникова»²⁸. Депутаты-унионисты направили правительству запросы по поводу источников финансирования издания «нелегального» учебника, а их сторонники из числа преподавателей вывели студентов на манифестации протеста.

Румынисты устроили по поводу выхода «Истории Молдовы» в свет пропагандистскую кампанию, продолжавшуюся более полугода. Иван Шишкану, бывший сотрудник Института истории партии при ЦК КПМ и ректор Кагульского филиала румынского университета, понял, что обоснованная в книге концепция молдавской истории представляет собой единственный возможный вариант государственной идеологии Молдовы, и выстраивать альтернативную концепцию не рискнул. Выступая с позиций румынизма, он лишь поставил авторам в упрек «потрясающую рекламу приднестровского сепаратизма в главе “Распад СССР. Провозглашение независимости Молдовы”». Смысл главы предельно ясен: в Кишинёве действуют “унионисты – враги молдавского народа”, настоящие молдаване – в Тирасполе, в ПМР, под мудрым руководством Игоря Смирнова». «Фактически, – признал Шишкану далее, – история Республики Молдова» [...] есть исключительно история российской, затем советской территории, которая только вследствие исторического несчастного случая, о котором авторы сожалеют, стала независимым государством. Если это была цель впечатляющего коллектива авторов – признаём, что она достигнута вполне»²⁹.

Публичный скандал в связи с изданием «Истории Молдовы» был политически выгоден «Единству» и Социалистической партии, но В.Б. Сенник предпочёл

²⁶ «Mesagerul», 1998, 23 ianuarie.

²⁷ «Literatura și arta». 1998, 12 februarie.

²⁸ Стенограмма заседания Парламента 5 февраля 1998 г.

²⁹ Șișcanu I. Istoria drept erzaț ideologic. //Arena Politicii. 1998. N4 (16). P.19.

оградить от гонений министра. 5 февраля 1998 года он довольно туманно высказался в Парламенте: «История Молдовы, написанная коллективом авторов, не является учебником, это дидактическая книга, то, что по-русски называется пособием, источник информации для тех, кто готовится к тому или иному уроку[...]. Это не учебник, повторяю, но я мыслю как учитель [...], поскольку здесь много учителей, профессоров, и все мы родители или деды. Преподаватель, готовясь к уроку, должен обращаться к разным источникам, это определяет уровень его профессионализма». При содействии Д.Г. Моцпана вопрос об ответственности Я.И. Поповича был снят с повестки дня.

Однако унионисты продолжили кампанию давления на правительство.

16 февраля 1998 года представители АИМ провели пресс-конференцию, в ходе которой вновь сообщили, что «Министерство образования выделило в прошлом году 30 тысяч леев на издание учебника «История Республики Молдова с древнейших времён до наших дней», написанного группой авторов из Ассоциации учёных, в числе которых и лидер парламентской группы «Социалистическое Единство» Пётр Шорников. В короткий срок были отпечатаны и распределены по школам 1000 экземпляров этого учебника на русском и 2000 экземпляров на румынском языке».

Организаторы конференции квалифицировали «Историю Республики Молдова» как «политический памфлет, написанный в интерфронтальном духе». Председатель АИМ Анатолий Петренко вновь потребовал «крови» – чтобы министр Попович и его заместитель Чубукчиу были привлечены к ответственности «за то, что профинансировали общественное объединение из бюджетных средств»³⁰. Румынские историки из академического Института истории подготовили 20-страничную рецензию, якобы разгромную, однако аргументов, способных опровергнуть позицию авторов «Истории Молдовы», у них не нашлось. Были свежи и воспоминания о парадоксальном эффекте распространения книги Ифтене Попа, и опубликовать свой текст они, к сожалению, не посмели. Президент П.К. Лучинский не мог позволить громить свою команду и на призыв не откликнулся.

Н. Дабижа не понял опасений историков. Надеясь устроить над книгой судилище, в июне 1998 года он с купюрами опубликовал в «Литература ши арта» предпоследнюю главу «Истории» – «Распад СССР. Провозглашение независимости Молдовы»³¹. Тем самым содержание исторической концепции, отражённой в книге, было доведено до сведения ещё одного сектора молдавской общественности. На перепечатку главы читатели-молдаване прислали только положительные отклики, никаких нападок на её содержание в газете опубликовано не было. Я получил от депутатов несколько ироничных поздравлений в связи с рекламой нашей книги, нечаянно устроенной Дабижей.

Румынский историк Иоанн Скурту, координатор пропагандистского синтеза «История Бессарабии», изданного в Кишинёве также на русском языке, квалифицировал «Историю Республики Молдова» как «фронтальную атаку на [румынскую] национальную историю» и обвинил её авторский коллектив в том, что он преследует цели «русификации румын междуречья Днестра и Прута, чтобы через несколько поколений никто уже из них не помнил своего латинского происхождения, и чтобы население восприняло бы как благодать господство России»³².

³⁰ «Mesagerul», 1998, 20 februarie.

³¹ «Literatura si arta», 1998, 27 iunie.

³² История Бессарабии (От истоков до 1998 года). Изд. 2-е. Кишинёу, 2001. С.14.

«История Бессарабии», признал он, написана в ответ на издание «Истории Республики Молдова». Книга, составленная руководимой им группой авторов-румынистов, изобилует отступлениями от принципа историзма, выдумками, недобросовестными трактовками и замалчиванием давно установленных фактов³³, тем не менее, она рекомендована к использованию в университетах Молдовы. Однако сам факт написания «Истории Бессарабии» подтверждал концепцию «Истории Молдовы»: молдаване – не румыны, у них есть собственная история, отличная от «истории румын».

Публичная полемика вокруг «Истории Республики Молдова» способствовала популяризации взглядов молдавистов и позиции «Единства» и СПМ, и оппоненты осознали это. Мою книгу «Покушение на статус» унионисты скупили, но, не желая привлекать к ней внимание общественности, обошли своей критикой. Как бы там ни было, но ряд затронутых в ней сюжетов, в первую очередь борьба русскоязычного сообщества за сохранение системы образования, функционирующей на русском языке, заслуживали специального изучения. Сам я был слишком занят текущей политической работой и документацию по этой теме, накопленную в штабе «Единства», передал в Отдел истории, языка и культуры русского населения Молдовы, в Академии наук РМ, рассчитывая, что она будет использована в будущем. Но темой заинтересовалась заведующая отделом, доктор педагогики Татьяна Млечко. Она взялась за сложную работу по написанию внеплановой монографии, заручившись только моим обещанием о содействии в её издании; о гонораре не было сказано ни слова.

Компьютеров было ещё мало, свою книгу Татьяна Петровна напечатала на

Т.П. Млечко. 1997 г.

пишущей машинке; компьютерный набор текста организовал ректор Приднестровского университета С.И. Берил. Книга была подготовлена к августу 1999 года. Получилось комплексное исследование по истории молдавского образования в языковом аспекте; оно содержало богатый материал о политической борьбе по вопросам языковой политики в сфере образования в 1989-1999 годах. Из фондов Движения за равноправие я выделил 800 килограммов бумаги. Полиграфические расходы оплатил председатель Кишинёвской общины россиян В.И. Клименко, он же организовал издание книги.

Монография Татьяны Млечко «Быть или не быть?» оказалась в центре внимания научной общественности, но вне критики: на этот раз оппоненты решили, что опровергнуть её положения и

выводы не удастся, а нападки послужат только её рекламе.

Гражданское общество Молдовы оказало сопротивление политике реформирования массового исторического сознания. Вернуть в учреждения образования курс истории Молдавии мы не смогли, однако молдавские историки-традиционалисты внесли решающий вклад в обновление исторической памяти молдав-

³³ См.: Оптика разбитого прицела. (Рец. на кн.: *Istoria Basarabiei. (De la începuturi pînă în anul 1998. Chişinău, 2001)*// «Коммунист», №22 (238). 2001, 1 июня; Стрельба по молдавской истории. Рец. на кн.: «История Бессарабии». Кишинёв, 2001. // «Русское слово», 2007. №2(142), январь.

— Марь Иванна, вам по истории румын отвечать, или как на самом деле было?

Рис. Л. ЗГЕРЯ, г. Чадыр-Лунга

Газета «Коммунист», 2003. №8(358). 28 февраля

ского народа и создали исторический дискурс, противостоящий официальному курсу «История румын».

Движению «Единство», общественности удалось замедлить разрушение существующей системы образования и отстоять в стране вертикаль воспитания, образования, функционирующую на русском языке. Мы способствовали сохранению молдавской исторической школы. «История румын» преподаётся в учебных заведениях Молдовы как обязательный курс, но большинство преподавателей сознаёт его научную несостоятельность. Начатая в конце 80-х годов XX века борьба за молдавскую историю продолжается и поныне.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО

Особую роль в формировании в массовом сознании «образа прошлого», оценок происходящего и идеалов будущего играли в годы кризиса СМИ. Их влияние на сознание общества возросло необычайно. И тут наши националисты получили бесценный подарок. В 1989 году правящая партия передала им под контроль республиканское телевидение, радио, а также газеты «Литература ши арта», «Молдова социалистэ», «Кишинэу. Газета де сярэ», журнал «Лимба молдовеняскэ», другие печатные органы, и новые хозяева разнузданно использовали их в целях раскола общества.

В то же время тиражирование программных требований и других материалов Интердвижения оставалось для нас проблемой. В отсутствие денежных средств мы лишь от случая к случаю выпускали газету «Единство».

В целях информирования отечественных и зарубежных журналистов участники Интердвижения кандидаты исторических наук А.В. Хейстер и В.А. Солонарь подготовили доклад «Права человека в Молдавии». В 1991-м этот доклад был дополнен и переработан автором этих строк. Осенью 1993 года обзорный документ, озаглавленный «Положение национальных меньшинств в Республике Молдова», журналист А.А. Квасников опубликовал в нескольких номерах редактируемой им тираспольской газеты «Днестровский меридиан». Материалы о нарушениях прав человека в Молдавии мы рассылали редакциям газет Москвы, Урала, Донбасса. При посредстве юриста Елены Мизулиной подборку материалов один из депутатов Верховного Совета Российской Федерации передал в канцелярию президента РФ Бориса Ельцина.

Однако главная арена информационной борьбы с наступающим национализмом и унионизмом была в те годы в Кишинёве. Здесь занимали гражданскую позицию редакции газет «Молодёжь Молдавии», «Вечерний Кишинёв» и «Советская Молдавия». Они помогали обществу сохранить политическое здравомыслие, а гражданам – ответственность за судьбы Родины. Мы выступали на страницах этих газет, а также – в парламентском печатном органе «Сфатул цэрий». Однако трудности в работе кишинёвских газет, противостоящих идеологической разрухе, нарастали. Летом 1989 года редактора органа ЦК КПМ газеты «Советская Молдавия» Виктора Лебёдкина, сотрудника этой газеты Георгия Павленко, известного журналиста Ирину Вишневскую, радиожурналистов Григория Шулимовича и Веру Вильтер, некоторых других работников СМИ, не согласных с разрушительной для гражданского мира линией партийного руководства, аппаратчики КПМ вынудили уволиться. От руководителя Гостелерадио МССР С.И. Лозана члены руководства Союза писателей Г. Маларчук и Д. Матковский потребовали примкнуть к румынистам. Лозан шантажу не поддавался, не уступил и тоже был смещён с должности.

Борьба за контроль над СМИ приобретала явно нецивилизованный характер. 18 сентября 1990 года «группа поддержки народного фронта», полсотни погромщиков, обычно дежурящих у здания Парламента, вломилась в редакцию газеты «Молодёжь Молдавии» в Доме печати. Им не понравился опубликованный в газете снимок Мирчи Друка, жестом римских легионеров приветствующего участников митинга в селе Лунга, пригороде Дубоссар. Семерых сотрудников, в том числе четырёх женщин, погромщики объявили заложниками, угрожая сбросить с пятого этажа. Объявили условия их освобождения: закрытие газеты, выступление по телевидению с извинениями за публикацию фотографии и даже визирование русскоязычными газетами – правда, не понятно кем – подлежащих публикации снимков с изображением официальных лиц Молдовы. Ответственный секретарь редакции Захарченко дал требуемые заверения, а вечером выступил по телевидению с извинениями. Тем не менее, на следующий день кабинеты редакции были сожжены. Некоторые сотрудники «Молодёжки» перебрались в Приднестровье, её ведущий публицист Никита Балашов эмигрировал в США. Газета была морально убита. Попытка реанимировать её, предпринятая литератором и журналистом Николаем Рошкой, дядей лидера НФМ, провалилась.

Той же осенью, 21 сентября, заместитель редактора газеты «Вечерний Кишинёв» Александр Александрович Квасников попросил меня зайти в редакцию к двум часам, заметив, что в это время туда намерены явиться «чита-

тели из группы поддержки НФМ». «Важно сбить их с ритма, – не без юмора пояснил он. – Увидят депутата, пошлют кого-нибудь спросить: «Бить или не бить?» – и мы выиграли!». В назначенное время я пришёл в редакцию. Штатные «пикетчики» не заставили себя долго ждать. Во главе их были Сырбу и Николэицэ, отбывшие не один тюремный срок, но полубезумная «тётка в тапках», дежурившая у здания Парламента с цветком в горшке, – её особенно опасались депутаты – отсутствовала. Толпа заполнила коридор и набилась в кабинет. От Квасникова визитёры потребовали, чтобы он говорил по-молдавски. На молдавском им ответил редактор газеты Павел Владимирович Кростов. И тут Сырбу разглядел меня. «А что здесь делает домнул депутат Шорников?!» – возмущённо спросил он Кростова. «Пьёт чай», – насмешливо ответил редактор. Я действительно сидел с чашкой чая.

Присутствие в редакции депутата сценарием погрома предусмотрено не было, и один из погромщиков, как и предполагал Квасников, побежал за указаниями: «Бить или не бить?». Я произнёс на молдавском несколько фраз: мол, диктовать журналистам, как им следует освещать события, недемократично и предложил «пикетчикам» покинуть помещение: «Убирайтесь, господа!». Визитёры подчинились. Возможно, их впечатлило не моё красноречие, а появление в кабинете редактора четверых любителей кун-фу, сопровождавших меня в те дни. Саша, старший из них, упрекнул: «Пётр Михайлович, нельзя же без нас ходить куда попало!». Как оказалось, потеряв меня из вида у Дома печати и увидев «пикетчиков», входящих в здание, ребята заключили, что «шеф влип». В общем, они были правы, но и расчёт Квасникова оправдался.

Унионисты сменили тактику, и нападений на редакции больше не последовало. Инициаторы погромов вновь пустили в ход аппаратные рычаги. Корреспондент московской газеты «Комсомольская правда» Валерий Ханцевич был лишён аккредитации, а фотокорреспондента Артёма Вареницу избили среди бела дня; аппаратуру его украли. Чиновники ЦК КПМ сместили Кростова с поста редактора, оставив без средств к существованию. «Вечёрка» разделила судьбу «Молодёжки». Осенью 1994 года Кростов зашёл в конце дня ко мне в Парламент. Лица на нём не было, от стопки коньяка и даже от чая он отказался. На днях, рассказал журналист, «неизвестные» подвергли его на улице квалифицированному избиению. Были повреждены внутренние органы, он полагал, что его дни сочтены. Так, заметил он, умели избивать румынские жандармы: человек умирал через два месяца. Ни молдавской полиции, ни медицине Кростов не доверял и за помощью обращаться не стал. Осмотреть его я попросил врача-депутата К.И. Спиридонову. Клавдия Ивановна расспросила Павла Владимировича, как его били, и пообещала, что качественная медицинская помощь ему будет оказана. Товарищи раздобыли дефицит того времени – мумиё, все нужные лекарства, Христева (это его настоящая фамилия) лечили лучшие врачи, но вскоре он умер.

П.В. Кростов. 1989 г.

Политика насилия и, особенно, убийство 18-летнего Димы Матюшина и смертельное избиение редактора «Вечёрки» Павла Кристова, возымели на журналистов «неоднозначное» воздействие. Своих политических взглядов они не изменили, но Александр Квасников, Лев Бакал, Алексей Марчков, Александр Котовский, некоторые другие переехали в Тирасполь, стали работать в прессе Приднестровья. Там же под собственным именем и под псевдонимами выступали Андрей Сафонов, Николай Бабилунга, Виталий Андриевский, Георгий Комарницкий, участники «Единства». Парламентский корреспондент Валентина Ушакова, издав сборник своих статей под названием «Не целуйте руки президентам», уехала в Россию, Иван Петков отбыл на Украину. Однако целая плеяда журналистов, талантливых и смелых, – Эдуард Шалимов, Татьяна Борисова, Нелли Торня, Михаил Березиков, Олеся Рудягина, Илья Марьяш, Майя Ионко, Михаил Дрейзлер, Сергей Дробот, Артём Вареница и другие – продолжала «держаться фронт» в Кишинёве. Пережившие Холокост Лев Бакал и Анатолий Коган, другие мастера пера, выступая в русскоязычных газетах Кишинёва и Тирасполя, начали сотрудничать с зарубежными изданиями. Выдвинулись и новые таланты, русская пресса устояла. Она сыграла очень важную роль в сохранении русской речи в Молдове, а также – в защите учреждений образования, функционирующих на русском языке.

Одной из своих задач «Единство» считало защиту русскоязычных средств массовой информации и отстаивало право граждан на получение новостей о событиях, происходящих в обществе, на понятном всем языке. Осенью 1991 года, после путча ГКЧП, Интердвижение протестовало против закрытия газет «Советская Молдавия», «Кишинёвские новости» и других, а также молдоязычной газеты «Кувынтул», против конфискации их помещений, денежных средств и фондов бумаги. Год спустя мы вновь вернулись к этому вопросу в связи с запретом распространения в республике ряда российских изданий. Антиконституционная ликвидация газет «Советская Молдавия» и «Молодёжь Молдовы», конфискации собственности газеты «Кишинёвские новости», отметили мы в специальном заявлении, нанесла серьёзнейший удар по свободе средств массовой информации в республике. Мы протестовали против запрета в Молдове российских газет «Правда» «Советская Россия», «Народная правда», против глушения передач приднестровского радио. Нам удалось добиться прекращения националистического произвола в этой сфере.

В 1995-1996 годах началась наша борьба против попыток унионистов запретить ретрансляцию передач телевизионных каналов России. Мотивы их были очевидны: согласно социологическим опросам, 82 процента телезрителей Молдовы смотрели телепрограммы из Москвы и только 18 процентов – из Бухареста. Фактически передачи российского телевидения смотрели и те, кто заявил о себе как о зрителе румынских каналов. Более качественные передачи ОРТ, «Останкино» и других российских каналов отбивали зрительскую аудиторию у Национального телевидения Молдовы, обескровленного этнополитической чисткой и убогим финансированием. Передачи российских каналов помогали сохранить в Молдавии функциональное пространство русского языка и ограничивали унионистам возможности идеологического воздействия на население. В конце 1991 года национал-радикалы из руководства электронных СМИ Молдовы уклонились от заключения с российскими телевидением и радио договора о ретрансляции передач на территорию республики на следующий год, а с 1 января 1992 года прекратили ретрансляцию.

Мы выступили с заявлением, в котором напомнили, что право граждан на получение информации является одним из фундаментальных прав человека, и потребовали возобновления ретрансляции. Руководству Национального телевидения и радио мы направили по этому поводу также депутатский запрос. После некоторых проволочек вопрос был урегулирован. Однако осенью 1992-го ретрансляция передач российских телевидения и радио на средних волнах, а также вещающих на средних и длинных волнах на все государства-участники Содружества независимых государств радиостанций Радио-1, Радио-3 и «Маяк» была вновь прервана. После наших протестов и запросов её возродили.

Игры с прекращением ретрансляции передач российских телевидения и радио унионисты продолжили и в дальнейшем. В частности, они пытались ограничить время ретрансляции.

В январе 1996 года руководство телевидения Молдовы заменило передачи московского ОРТ в утренние часы передачами украинского телевидения. Участники парламентской фракции «Социалистическое Единство» украинцы Э.П. Мазур и А.В. Городинский направили запрос, в котором указали, что трансляция передач украинского телевидения в утренние часы неэффективна, поскольку украинцы Молдовы проживают в основном в сельской местности и в это время заняты на работе. Устраивая эту игру на нервах русскоязычного населения, руководство «Телерадио-Молдова», вне сомнений, понимало суть вопроса. Время ретрансляции было изменено.

Унионисты чинили препятствия вещанию на русском языке электронными СМИ. В 1995 году передачи радио Молдовы на русском языке составляли всего 22 процента эфирного времени. В следующем году из 85-89 часов еженедельного вещания республиканского телевидения на долю передач на русском языке приходилось всего 6-7 часов эфирного времени. Передачи на русском языке и на радио, и на телевидении вели преимущественно молдаване. По-русски они говорили бегло, но используемая ими лексика и произношение давали основания для предъявления серьёзных претензий. Русскоязычная аудитория нашей республики была Национальным телевидением и радио, в основном, потеряна. Учитывая унионистскую направленность многих передач электронных СМИ Молдовы, а также наличие политически альтернативных медиа-ресурсов России и Приднестровья, настаивать на расширении их вещания на русском языке «Единство» не стало.

Русская пресса Молдавии сыграла важную роль в защите национального равноправия и гражданского согласия, молдавской государственности. Впрочем, этот феномен заслуживает специального серьёзного исследования.

Пётр ШОРНИКОВ – кандидат исторических наук, эксперт по истории Молдавии периода Великой Отечественной войны. Автор шести монографий и более пятисот статей, посвящённых истории и современной проблематике межэтнических отношений. Участвовал в подготовке ряда обобщающих трудов. Женат. Трое детей, четверо внуков. Живёт в Кишинёве. Работает в Приднестровском университете имени Т. Шевченко. Постоянный автор журнала «Русское поле».

Журнал «Русское поле» продолжает знакомить своих читателей с Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Обращаем внимание тех, кто намерен переехать на постоянное место жительства в Россию, на некоторые изменения, внесённые в этом году в российскую Госпрограмму.

В настоящее время в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, участвуют 60 регионов России.

С 2007 года, начала реализации Госпрограммы, в страну переселилось около 500 тысяч соотечественников. Наибольшей популярностью пользуются субъекты Центрального, Сибирского и Северо-Западного федеральных округов, принявшие 43,7, 17,6 и 11,5 процентов переселенцев соответственно.

В десятку лидеров по приёму соотечественников входят Калужская, Липецкая, Воронежская, Калининградская, Тульская, Новосибирская, Омская, Курская, Тверская и Саратовская области. Более 40 процентов переселившихся имеют высшее или неоконченное высшее образование, среднее профессиональное образование – почти 40 процентов. Среди переселившихся в Россию соотечественников 72 процента – граждане трудоспособного возраста.

В 2016 году в действующую Госпрограмму введены изменения. Установлено, в частности, что субъекты Российской Федерации вправе участвовать в субсидировании жилищных расходов участников Госпрограммы и вправе предусматривать в региональной Программе переселения иные гарантии и меры, направленные на поддержку в осуществлении малого и среднего предпринимательства, включая создание крестьянских (фермерских) хозяйств. Изменён срок обязательного проживания соотечественников в избранном субъекте РФ с двух до трёх лет. Также уточнено, что срок будет отсчитываться не со дня въезда на территорию России, а со дня постановки на учёт в качестве участника Госпрограммы и членов его семьи.

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

АСТРАХАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Территорией вселения является вся Астраханская область.

Астраханская область расположена на юго-востоке европейской части России, на территории Прикаспийской низменности в нижнем течении реки Волги. Область входит в состав Южного федерального округа и является приграничным регионом. На севере граничит с Волгоградской областью, на западе – с Калмыкией, на востоке – с Казахстаном. По морю граничит с Ираном, Туркменистаном и Азербайджаном. Город Астрахань – административный центр области. Основные промышленные центры – города Астрахань, Ахтубинск, Нариманов, а также посёлок Аксарайский и рабочий посёлок «Красные Баррикады».

Астраханская область является одной из наиболее стабильных территорий юга Российской Федерации – с точки зрения социально-экономического развития. Основу экономики региона составляют предприятия топливно-энергетического, судостроительно-судоремонтного и машиностроительного комплексов, пищевой и перерабатывающей промышленности и промышленности строительных материалов. Важное место отводится химической и нефтехимической, стекольной, полиграфической и медицинской отраслям. На территории региона находится Астраханское газоконденсатное месторождение, крупнейшее в европейской части России. Город Астрахань – центр судостроения и судоремонта. Агропромышленный комплекс региона представлен следующими направлениями: растениеводство (включая выращивание риса и овощебахчевых культур), животноводство

и семеноводство. Занятые под овощные культуры площади – едва ли не самые обширные в России.

Участникам программы по переселению и членам их семей оказывается содействие в трудоустройстве, включая занятия предпринимательской деятельностью и агропромышленным производством. При необходимости есть возможность переобучения в соответствии с требованиями работодателей территории вселения. Обеспечен доступ к медицинским, социальным услугам и услугам в области культуры до получения разрешения на временное проживание или до оформления гражданства Российской Федерации.

В качестве временного размещения участников подпрограммы и членов их семей предусматривается проживание в гостинице или в иной организации, оказывающей гостиничные услуги, за счёт собственных средств.

Расселение участников программы и членов их семей может происходить по договорам найма жилья у собственников за счёт средств участников подпрограммы и членов их семей.

Региональной программой переселения Астраханской области установлены следующие критерии, предъявляемые к соотечественникам: осуществление на законных основаниях документально подтверждаемой трудовой деятельности; наличие квалификации по востребованным на рынке труда Астраханской области профессиям; наличие документа о профессиональном образовании не ниже уровня среднего профессионального образования; документов, подтверждающих опыт работы; отсутствие длительного (более одного года) перерыва в трудовой деятельности; наличие трудоспособности (участник подпрограммы и (или) хотя бы один из членов его семьи пребывают в трудоспособном возрасте (для женщин – до 55 лет, для мужчин – до 60 лет), способные самостоятельно решать вопросы жилищного обустройства и регистрации в соответствии с законодательством Российской Федерации в выбранном муниципальном районе или городском округе области; планирующие получение среднего и высшего профессионального образования в образовательных учреждениях, расположенных на территории области.

ВОЛГОГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Территорией вселения является вся Волгоградская область.

Волгоградская область находится на юге европейской части России, граничит с Саратовской, Ростовской, Астраханской, Воронежской областями и Республикой Калмыкия, а также с Республикой Казахстан. Расстояние от Волгограда до Москвы – 1073 км. Площадь области – 112,9 тысяч кв. км. Климат Волгоградской области континентальный, с холодной, малоснежной зимой и жарким, сухим летом. Основные реки – Волга и Дон с притоками.

На территории области расположены Волгоградское и Цимлянское водохранилища, основные рыбопромысловые водоёмы области, солёные озера Эльтон, Боткуль, Горько-Солёное, а также многочисленные лиманы.

Численность населения области – 2557,4 тысяч человек, из них 77 процентов составляет городское население и 23 процента – сельское.

Административный центр области – город Волгоград, численность населения которого 1,01 млн. человек. Наиболее крупные города региона: Волжский, Камышин, Михайловка, Урюпинск.

Волгоградская область – один из наиболее экономически развитых регионов России со сбалансированной структурой хозяйства. Многоотраслевое сельское хозяйство сочетается с разнообразной промышленностью, запасами нефти и газа.

Основные отрасли промышленности: машиностроение и металлообработка (выпуск тракторов, судов, башенных кранов, подшипников, оборудования для нефтяной промышленности, электротехнической и пищевой промышленности; производство бурового, транспортно-складского, медицинского, торгового оборудования); топливная промышленность (добыча нефти, газа), нефтеперерабатывающая, химическая, нефтехимическая (в том числе производство каустической соды, химического волокна), чёрная и цветная металлургия.

В области хорошо развито производство стройматериалов, а также текстильная, деревообрабатывающая, пищевая промышленность. Волгоградская область является монополистом в России по производству 11 видов промышленной продукции, в том числе некоторых видов подшипников, сернистого ангидрида, полиуретановых нитей, газопроводных труб.

Волгоградская область выделяется производством высококачественного зерна, кукурузы, крупяных культур, семян масличных культур и растительного масла, овощей, фруктов, бахчевых. В структуре сельхозпроизводства 70 процентов приходится на продукцию растениеводства и 30 процентов – на животноводство (свиноводство, крупный рогатый скот, птицеводство, овцеводство).

Реализация Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, обусловлена необходимостью обеспечения экономики Волгоградской области рабочей силой и улучшения демографической ситуации в регионе. В рамках Государственной программы в 2016–2020 годах планируется принять на территории вселения 3794 участника Госпрограммы и оказать им содействие в трудоустройстве и обустройстве. Участникам Государственной программы будет выплачиваться единовременное пособие на жилищное обустройство. Размер пособия складывается из расчёта средней стоимости найма жилья в местности городского типа – 10 тысяч рублей и в местности сельского типа – 8 тысяч рублей.

Участникам Государственной программы и членам их семей за счёт средств областного и федерального бюджетов будут предоставлены услуги по содействию занятости населения: профессиональное обучение, дополнительное профессиональное образование; оказание финансовой поддержки участникам Государственной программы и членам их семей в период прохождения профессионального обучения, получения дополнительного профессионального образования; организация временного трудоустройства.

Оказание медицинской помощи участникам Государственной программы и членам их семей включает: медицинское освидетельствование участников Государственной программы и членов их семей для получения разрешения на временное проживание и вида на жительство в Российской Федерации. А также – помощь в оформлении полисов обязательного медицинского страхования и оказание медицинской помощи в рамках территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи населению Волгоградской области.

КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ

Краснодарский край расположен в юго-западной части Северного Кавказа, на северо-востоке граничит с Ростовской областью, Ставропольским краем, Карачаево-Черкессией, Адыгеей и Абхазией, по морю – с Крымом.

Краснодарский край – самый тёплый регион России. В крае более 500 рек, его основная водная артерия – Кубань, одна из главных рек Северного Кавказа.

Численность населения края составляет 5516,2 тысяч человек. По общей численности населения Краснодарский край на третьем месте среди субъектов Российской Федерации.

Административный центр Краснодарского края – город Краснодар (917,9 тысяч человек) – культурный и научно-образовательный центр, важный транспортный узел. Крупные города края: город-курорт Сочи – 467,72 тысяч человек, Новороссийск – 319,2 тысяч человек, Армавир – 210,3 тысяч человек, город-курорт Анапа – 175,2 тысяч человек, город-курорт Геленджик – 109,3 тысяч человек.

Ведущее место в структуре промышленности принадлежит перерабатывающим производствам. Пищевая отрасль обеспечивает 42,8 процентов общего объёма промышленной продукции; далее идут электроэнергетика (13,4 процента), топливная отрасль (10,5 процентов), машиностроение и металлообработка (9,4 процентов) и промышленность строительных материалов (7,9 процентов). В экономике России край – важнейший сельскохозяйственный регион страны (7 процентов валовой продукции сельского хозяйства России, первое место в РФ). Краснодарский край – лидер по валовому сбору зерна (10 процентов от общероссийского) и сахарной свёклы (17,3 процентов), один из ведущих производителей семян подсолнечника (15 процентов) и виноградных вин (37 процентов).

Важная отрасль экономики Краснодарского края – туризм, активно развивающийся на побережье Чёрного и Азовского морей, а также в горных и степных районах края. Центральную роль в сфере туризма играют курорты федерального значения – Сочи, Геленджик и Анапа. Курорты краевого значения – Ейск, Горячий Ключ и Туапсинский район.

Образовательную деятельность по программам высшего образования ведут 77 высших учебных заведений, включая филиалы, в том числе – 13 государственных вузов и 10 их филиалов, 1 муниципальный вуз. В Краснодарском крае действуют 109 профессиональных образовательных организаций, которые ведут обучение по 220 программам.

Край занимает десятое место в стране по количеству специалистов, выпущенных высшими учебными заведениями, и четвертое место – по количеству специалистов, подготовленных средними специальными учебными заведениями.

Государственная программа Краснодарского края «Оказание содействия добровольному переселению в Краснодарский край соотечественников, проживающих за рубежом» будет реализовываться в 2016-2021 годах. Цель программы – содействие добровольному переселению квалифицированных кадров из числа соотечественников, проживающих за рубежом, для социально-экономического развития Краснодарского края. Приоритет при отборе участников Государственной программы будет отдаваться соотечественникам, планирующим переселиться в сельские территории Краснодарского края для трудоустройства в учреждения здравоохранения.

Реализация региональной программы будет осуществляться на территории муниципальных образований Краснодарского края, имеющих статус сельского поселения. По состоянию на 29 августа 2016 года представили сформированные информационные пакеты для включения в Региональную программу муниципальные образования Абинского, Белоглинского, Ейского, Кавказского, Каневского, Крымского, Мостовского, Новопокровского, Отраденского, Павловского, Тбилисского, Тимашевского и Щербиновского районов.

РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Территорией вселения является вся Ростовская область за исключением города Ростов-на-Дону.

Ростовская область расположена на юге Европейской части России.

Уникальное географическое и геополитическое положение обеспечивает Ростовской области функцию «ворот Северного Кавказа». Ростовская область граничит с Воронежской и Волгоградской областями, Краснодарским и Ставропольским краями, Республикой Калмыкией и Украиной.

Административный центр Ростовской области – город Ростов-на-Дону, крупный промышленный, культурный и научно-образовательный центр, важный транспортный узел. В 2002 году город получил статус столицы Южного Федерального округа.

Наиболее прочные позиции в промышленности Ростовской области занимают предприятия пищевой промышленности, машиностроения, металлургии и производства электроэнергии.

Ведущими промышленными предприятиями Ростовской области являются: группа компаний «Ростсельмаш» – крупнейший производитель сельхозтехники в России; ОАО «Роствертол» – единственное на юге России вертолётостроительное предприятие; ООО «Новочеркасский электровозостроительный завод»; филиал ЗАО «АЭМ-технологии» «Атоммаш-производство» – производство оборудования для нефтегазохимического комплекса, атомной энергетики и другие предприятия.

Особое место в растениеводстве региона занимает зерновое направление, а также выращивание подсолнечника, по валовому сбору которых Ростовская область – среди субъектов Российской Федерации, занимающих лидирующие позиции. Область обладает развитым животноводческим комплексом.

Трудоустройство соотечественников, решивших переехать на постоянное место жительства в область, может быть осуществлено на вакансии, заявленные работодателями в органы службы занятости населения, или путём самостоятельного поиска работы.

Наиболее востребованы в экономике региона квалифицированные рабочие и специалисты в обрабатывающих производствах, строительстве и обслуживании, сфере образования и здравоохранения.

Временное и постоянное жилищное обустройство участников Государственной программы и членов их семей предусматривается за счёт собственных средств переселенцев на условиях аренды, найма (поднайма) жилья, приобретения жилья, предназначенного для продажи, индивидуального жилищного строительства, участия переселенцев в программах ипотечного кредитования, а также предоставления служебного жилья работодателем.

Численность населения Ростовской области составляет 4,236 млн. человек.

По общей численности населения область на шестом месте среди субъектов Российской Федерации. В городе Ростове-на-Дону численность постоянного населения – 1 199,8 тысяч человек. Крупные города области: Таганрог – 251 тысяча человек, Шахты – 236,7 тысяч человек, Новочеркасск – 170 тысяч человек, Волгодонск – 170 тысяч человек.

В рамках подпрограммы участникам Государственной программы и членам их семей предусмотрены следующие меры социальной поддержки за счёт средств областного и федерального бюджетов: выплата единовременного пособия на жилищное обустройство участникам Государственной программы в размере, на условиях и в порядке, установленных Правительством Ростовской области; проведение медицинского освидетельствования участников Государственной программы и членов их семей.

С региональными программами переселения всех субъектов России, участвующих в реализации Госпрограммы переселения, в том числе и Южного федерального округа, можно ознакомиться на сайтах АИС «Соотечественники» (www.aiss.gov.ru) и Главного управления по вопросам миграции МВД России (www.гувм.мвд.рф).

РУССКОЕ СЛОВО

Подписной индекс газеты - 21555

Член поискового
отряда «Август»
Егор Симонян:

“Для памяти

срока
давности
нет”

